

ВЛАДИМИР ПРОНСКИЙ

КАЗАЧЬЯ ЗАСЕКА

РОМАН*

Эти слова прилепились к Андрею Бунтову из Казачьей Засеки, второй год маявшемуся без работы, ни с того ни с сего. Какой день, как сошел снег, он слонялся по двору и талдычил под нос: “Желаю счастья и добра!” А кому, за что — совершенно непонятно. Он и сегодняшним утром не думал ни о чем таком, что могло бы заставить посмотреть на себя со стороны, но последняя проделка сорвала душу с места. Как подгадал-то верно, и откуда только хитрость такая явилась, когда, собравшись заглянуть в дом, чтобы попить, увидел выходящих из веранды двух цыганок. И сразу в душе ругнулся на жену, провожавшую их: “Нашла кого привечать?! Эти лажудры только и ждут момента, чтобы вокруг пальца обвести!” Зашел Андрей в кухню, попил компоту и увидел, что кошель Валентины, как всегда, на виду лежит. Андрей, чтобы проучить жену, сунул кошелек в карман и вернулся в сарай. А, глядь, через полчаса примчалась раскрасневшаяся Валентина и, сверкая черными глазами, за которые, наверное, цыганки и любят-то ее, сразу с вопросом:

— Ты, что ли, кошелек-то прихватил?

ПРОНСКИЙ Владимир Дмитриевич родился в городе Пронск Рязанской области в 1949 году. Работал токарем, водителем, корреспондентом, редактором. Автор романа-трилогии “Провинция слёз”, романов “Племя сирот”, “Три круга любви”, нескольких книг повестей и рассказов. Публиковался в журналах “Молодая гвардия”, “Москва”, “Наш современник” и других. Лауреат премии имени А. С. Пушкина, Международной литературной премии имени Андрея Платонова. Член Союза писателей России. Живёт в Москве

*Журнальный вариант.

Млея от злорадства, Андрей ухмыльнулся:

— Привечай, кого ни попадя! Забыла, кто у тебя только что гостил?! Сколько денег-то было?

— Рублей сто, но все равно жалко!

Валентина в отчаянии развернулась, не желая тратить время на пустой разговор, и как была в кофте и цветастом переднике, так и побежала искать цыганок. Андрей же сразу закрыл сарай и отправился в другую сторону, к Авдотыхе, к которой ходила вся слобода, за бутылкой самогона, да чуть не поругался. До чего додумалась, зараза старая: цену подняла! Бутылка два червонца стоила, а теперь четвертак выкладывай! “Поджечь бы тебя, сволоту поганую!” — в душе ругнулся Бунтов и злой прищуркой посмотрел на старуху, выглядывавшую из двери веранды, в засаленном ватнике и худых опорах.

Вернувшись домой, он заскочил в кухню, схватил из холодильника огурец, ломоть хлеба и вновь отправился в сарай, где возился с черенком для лопаты, который, чем сильнее забирала самогонка, выстреливал неторопливее, почти с любовью, словно для выставки готовил. И настроение поправилось. Только когда увидел вернувшуюся Валентину, мелькнувшую перед домом, оно сразу понизилось. Совестно стало. Ведь хотел пошутить и прочувствовать жену, а теперь не хватило духу сознаться, что сам взял кошелек, можно сказать, — украл последние деньги; заначка, конечно, у них небольшая имела, но ее берегли на самый крайний случай.

“Обойдется, — немного помучившись, подумал Андрей о жене, — блинов напечет, картохи наварит! Зато в следующий раз умнее будет!” Подумать-то подумал, но, продолжая играть невинного, притащившись к ужину, все-таки спросил:

— Догнала цыганок?

— Догони их, попробуй!

— Молодец, теперь жди — они еще придут, еще что-нибудь утянут!

Бунтов еще что-то пробормотал, похлебав щей и отправился спать. Уже засыпая, подумал: “Завтра все расскажу, покаюсь...” И эта мысль немного успокоила, хотя он и не понимал, почему именно сегодня пустился в пьянство. Если по-настоящему вспомнить минувшую зиму, то Бунтов только и мечтал о весенних днях, когда окончательно завяжет с выпивкой, будет надеждой и опорой Валентине. А то ведь, считай, оба последних года, как остался без постоянной работы, только и делал, что с мужиками кучковался. Правда, зимой несколько месяцев служил истопником в школе, но едва не заморозил трубы, и его в тот же день выгнали. Хорошо еще, жена из дому не выгоняет, и приходится перебиваться на ее пенсию. Спасибо детям: и деньги присылают, и продуктами снабжают, когда приезжают по праздникам. С ними, правда, более Валентина занимается, а на него — что сын, что дочь — и смотреть не желают. Мол, бездельник, пьяница, хорошо еще, что из дома не тянет. Он действительно не тянул до сегодняшнего дня, а ныне вон как все повернулось!

И все-таки на следующий день, не зная, что делать с деньгами, которые, казалось, жгли ногу (пустой кошелек он вчера выбросил в овраг), улучив момент, Бунтов дал знак пенсионеру Круглову, жившему через три двора, которому задолжал бутылку. И тот быстро появился в сарае, зная, что Бунтов просто так не позовет. И верно. Едва не по-сельски расплывший Алексей Петрович отдышался, как Андрей сразу взял соседа в оборот:

— Долго-то не расслаживайся... Вот тебе тридцатка — смотайся к Авдотыхе и сдачу с нее потребуй, а то она, гадость, цену повысила — совсем обнаглела. Да только без шума сходи, чтобы моя не увидела. А как возьмешь, то потихоньку выбирайся к ферме. Через полчаса и я туда подгребу! Понял? — как у мальчишки, спросил Бунтов. — И никому ни-ни. А то вчера цыганки стянули у Валентины кошелек, на меня грешить начнет!

— Много говоришь! — укорил Петрович, вытирая мятой кепкой пот, криво катившийся по синюшным щекам.

Петрович исчез за сараем, а Бунтов, прихватив парочку огурцов, вскоре встретился с соседом у разворванной фермы. Быстро, прямо из горлыш-

ка, высосали бутылку. Немного подумав, Бунтов, расщедрившись, отправил соседа за второй, потому что самогонка у Авдотьихи — натуральная дрянь: градусов почти никаких, а для дури, говорят, старуха табаку добавляет.

Добив и вторую, они разошлись, и Бунтов возвращался к себе через сад, мимо беспризорного трактора “Беларусь”, и за двором увидел Валентину, копавшую грядку. Остановился, уместился на “козлах” для пилки дров, насмешливо укорил:

— Рано ковыряться начала! Земля еще не поспела!

Валентина промолчала и сделала вид, что не замечает его.

— Серьезно говорю. Пошли обедать!

Жена продолжала молчать, Андрей подошел к ней и удивился:

— Чего слезы-то льешь?!

— Жалею, что с таким дураком, как ты, всю жизнь промучилась! Когда только нахлебаешься-то, когда подавишься-то!

— Эх хватила: “Подавишься!” Ты что же, моей смерти хочешь?!

Валентина промолчала, а Андрей взъерепенился:

— Чего молчишь-то, отвечай!

— И не думаю больше молчать! — Она бросила лопату и отправилась в дом, на ходу процедив: — Видеть тебя не могу!

— Молодец, не привыкать выкаблучиваться! Вот те и “Желаю счастья и добра”, — усмехнулся Бунтов и отправился к Авдотьихе.

До двух бутылок не хватало, но отпустила в долг. Схоронив бутылки под фуфайку, Бунтов вернулся в сарай. Потом заглянул в погреб, наскреб литровую банку квашеной капусты и теперь уж разместился в сарае по-царски. Пил не торопясь и размеренно до вечера. А в перерывах пиликал на гармошке, которую принес из дома еще днем. Опрокинет полстаканчика и заиграет страдания, от которых душа сразу отмякала:

*Заложило сердце-грудь —
Нельзя ни охнуть, ни вздохнуть.*

Сыграв, Бунтов замирал, словно звуки гармошки проникали в него самого. Уловив, продолжал игру:

*Лягу спать, глаза закрою —
Не дает любовь покою.*

Недалеко от его топчана сидела индейка на яйцах, и когда Бунтов шевелился, она начинала шипеть, пыталась клонуть, а он говорил ей:

— Выведешь из себя, пинка запросто получишь!

Поругавшись на индейку, вновь запевал:

*Болит сердце, жжет досада-а,
Не люби, кого не надо-о!*

Петь страдания Андрей мог бесконечно, знал их уйму, хотя специально никогда не заучивал. Когда начало темнеть, пришла Валентина, отвлекла, сердито спросив:

— Чего дуришь-то? Пошли домой!

— В сарае буду спать, на стружках. Сейчас тепло стало.

— Дело твое — валяйся тут, сколько хочешь, но если индюшку с гнезда спугнешь, то на глаза не попадайся, — хряпну, чем попало!

— Отстань, не мешай спать!

— Спи, спи... Дети приедут, увидят, в какого скота их отец превратился.

Он действительно ночевал в сарае на топчане, подложив под голову лохматую фуфайку и укрывшись фуфайкой. А утром, подмерзнув, проснулся трезвым и будто от чего-то толчка, когда вдруг вспомнил о детях, которые обычно приезжают на майские праздники, и от этой мысли в душе поселилась тревога: уж больно не хотелось, чтобы жена нажаловалась им. Еще, чего доб-

рого, вспомнит о пропавшем кошельке. Тогда придется по-настоящему оправдываться, краснеть: и перед дочерью, и, особенно, перед сыном.

Мысли не давали покоя, и поэтому Андрей не сразу поднялся со своего лежбища, растревожив индейку, по-прежнему шипевшую по-змеиному. Подняться-то поднялся, а в дом идти не хотелось — рано, жена ругаться будет, что, мол, разбудил не ко времени. Это прежде, когда корова имелась, она вставала чуть свет, а сейчас все изменилось. Глотнув капустного рассола, Андрей зачем-то отправился в сад и увидел трактор, на котором когда-то работал и который пятый, что ли, год ржавел под разросшейся рябиновой аллеей, с того самого дня, когда его списали с баланса развалившегося совхоза. Трактор сразу стали разворовывать — сняли фары, аккумулятор — и Бунтов пригнал его к себе в сад.

Вспомнив о тракторе, Андрей вспомнил и о том, что у них с женой имеются два пая земли по семь гектаров. Пусть не хватит сил все засадить картошкой, но ведь можно пока клевером и тимофеевкой засеять. Со всех сторон хорошо: клевер убьет бурьян, и сена будет потом невпроворот. Хочешь — продай, хочешь — свою корову заведи, а то и двух-трех. А что: они с Валентиной еще и не старые, им работать и работать. Зато, как дети с внуками приедут, — молоком обожьются! Опять же дачникам, которых с каждым годом все больше прибывало, можно продавать — вот они, деньги-то, сами просятся в руки!

Эти мысли заслонили все другие, даже расхотелось похмеляться. В другой бы раз Бунтов обязательно побежал по слободе, а сейчас передумал. Вернулся в дом. Хотел на радостях рассказать о планах Валентине, но пока не решился: ведь ругаться начнет, скажет, что спьяну, мол, что угодно можно нагородить. А она действительно глянула на него и всплеснула руками:

— Глянь, на кого похож-то?! Тебя ведь в зоопарке показывать можно! Надо брату твоему сообщить, чтобы приехал и посмотрел на это чудо в перьях!

Услышав о брате, жившем в дальнем районе, Бунтов никак не отозвался, потому что знал: это пустые слова, сказанные для остротки. Поэтому не стал перебрехиваться, да и она не пожелала более тратить на него слова, хотя ему хотелось, чтобы отругала по-настоящему, поставила в пример бывшего друга Коляню Фролова, который “зашился” и вот уж полгода в рот не берет. Она всегда ставила его в пример, а Бунтов всякий раз отмахивался: “Если будет нужно, я и сам брошу, без всякого нарколога!” Ведь пойти к врачу казалось до невозможности постыдным делом, и стыдно было, прежде всего, перед самим собой. Ведь Бунтов себя и пьяницей-то не считал. Поэтому несколько дней ходил сам не свой. И, главное, в эти дни хотя и мучился, но в рот капли не брал. И не потому, что не на что купить (Авдотыха в долг бы снабдила), а из-за обиды на себя самого. А еще из-за мечты о тракторе, о том, как он, Андрей Николаевич Бунтов, вскоре будет работать на нем и всем докажет, что он не чета какому-то пропащему Коляне.

А еще через два дня, после завтрака посмотрев районную газету, которую Валентина месяца три берегла специально для него, Бунтов прочитал объявление о снятии запоев... Прочитав, неожиданно побрился, умылся и, переодевшись, сказал:

— Пойду в поликлинику! Надоело твою брехню слушать! Гони тысячу!

— Давно бы пора... — неопределенно отозвалась Валентина, потому что ей сразу стало жалко денег, да и не верила она, что Андрей доведет дело до конца.

Но если бы знала, что намерение у мужа закипело самое серьезное, то перестала бы вздыхать. Действительно, настроение у него с утра прорезалось боевое, острое, но оно сразу затупилось, когда он добрался до города и увидел здание поликлиники. Неудобство в душе, обида и стыд, оттого что допилился до такой степени, что надо идти и кланяться врачу, затемнили голову. Но в какой-то момент его как осенило: “А что если не ходить к врачу, а Валентине сказать, что, мол, все в порядке, “зашился”, как ты велела, теперь живи и радуйся!”

Он все-таки зашел в поликлинику, посмотрел, когда принимает врач-нарколог, но записываться не стал, лишь полюбопытствовал в регистратуре, спросив, сколько стоит кодировка.

— Дядечка, — мило улыбнулась в окошке крашенная девчушка, — для вас не более девятисот. Записывать?

“Коляня осенью говорил, что с него пятьсот взяли. Дурят!” — решил Бунтов и не стал записываться, не из жадности, нет — из принципа. Эта догадка только подстегнула до конца проверить себя: получится или нет, хватит силы воли или теперь совсем ничего не осталось: ни силы, ни воли!

Из поликлиники он отправился в гараж механического завода, едва-едва дышавшего в последние годы, и где у него еще оставались знакомые. Поговорив с одним, он выпросил за сто рублей старый, но в рабочем состоянии бендикс, потом зашел к аккумуляторщику. За триста рублей договорился об аккумуляторе. Пусть тоже “бэ-у”, пусть. На сезон хватит, а там видно будет.

Распорядившись, Бунтов заглянул на автостанцию, чтобы не мять зря ноги, а подъехать на автобусе. Встав в очередь у кассы, неожиданно встретил соседа — Семена Пичугина, которого не видел года три или четыре. Возвращался Семен из заключения, если судить по его кирзачам, поношенной нейлоновой куртке и коротко стриженной голове, едва прикрытой кепкой со сломанным козырьком. За эти годы внешне почти не изменился, лишь сильно похудел. Был он явно навеселе, и теперь кинулся к Бунтову с объятиями, обдав перегаром:

— Николаич, привет! До автобуса двадцать минут — отметим встречу!

В другой бы раз Бунтов и не подумал отказаться, а сейчас это приглашение как ножом по сердцу резануло, подумал, внутренне содрогнувшись: “Не хватало счастья встретить этого рыжего обезьяна!” Поэтому и отказался:

— Семен, рад бы, да не могу! Язва замучила! Только что из больницы.

— Тогда я в одинаре! — махнул рукой Пичугин.

Семен достал из рюкзака початую бутылку, заткнутую пробкой из смятой газеты, при всех глотнул из горлышка и вытер мокрый рот с налипшими на губах крошками. Потом, пока дожидались автобуса, он выспрашивал и выспрашивал у Бунтова о жизни в слободе: о своих дружках, работают ли ларьки, появились ли новые люди — обо всем. Андрею даже надоело отвечать, и он обрадовался, когда подрулил автобус до Перловки. В автобусе Семен по-прежнему обдавал Бунтова перегаром, от запаха которого его едва не стошнило. Поэтому и вышел раньше, в Нижней слободе, сказав Семену, что, мол, надо зайти в хозяйственный. Пичугин было потянулся за ним, но Бунтов остановил:

— Ты, малый, к матери спешу, она все глаза проглядела!

В магазин Бунтову, конечно же, не надо было идти, поэтому пришлось пылить до своей слободы пешком. Кое-как допылил, а Валентина сразу с вопросом:

— Ну и как?

— Нормалек... Немного, правда, помучили, но обошлось... Врач сказала, что теперь я на два года застрахован. А если вдруг сорвусь, то смертельный исход может быть!

— О, Господи! Чего же это они такую строгость-то напускают?!

— Иначе нельзя... Слабы стали мужики. Только страхом смерти иных заставишь бросить пить... — сказала Бунтов с серьезным видом.

— Денег-то хватило? — спросила Валентина и внимательно, даже строго посмотрела мужу в глаза.

— Стольник остался... — Бунтов нехотя достал сто рублей.

Жена взяла деньги и сразу отстала с вопросами, и Андрей успокоился, знал, что более не придется врать.

Он пообедал, хотел отдохнуть, потому что с утра так находился, что теперь гудели ноги, но лишь перекурил, а потом сразу переоделся и отправился к трактору, решив сегодня же заменить бендикс. Правда, сперва мысль наполовину делилась: “Что теперь делать с оставшимися деньгами, которые якобы уплатил врачу?!” Думал-думал и придумал: прежде всего, вернуть Валентине кошелек с деньгами и хотя бы канистру солярки для трактора

купить. Бунтов даже набрал тележку мусора, чтобы иметь законный повод съездить к оврагу и попытаться найти выброшенный кошелек. И он сразу нашел! Лежит и поблескивает, словно солнечный зайчик, никелированными застежками. Удача! Положил Андрей в него деньги точно в таких же купюрах, в каких взял, и в тот же день толкнул кошелек за буфет, чтобы при первом же подходящем случае “найти”. Когда разделался с кошельком, то вновь подступил к трактору и возился с ним до вечера, хотя Валентина всякий раз, проходя мимо, ворчала:

— Опять ерундой занимаешься...

Но Бунтов не обращал внимания на нее, зная, что она это говорит по привычке, радуясь в душе, что он побывал у врача. Когда Бунтов лег спать, то вдруг понял, что все еще не определился, как жить дальше, не верилось, что пьяные заморочки разрешились сами собой. Как все легко получилось: сказал себе “Нет!” — и, пожалуйста, вот оно: бери и пользуйся. Единственное, что Бунтова пугало, так это неизвестность: хватит ли терпения не останиться в один прекрасный момент, когда вдруг тот же Петрович по-дружески попытается соблазнить, хватит ли духу отказаться? И Бунтов решил, что хватит. Ведь он же “зашитый”, как говорят мужики! Он — отрезанный ломоть для настоящей компании. И хотя Валентина просила никому в слободе не говорить об этом, но Бунтов сам, еще днем, когда возвращался из города, пустил среди мужиков о себе слух: “Мол, пришлось это сделать. Иначе жена из дому бы выгнала!”

Валентина словно знала о мыслях, которые терзали мужа в последнее время, и сперва сделала вид, что заснула, а потом повернулась, обняла и шепнула, усмехнувшись:

— От тебя опять стало пахнуть трактористом!

Он даже рассмеялся от ее слов и прижал к себе, поцеловал, и она не фыркала, не сопротивлялась, как сопротивлялась в последнее время, а, казалось, только ждала сегодняшней ночи.

Через два дня Бунтов привез с Коляней Фроловым на его мотоцикле аккумулятор и, перекрестясь, попытался завести “Беларусь”. Когда со второй попытки мотор гневно выдохнул облако черного дыма, то даже Валентина выскочила из дома и по привычке напустилась:

— Чего опять вытворяешь-то?

— Вытворяю вот... Пришла пора огород под картошку пахать!

Когда же через несколько дней Валентина нашла пропавший кошелек и похвалилась находкой, то Андрей, находясь в плену настроения, укорил:

— На меня ведь грешила...

— Сперва-то на цыганок, а потом на тебя, это верно. Особенно когда от Авдотыхи бутылку за бутылкой тягал.

— Кто тебе такую глупость сказал?!

— Люди добрые...

— Слушай брехню, еще не то нагородят!

Пять слобод окружают древний городок Лонск, к которому все они относятся административно. Есть и еще одна — Казачья Засека, где с рождения живет Бунтов. Эта самая молодая, как считают, слобода, состоит из трех улиц и административно почему-то не входит в Лонск. Родилась она, видимо, в ту пору, когда утверждалось понятие “казак”, возникшее на юге рязанской земли, прижившееся на Дону и вернувшееся из вольных степей в родные пределы, где в это время строили Засечную черту, или Засеку, — оборонительную линию Московского государства.

Казачью Засеку особенно хорошо можно разглядеть со стометрового лонского холма. Сперва под горой завиднеются крыши Стрелецкой слободы, Затинной, где прежде жили мастера зеленого боя, а за разливом Лони, перегороженной плотиной ниже по течению у города Электрика, взору откроется Нижняя слобода. Потом прихотливым изгибом засеребрится речка Алешня, ставшая заливом водохранилища, и завиднеется Никольская. А напротив ее, слева от перловской дороги, покажется Казачья Засека, вытянутая почти до горизонта. Когда-то в центре слободы стояли церковь, три

магазина с провиантским складом, почта, аптека, школа. Но церковь в тридцатые годы снесли под корень, два магазина переделали под колхозные кладовые. В начале шестидесятых закрыли почту. Аптеку же в перестройку приспособили под здание администрации сельского поселения, как теперь стали называть прежние сельсоветы. Так теперь и жили местные люди, сделавшиеся поселенцами на родной земле, пытаясь жить так, чтобы не зариться на государственную казну, а рассчитывать лишь на собственные силы. Поэтому не удивительно, что однажды глава администрации — Марьяна Половинкина — предложила на сходе легализовать бизнес Авдотьихи, а поступившие таким образом в казну администрации средства направлять на ремонт водопровода и принудительное лечение от пьянства особо нуждающихся мужиков. Люди, конечно, смеялись и понимали горечь слов Половинкиной, находившейся на посту главы еще с советских времен, когда хоть какие-то средства, но поступали.

И все же, несмотря на выкрутасы отдельных граждан, жизнь вокруг Лонска текла привычно и неизменно. Да и не могла она быть иной, как не могли измениться привычные русскому уху названия слобод, пришедшие из давних времен, когда лонские князья считались не последними на Руси. Лончане слыли мужественными, стойкими и свирепыми воинами. Они не расставались с мечами даже во время полевых работ, потому что их земли оказались окраинными на Руси. За ними на юго-восток расстигалось бесконечное Дикое поле, называемое еще Половецким, откуда только и жди набегов кочевников.

С тех времен прошло много веков, и понятное дело, что нравы и характеры местных жителей размылись, но не до такой степени, чтобы не считаться с ними. Ведь и сейчас, того и гляди, кто-нибудь из своих ножку подставит, если чужие далеко. А это еще хуже, когда не знаешь, откуда ждать напасти, и дважды хуже, когда неизвестно как с ней бороться. Может, поэтому жители Засеки по-прежнему, как в старину, слыли упрямыми, неговорчивыми, даже свирепыми, особенно когда им становились поперек дороги. Приобретались эти свойства и пришлыми людьми, коих стало немало, особенно с началом перестройки, когда потянулись русские люди из окраинных земель империи.

Андрей Бунтов все это, конечно, замечал и тоже переживал, но все переживания после похода в Лонск позабылись. Теперь у него лишь одно вилось на уме: как отремонтировать трактор и опробовать на ходу. А когда через несколько дней наладил “Беларусь”, то, нацепив плуг, поспешил выехать на свой огород. Прошел первую загонку — сразу грачи появились. Ходят вразвалку по пахоте, а у Андрея от их развалочки — радость на душе и улыбка на вспотевшей физиономии. Не успел Бунтов допахать огород, как соседи собрались: переминаются, смотрят завистливо. И среди них Коляня. Этот не завидует вроде, но по глазам видно, что хочет попросить о помощи, а не решается. Прежде-то, когда за воротник закладывал, не таким был. Вот что водка или, как теперь, отсутствие ее делает с человеком, что и подтвердил позже всех подошедший Петрович. Тот сразу же направился к трактору и властно махнул Андрею кепкой, обращая на себя внимание. Разворачиваясь, Бунтов остановился, высунулся из кабинки: чего, мол, тебе?

— Николав, управишься на своем огороде — друга не забудь, — подступил недавний собутыльник. — Ведь я первым подошел. Все тебя будут просить, а я требую! По старой дружбе!

— Считай, что договорились... — улыбнулся Бунтов и подумал: “Ведь наверняка бутылку принес! Не верит, что я в завязке!”

Расправился Бунтов со своим огородом и поехал к Петровичу, потому как отказать ему не хватило ни сил, ни совести. На соседском огороде повторилась та же история: опять грачи, опять черная земля струей из-под заблестевших лемехов и опять завистливые глаза слободчан. И тогда понял Бунтов, что придется всем пахать огороды, чтобы не разжигать обиду. Поэтому, когда и огород Петровича вспахал, то заглушил двигатель, а сказал так, чтобы всем была понятна его мысль:

— Мужики, без солярки, сами понимаете, мой конь работать не сможет, а денег на солярку Валентина выделила только на свой огород, а то, что Пе-

трович под руку подвернулся, так это ему повезло. Так что придется вам скидываться и на заправку ехать. Я бы и сам сгонял, да номеров у трактора нет!

И тут подал голос худой, носатый Коляня:

— У меня мотоцикл без дела стоит!

В общем, говорили-говорили и решили собрать по сто рублей с носа. Коляня сразу отправился на заправку. А чтобы народ зря не ждал и не ходил вереницей с огорода на огород, Бунтов путанул от себя собравшихся:

— Идите по домам — всем вспашу...

Все разошлись, лишь осталась Роза, недавняя переселенка. Она работала почтальонкой и, конечно же, успела за три года жизни в слободе всех узнать, но по-прежнему оставалась стеснительной и неразговорчивой. Вот и сейчас спряталась за ветлой и выглядывала, почти незаметная из-за небольшого роста. Но Бунтов все-таки заметил и усмехнулся в душе: “Значит, я сам должен догадаться, что и ей тоже надо вспахать огород! Молодец баба! На понт берет, но забыла, что овес к лошади не ходит!” Он демонстративно начал возиться с трактором, а сам нет-нет да косился в ее сторону. А она хоть бы с места стронулась. Пришлось Бунтову самому идти к ней. Подошел, а она — черные глаза в землю. А у него от ее робости — воодушевление во всю грудь, спросил с ухмылочкой:

— Ну и кого мы ожидаем?!

— Вас, Андрей Николаевич... Хотела попросить об огороде. Надо бы вспахать. Вот деньги, возьмите!

— Да ладно... Деньги! У меня девать их некуда, а тебе пригодятся. Иди домой, не торчи здесь. Вот придет Коляня с соляркой — тебе первой вспашу.

Она ушла, а он, вернувшись к трактору, вспоминал ее глаза и необыкновенный взгляд, каким ни одна маруха в слободе не смотрела в последние годы. “Влюбился я, что ли?! — поймал себя Бунтов на неожиданно пришедшей мысли и порадовался ей, постарался утвердить: — А что, разве нельзя?!”

“Разве нельзя, разве нельзя?!” — весь день стучало у него в голове, пока он, словно по инерции, ездил с огорода на огород. В этот день он совсем не думал о том, сумеет ли что-нибудь заработать или катается для собственного удовольствия. Хотя, конечно, удовольствие это быстро закончится, если вдруг окажется, что работает себе в убыток. Но об убытке или прибыли он почти не думал. Другое было на уме: Роза, на которую почему-то именно сегодня обратил внимание, хотя знал ее не первый год. И все же вечером, интереса ради, посчитал прибыль, и оказалось, что у него осталось триста рублей.

На следующий день он заработал пятьсот, правда, пришлось вкалывать почти дотемна. Но это не страшно, даже радостно от работы становилось на душе. К вечеру, когда солнце запуталось в зацветающих вишенниках да в зеленеющих рябинах, разукрашенных белыми шапками цветов, как матовыми люстрами, Валентина нашла мужа на дальнем порядке и, встав в сторонке, ждала, когда он остановится. А он затормозил, только допахав очередной огород, и вопросительно посмотрел: мол, чего пришла-то?

— Хватит на сегодня, поехали домой! Весь день, считай, не емши!

— Залезай! — пригласил Бунтов жену в кабинку, но та отказалась:

— Пешком дойду, а то, как тракторист, соляркой пропитаюсь.

— Ну, как хочешь... — не стал упрашивать Андрей и взял направление к дому.

Когда Валентина подошла к своей веранде, то заметила мужа сидящим на лавочке перед палисадником — деньги пересчитывает. Увидев жену, Андрей спросил:

— Тебе отдать или пока у меня побудут?

— Сам же заработал! Вот и пользуйся. Вдруг ремонт какой-нибудь придется трактору сделать.

— Верно, мать, говоришь! Надо его покрасить, а то уж и не поймешь, какого он был цвета, да и фары поставить. Но это не срочное дело. Прежде надо сошники наладить. А то вспахать-то огород вспахали, а как картошку сажать? Под лопату, что ли, как в прошлом году?

— У тебя вроде имелись когда-то?

— Имелись, да рама лопнула. Надо варить.
— Вот и займись. А то ребята через два дня приедут, а у тебя ничего не готово.

Валентина ушла, а Андрею даже вставать с лавочки не хотелось, а не только умываться. Вскоре Валентина позвала:

— Ну и чего прохлаждаешься-то, все готово!

Бунтов оглянулся, поманил жену:

— Иди, присядь на минутку...

— Чего тебе? — немного недовольно отозвалась Валентина, тяжело опустившись на лавочку рядом с мужем.

— Да вот смотрю, — Бунтов указал на раскинувшийся на холме Лонск, едва светящийся редкими огоньками, — и не понимаю, что происходит: прежде-то посмотришь, так настоящий город! По огням можно было улицы считать, а теперь оторопь берет: в пустыню превратился!

— Не в одном Лонске пустыня... А слободы? Они, что, цветут и пахнут?! — начала сердиться Валентина. — Пойдем ужинать! Что мне, во второй раз, что ли, разогревать картошку?!

— Ладно, пойдем! — Бунтов нехотя поднялся с лавочки.

За два последующих дня Бунтов допахал огороды всем, кто нуждался, а сегодня побывал в Перловке — соседнем селе, — где все еще теплился тамошний совхоз, правда, называемый теперь тремя буквами “ООО”. В “трех буквах” заварили треснувшую раму сошников, и, вернувшись домой, Андрей по привычке присел на лавочку перед палисадником, вдруг осознав, что сегодня у него завершился с виду незаметный кусок жизни, который начался с украденного кошелька, а закончился возвращением к прежней — в работе. И не просто возвращением, а с новым, еще не до конца обкатанным состоянием непьющего человека. “Эге, чего это я?! Или слюни начинаю распускать?! — сам себя пресек Андрей и решил: — Гадом буду, если слабину дам!”

Задумавшись, Бунтов не заметил, как рядом остановился Семен Пичугин по прозвищу Петух: всклокоченный, рыжий, руки по локоть синие от наколок. Было ему лет сорок, и он уже успел сделать несколько ходок в зоны, но ходки короткие — за мелкое воровство, вымогательство. В тюрьмах он и кличку заработал, ту самую, которую получают слабаки, которых, как там говорят, “опускают”. Правда, Андрей особенно слухам не верил и не озадачивался этим. Только сейчас почему-то всплыло в памяти, как этот Пичугин в детстве обижал Генку, потому что был старше его года на три, и частенько сын приходил домой с расквашенным носом или синяком под глазом. Случаи были разные, но заканчивались одним и тем же: Бунтов шел к Семену домой, разговаривал с его одинокой матерью и грозил при случае самому Семену: “Смотри, гаденьш, если еще раз Генку обидишь, то в Алешне утоплю. Так и знай!” Это, конечно же, были лишь пустые слова, правда, сказанные в гневе, но сыну от них легче не становилось. Проходила неделя-другая, и опять он приходил домой побитым. И это тянулось бы до бесконечности, но незаметно Генка подрос, превратился в крепкого, увесистого парня и однажды сам отмолотил Петуха... Все это пронеслось в мыслях Бунтова мгновенно, когда Петух остановился и уставился на него желтыми, как у рыси, глазами. И взгляд его не понравился. Тем не менее виду не подал, предложил по-свойски:

— Садись, малый, в ногах правды нет.

— Сидят и парятся на зонах, — поправил Семен, — а на воле присаживаются.

— Ладно уж, не придирайся к словам... Чего хотел-то?

— То и хотел... Огороды-то пахал, трактор совхозный использовал. Совсем глупым и жадным стал, пить бросил! Куда деньги-то копишь? На гроб, что ли?! Делиться надо! С тебя причитается. Ребята ждут...

От его слов, от наглости морды Бунтова затрясло, но он постарался сдерживать злость, спросил с усмешкой:

— Значит, угрозой берешь! А только того не понимаешь, что я не столько заработал, сколько на солярку потратил да на запчасти. Я, попутно говоря, и твоей матери огород пахал!

— И содрал с нее сто рублей!

— Как со всех. И не драл, а люди сами предлагали. И не просто так, а на солярку да за работу, а ты вытягиваешь с меня, как говорится, за фуку! Нет, парень, так не годится. Это не по-нашему, не по-казачьи. Но ругаться с тобой не хочется — односвободчанин все-таки. А чтобы на меня окончательной обиды не имелось — вот тебе сотня. Выпей один или с дружкой — мне все равно. Но больше никогда по этому поводу не приходи. Законно говорю.

— Ты что, прокурор?! Засунь себе эту бумажку куда подальше, — зло сплюнув, поднялся Семен с лавки. — Еще, мужик, пожалеешь!

Петух ушел, а Бунтова затрясло от его поганых слов. Получается, что он делал людям доброе дело, а его же за это еще и к стенке припирают, насмеются и за дурака считают. “Вот сволота, — плюнул вслед Петуху Бунтов, — только приди еще — голову ломом прошибу! Уж если сидеть, то чтоб не обидно было!”

Пока он боролся с бушующими мыслями и, закурив, старался успокоиться, вышла Валентина, видимо, услышавшая из дома разговор, и сразу с вопросом:

— Кто это был-то?

— Да так... Пичугин малый мимо проходил, поговорили немного.

— Поосторожней будь... Он все тюрьмы прошел, а ты с ним якшаешься.

— Чего же мне теперь — колом его от двора гнать!

— Ладно, не заводись, когда начнем картошку-то сажать?

— Чего мы одни сделаем? Вот детей дождемся, тогда и говорить можно конкретно.

— А чего их ждать, — толкнула Валентина мужа локтем, — гляди — никак Маринка едет!

Глянул Бунтов вдоль порядка, а с асфальта уж вишневым “жигуленок” съезжает. Вот оно: дождался! Дочка прибыла! Машина тем временем остановилась около палисадника, и первым выпорхнул из нее внук — десятилетний Данилка. Светловолосый, худенький, он открыл заднюю дверку, помог заулыбавшейся, располневшей или, как в слободе говорят, раздобревшей за зиму матери и крикнул:

— Бабушка, дед, мы приехали! — и кинулся в объятия Валентины.

Пока внук и дочь обнимались с Валентиной и Андреем, из машины вышел приземистый зять Павел. Он обнялся с тещей, поздоровался с тестем и принялся выгружать сумки с продуктами. Выгрузив, загнал машину во двор, поставил рядом с трактором и, вернувшись к тестю, остававшемуся с внуком, удивленно спросил:

— Николаич, опять на тракторе заруливаешь?

— Деваться некуда...

— Это и хорошо... Можно и себе вспахать огород, и другим. Не бесплатно, конечно! А что, я бы так и делал!

Только они разговорились, как выглянувшая из веранды Марина спугнула:

— Паш, хватит вам болтать. Идите в дом!

Когда всем скопом сели за стол, Валентина привычно хлопотала, дочь ей помогала, переглядываясь с Павлом, и все косились на Андрея. И тот понял причину этого внимания не сразу, а когда догадался, то даже повеселел, сам обозначил разговор, о котором в другое бы время промолчал:

— Ждете, когда за бутылкой побегу? Не дождетесь! — И обратился к жене: — Правду я, мать, говорю или нет?

— Да уж ладно, — улыбнулась Валентина, — расхрабрился, герой ты наш!

— Расхрабриться не расхрабрился, а силу воли показал. Так что я теперь отрезанный для компании ломоть, а Павлу рюмку все равно налей! Ему с дороги полезно расслабиться.

— Обойдется! — за мужа решила Марина. — Никому, значит, никому! Давно бы так надо вести себя!

Павел промолчал, попытался сделать обиженное лицо, но Бунтов хорошо знал, что зять не охоч до выпивок, а если прежде и выпивал с ним, то

лишь из уважения. Вспомнив себя недавнего, Бунтов подумал: “Со мной только попробуй не выпей! За можай загоно!” Павел всегда отказывался от чрезмерного возлияния с тестем, и Андрей, хотя и стыдил его, всегда уважал за стойкость, за то, что стремится мужик к семье, заботится о будущем. Вот в прошлом году купили двухкомнатную квартиру, пусть в долги залезли, но чего же не залезть, когда зять зарабатывает хорошо: газовое оборудование устанавливает на автомобили.

Зато Бунтов долго не усидел истуканом: ему все знать хотелось. И надолго ли приехали, и почему не прибыл Геннадий? Так прямо и спросил у дочери:

— Ты хотя бы перезваниваешься с братом? Чего он говорит-то?

— Не приедет он в этот раз! У его сына соревнования! — немножко раздраженно ответила дочь, словно отец спросил то, о чем спрашивать-то необязательно — и так все очевидно.

— Собрались бы все вместе, совсем бы другое дело завязалось! Семья бы была! А так что: огрызок, половинка!

С этой нерадостной мыслью Бунтов провел остаток дня, дождался вечера, чтобы наутро заняться посадкой картошки, в деле испытать сошники. Наутро он за десять минут нарезал борозд, позвал жену, дочь, внука. Все они, да и Павел с самим Бунтовым не отставали, начали бросать картошку в грядки. А когда закончили работу, то Бунтов вновь сел за руль и за десять минут запахал картошку, разрисовав огород новыми бороздами. Вот что значит техника! На все ушло не более часа. А как все сделали, то Бунтов, увидев, что собрались соседи из тех, кто еще заранее просил о помощи,скомандовал своим:

— Все свободны! — и отправился к людям на переговоры.

Работал потом почти дотемна. А как вернулся к ночи домой, то узнал, что Павел укатил в Рязань.

— Мог бы еще денек-другой побыть! А то убежал и не сказал ничего. Всех денег не заработаешь!

— А нам и не надо все зарабатывать — только на жизнь и с кредитом расплатиться! А убежать он не убежал, а нормально уехал, а перед этим бахчи копал и штакетник у палисадника починил. Тебе-то некогда это сделать! — заступилась за мужа Марина.

Ничего более Бунтов не стал говорить дочери, потому что уколола она со знанием дела, к тому же знал, что переспорить ее все равно не сможет — нервная она какая-то приехала. На следующий день это и Валентина заметила и спросила:

— Мариш, что с тобой происходит, чего нервничаешь-то по пустякам?!

— То и происходит — беременная я... Уж десять недель. Не хотела ostавлять, а теперь деваться некуда. Павел пристал: хочу второго ребенка — и все тут. Как репей прицепился. А не понимает того, что нам еще два года кредит выплачивать! Ему, видите ли, по телевизору вдолбили в голову, что тем родителям, у кого второй родится, через три года двести пятьдесят тысяч дадут либо на образование ребенку, либо на жилье. Но когда это будет-то?! За три года власть десять раз поменяется, и спросить тогда будет не с кого!

— Ну и ладно, не горюй... Пусть меняется. Она меняется, а мы живем помаленьку. Да и Павел у тебя работающий. С таким не пропадешь.

— Другого бы и слушать не стала, — вздохнула Марина и почему-то прослезилась, а Валентина подошла к ней, поправила сбившуюся с плеч кофту.

— Радуйся, дочка! Затем мы и живем, чтобы детей рожать да воспитывать. Как же без них жить, зачем?!

— Эх, мама, мама, — вздохнула Марина, шмыгнула носом. — Все бы так думали... Генка-то наш разводиться собрался, и ребенок не удержал!

— Как это “разводиться”?! А ну, рассказывай!

— Давно все шло к этому. Жена-то его в банке работает, ну и с кем-то из богатеньких спуталась. А Генка-то наш, кто он такой? Обыкновенный компьютерщик. Ну и, понятное дело, не пара стал, хотя, конечно, не слесарь какой-нибудь.

— Куда же она смотрела, когда замуж выходила за него?!

— Туда и смотрела... Генка-то наш видный был из себя, сразу после института, не в пример другим, зарабатывал неплохо, а она бухгалтером тогда корпела, гроши получала. Это потом времена поменялись. Институт тоже закончила, в банк пристроилась, деньги рекой потекли! Генка сразу не у дел оказался!

— Хорошо, девка, рассуждаешь. Если так думать, то мы с отцом-то твоим сто раз бы должны были развестись. А у нас и мыслей никогда таких не водилось, чтобы думать, кто сколько денег зарабатывает.

— У вас совсем другое дело... А Светка-то давно гуляла — Генка Павлу рассказывал. Ну и попалась однажды. А какой уважающий себя мужик после этого будет жить с такой?

— Беда мне с вами, — еще раз вздохнула Валентина и добавила: — Это если с одной стороны смотреть, а если с другой, то это, может, и к лучшему. Если уж Светка такой гадиной оказалась, то рано или поздно это произошло бы. Как говорят: если жена ушла к другому, то еще неизвестно, кому повезло больше! А Гена молодой — десять раз женится.

— Может, и женится, а жить-то где будет? Много ли получишь с двухкомнатной квартиры, которую надо на троих делить. А на одну долю в Москве даже комнату не купишь.

— Тогда пусть к нам приезжает. Дом-то у нас большой, газ есть — с дровами мучиться не надо. И бабенку подыскал бы здесь.

— Пусть сам разбирается, на то он и мужик!

Они еще долго обдумывали, как далее жить Геннадию, но так ничего и не придумали. Сошлись лишь на одном: пока ничего никому не говорить, даже отцу.

Прошло несколько суматошных дней, когда с приходом дочери не столько работы навалилось, сколько суеты. А как за ними примчался Павел, и они укатили вечером 9 Мая в Рязань, то и поспокойнее стало в доме. Недели хватило Бунтову и Коляне, чтобы разделаться с пахотой и посадкой картошки на своих паях. Все почернели от загара. Жены, конечно, помогали, соседи. А как засадили половину (все не осилили), то вроде бы успокоились, хотя и знали, что это лишь на время: травы на участках не оберешься. Недели три пройдет — и тогда только не зевай. А пока передых себе устроили. Валентина занялась стиркой да уборкой, Андрей возился с трактором. Как-то устроил перекур и только затянулся сигареткой, как около дома остановилась черная иностранная машина, а из нее сын показался: в искрящемся на солнце костюме, широкоплечий, коротко подстриженный — загляденье! Сперва радость кольнула, но потом подумалось: “Поздновато, дорогой Гена, прибыл. Без твоей помощи обошлись!” Но разве скажешь об этом вслух, когда полгода, наверное, не виделись. Лишь поднялся навстречу, обнял, вздохнул: — С приездом, сын! Чего же не позвонил, не предупредил?

А Геннадий замялся:

— Пап, я на часок... Посмотреть, как вы тут живете... Маринка такое наговорила... Что, мол, ты трактор наладил, фермером стал! Правда, что ли?

— До этого еще далеко, но без дела не сидим. На праздники-то чего же не приехал?

— Пап, работы полно. А сегодня в Рязань приезжал — филиал новый открываем — и вот не утерпел, заскочил... Где мамка-то?

В этот момент Валентина выскочила из веранды, подбежала к сыну, ухватила за рукав черного пиджака:

— Вот и сынок вспомнил о нас! Надолго прибыл-то?

— Чайку попить, — улынулся Геннадий и достал из машины торт, как хозяин предложил: — Пойдемте в дом, поближе к чайнику.

За столом они действительно чаевничали недолго. Геннадий коротко рассказал, что работает теперь в солидной фирме системным директором, занимается компьютерами и всем другим, что с ними связано, зарплата неплохая.

— Да уж по машине можно судить... — вставил слово Андрей.

— Это служебная, — отмахнулся Геннадий.

Андрей осекся, а Валентина спросила:

— А в семье как, а то Марина кое-чего рассказала, я и не поверила!

— Мам, да развелся я, развелся! Тебе только это интересно?

— А как же Валерка?

— А что Валерка... Ему-то, собственно, какое дело. Мы с женой по-прежнему при нем, и не бросим никогда своего ребенка, хотя он и не ребенок давно, но у нас и своя личная жизнь должна быть! Правда, пап? — посмотрел Геннадий на отца, словно искал у него поддержки.

— Вам виднее, — отговорился старший Бунтов, до конца не осознав слова сына о разводе. — Хотя мог бы и заранее сообщить. Что-нибудь посоветовали бы. Где теперь жить-то будешь, угол снимать?

— Квартиру по ипотеке куплю... Шеф обещал помочь. Да чего я вам переживаю. Маринка разве не говорила?

— Говорила, говорила... — тихо сказала Валентина, побоявшись взглянуть на мужа. И тот понял ее замешательство, но при сыне не стал ни укорять, ни допытываться. Промолчал.

— Так что, дорогие родители, я вам все рассказал, можно сказать, покаяться. Как у вас-то дела?

Валентина сразу оживилась, не без гордости сказав:

— Мы тут с отцом на такое дело замахнулись! Почти всю свою землю в поле картошкой засадили!

Геннадий улыбнулся:

— Молодец, батя, всем слободским мужикам пример подал, — продолжал улыбаться Бунтов-младший.

Попив чаю, отец с сыном через сад вышли за огороды, где среди моря зеленеющего разнотравья выделялся выгоревшим на солнце черноземом большой клин взбуробанной земли. Геннадий присвистнул:

— Я-то думал, у вас клочок, а тут настоящая поднятая целина, как в романе Шолохова! Молодцы, ничего не скажешь. А другие-то чего же ждут?

— Кто чего... — вздохнул старший Бунтов. — У кого нет сил, кому вообще все до лампочки. Есть такие, что даже налог не платят и готовы свой пай кому-нибудь продать. В общем, у каждого свое.

— Пап, а хочешь всем покупателя найду?

— Ловкий выискался!

— А что — запросто. Я как-то разговорился с шефом, и он спросил, когда услышал, что у нас чуть ли не половина пахотной, черноземной земли зарастает бурьяном да березами: “Нельзя ли в вашей местности землицы прикупить?” Я-то сперва и не знал, что сказать, а как услышал от Маринки, что ты опять к трактору прилепился, то подумал, что шефу как раз и нужны такие люди. Сказал ему об этом, а он сразу ухватился за идею. Я и приехал-то, чтобы разузнать.

— Ну и чего хочет твой олигарх?

— Никакой он не олигарх... Поменьше телевизор-то смотри и слушай... А Герасимович нормальный бизнесмен, за родину душой болеет, за страну. Ему по-настоящему и земля-то не нужна — ему и газа хватает. Ему, как говорил таможенник Верещагин, за державу обидно! Понял суть?

— Он что же, все пай скупит?

— Только у тех, у кого есть такое желание.

— Да-да... Сперва по желанию, а если желания не будет, то нож к горлу!

— Батя, посмотрелся боевиков, и знать ничего не знаешь, что в мире творится!

— А я и без боевиков ваших знаю, что простой человек никому не нужен, и всякий прощелыга спит и видит, как провести его вокруг своего слюнявого пальца. У нас тут в соседнем селе прошлым летом появились двое черных, пай начали скупать. За пай давали по семь тысяч. Ну и народ побежал к ним, особенно старухи да те, кому все по барабану. Говорят, сто паев скупали. А после под залог этой земли взяли в банке кредит. Весна подходит, надо землю пахать да сеять, а их и след простыл. Вместе с деньгами. Стали разбираться. А чего разбираться, когда, оказывается, все по закону было.

— Значит, такие у нас законы. Кто-то их под себя настрогал, а теперь и пользуется этим!

— Вот я и подумал сейчас: может, и твой олигарх хочет по той же тропинке пойти, простой народ провести?

— Пап, ты достал простым народом! Мой олигарх, как ты говоришь, нормальный русский мужик, уж поверь мне. Он художникам помогает, писателям, ездит по детдомам с подарками, а ты выдумываешь неизвестно что. Так что, считай, я тебя сагитировал. Вот вернусь и доложу Герасимовичу, что есть человек, желающий работать на земле.

— Тогда уж прибавь и еще одного — Коляню Фролова. Вот только как работать будем на развалюхе. Надо трактор иметь попрличнее.

— Будет вам и трактор новый, — если нужно, то и не один, и всякое оборудование к нему, — было бы желание работать и люди в наличии.

— Хорошо сказано... Сами по городам разбегались, а теперь вам наличие подавай! Ладно, это мы как-нибудь утрясем, а кто всем этим будет заниматься: покупать, оформлять?

— Пап, это тебя не должно волновать. Если у людей есть деньги, то и головы найдутся. Только свистни: приедут наши юристы, и не только, весь район на ноги поднимут. Понял?

Они поговорили о названии будущего предприятия и договорились, что Андрей начнет помаленьку составлять списки тех, кто желает продать пай. Геннадий, заглянув домой и переписав паспортные данные родителей, попросившись с матерью, сразу укатил на своем черном джипе. Сын уехал, а Андрей остался в совершенном смятении. Пришлось все рассказать Валентине, и та неожиданно поддержала:

— И не сомневайся. Если Генка говорит, значит, надо делать по его.

Наутро он нашел в комодке тетрадку, вырвал из нее листок и нацарапал: “Список желающих”. Начал обход со своего порядка и чуть позже, переговорив с Петровичем, записал и первую строчку: “Круглов Алексей Петрович”. Дальше пошел травянистым порядком, вспомнил об Авдотьихе. Говорить с ней не хотелось, но ради дела пришлось заглянуть, постучаться в окно. А хозяйка, как увидела его, так и заулыбалась, выскочила на веранду в опорках, хотя о зиме давно остались лишь воспоминания:

— Никак старую вспомнил?! Давно, Андрей Николаевич, не заходил!

— Я по другому вопросу, — нахмурился Бунтов, не зная, как половчее объяснить, чтобы старуха поняла с первого раза, что не за выпивкой он пришел. — В общем, появился человек, желающий купить наши земельные пай. Хорошие деньги обещает...

— А не обманет? — сразу засомневалась Авдотьиха. — А то летось в Пустотине черные мужики старух ободрали и были таковы.

— Никто их не обдирал — самим не надо было варежку разевать. А теперь обмана не будет. Серьезные люди за дело взялись! — Андрея так и подмывало сказать, что знает об этом от собственного сына.

— И сколько же обещают?

— Тысяч по тридцать—пятьдесят... В общем, решай. Надумаешь, дай знать.

— Тогда чего уж думать. Записывай, коли пришел. Я согласная, а то помру и этих-то денег не увижу, а мне внучке помогать надо.

Авдотьиха начала рассказывать о внучке-девятикласснице, о ее беспутной матери, словно Бунтов ничего этого не знал, и поэтому остановил хозяйку.

— Ладно, Ивановна, с тобой все ясно, — сказал он, давая понять, что спешит. — В общем, записываю, что согласная. — И коряво нацарапал следующую фамилию: “Фирсова Евдокия Ивановна”.

После Авдотьихи пошел к Коляне. И тому все объяснил, а когда спрашивался, то решил никому ничего более не объяснять, потому что, когда начинал объяснять, неизменно приходилось врать, а врать ему не хотелось. Возвращаясь назад, Андрей чуть не остановился около избы Петуха, стоявшей с некрашеными наличниками, и сразу вспомнился разговор с ним. Уж недели две прошло, а морда его, как живая, предстала перед глазами... И Бунтов заставил себя не говорить с его матерью, у которой, он знал, имелся пай, тогда как у самого Петуха, никогда не работавшего в совхозе, тако-

го пая и в помине не было. “Нужно будет — сами придут! Не переломятся”, — решил Бунтов и пошел далее, вдруг почувствовав облегчение.

Зато, увидев у следующего крыльца Розу, Бунтов невольно остановился, хотя и знал, что у нее нет пая и быть не может. Но почему бы не перекинуться словечком-другим с женщиной, которая нездешней, смуглой красотой будоражила душу. К тому же он знал, что Роза живет одна, а обе ее девки — кто где: одна замужем в Электрике, а другая, младшая, укатила в Москву на заработки. Поэтому и остановился с умыслом, попросил водички. И Роза сразу откликнулась, назвав Бунтова по имени, как сверстника:

— Андрей, а может, кваску? Молодой, вчера сварила!

Вынесла она кружку пенистого хлебного кваса, настоящего на мяте, и смотрит, как Бунтов, дергая кадыком, пьет. А как выпил, то с готовностью спросила:

— Может, еще?

— Оставь до следующего раза! — сказал он со значением и нахально уставился в ее прищуренные глаза.

— Хорошо бы заранее знать, когда он будет?..

— Сообщи, не переживай... А квас действительно хорош, с хреном! Молодец, хозяйка!

Повернувшись, чтобы идти далее, Бунтов приостановился, сказал так, как сказал бы заботливый хозяин:

— Картошка взойдет — сама не окучивай. Опашу — трактор имеется... — И теперь уж окончательно повернулся и шепнул сам себе: “Желаю счастья и добра”.

Он ушел, а она, Роза Устинова, осталась одна, только-только начиная понимать, что неспроста зашел Бунтов. Она вдруг поняла, что это именно тот человек, которого искала и ждала в последнее время. В ней действительно текла корейская кровь, доставшаяся от отца-корейца, которого не помнила, так как родилась после его смерти, и за что в слободе теперь получила неожиданное прозвище “Казашка”, наверное, потому, что приехала из Казахстана. Вся же остальная родня по матери — русские, и муж был русский. Роза в детстве почти каждый год гостила в Лонске у бабушки, поэтому хорошо знала этот городок. Когда развалился Советский Союз, они с матерью ездить в Лонск перестали: не на что было и некогда. Другая забота была тогда — о дочурках. Потом осталась с ними одна, когда муж ушел к другой. Тогда и переехали в Лонск. Первое время жили у знакомых, а когда, вдоволь навоевавшись с миграционными властями, хотели купить дом в самом городе (бабушкина квартира отошла государству), то оказалось, что не по карману такая задумка. Стали искать в слободах, где намного дешевле, и приглянулся домишко в Казачьей Засеке. Вроде бы обустроились, Роза начала работать почтальонкой, а через год мать неожиданно умерла, словно дожидалась переезда на родину. После ее кончины и пошли слухи о доме Розы Устиновой как чуть ли не о притоне. Слободские бабы и без того косились на нее с самого начала: мол, по дворам таскается, мужиков почем зря соблазняет, юбкой перед ними пылит! А теперь и вовсе на дух не переносили. Да и было отчего: что ни вечер, так у них очередная свара. И как объяснишь людям, что она, Роза, к этим шумным вечерам отношения не имеет, а весь шум-гам из-за подросших дочерей, за которыми окрестные парни ухлестывали, частенько дрались. Роза уж и уговаривала молодежь, гнала от дома, напоминая, что для развлечения есть клуб, но разговоры не действовали даже и тогда, когда пугала участковым Мустафой. Но неожиданно все утихло само собой, когда в прошлом году старшая дочь вышла замуж, а младшая, окончив школу, отправилась в Москву поступать в институт, но, не поступив, все равно осталась в столице. И вот только тогда, заскучав от одиночества и непомерно страдая от этого, начала Роза присматриваться к местным мужчинам по-настоящему, но никого так и не присмотрела. Правился, конечно, один, но он был старше, женатый. К тому же она часто его видела вышившим, поэтому особенно и не приглядывалась, хотя знала, что его зовут Андреем, а фамилия — Бунтов. Почему-то более фамилия понравилась. Эти сведения застыли неподвижным грузом до той поры, пока не ус-

льшала Роза, что этот самый Бунтов бросил пить и начал на тракторе работать. Когда же вспахал ей огород и денег не взял — она присмотрелась к нему и увидела в нем надежного мужчину, к тому же красивого и веселого, с которым, наверное, могла бы говорить и говорить. Ей просто необходимо было поговорить откровенно, доверительно рассказать о своей беде и, быть может, попросить защиты. А то второй месяц, как вернулся из колонии Семен Пичугин и, узнав, что рядом живет одинокая женщина, проходу не стал давать. А Бунтов, Роза была уверена, не отказал бы в помощи. Ведь бывает, что надо лишь поговорить мужикам, и все уладится.

Бунтов словно знал настроение переселенки, и ему после разговора с ней окончательно расхотелось таскаться по дворам, объясняться со всеми да уговаривать пугливых граждан. Решил сделать проще: вернуться домой, написать объявление и повесить на двери магазина — сразу все узнают! Правда, сразу в дом не пошел, а присел в тени рябиновой аллеи на “kozy” и полчаса, наверное, вспоминал смоляные глаза Розы Устиновой.

В тот же день Бунтов ходил к магазину и, попросив у продавщицы клею, прилепил к столбу объявление о покупке паев. И сразу о нем заговорили в слободе совсем уж азартно. Он только в первый день объяснял людям, что да как, а потом надоело — свалил заботу на Валентину, сказал ей, как приказал:

— Бухгалтером в совхозе работала — тебе и карты в руки. Сиди и список составляй, а мне надо с трактором возиться, пока особых дел нет.

Трактором, конечно, надо всегда заниматься, особенно таким, какой имелся у Бунтова. Но в последние майские дни его более волновал не сам трактор, а неожиданно навалившаяся жара. Начал вспоминать и вспомнил, что с самой весны, в этом году на удивление ранней, такой, что к началу марта и снега не осталось, не прошло ни одного мало-мальски заметного дождя. “Надо в “три буквы” идти!” — решил Бунтов, вспомнив, что видел в соседнем селе подходящую бочку, когда ездил заваривать сошники.

На следующий день Бунтов отправился туда, решив опередить того, кто, возможно, раньше спохватится. Когда пришел, то цистерну заметил сразу. Поговорил с каким-то трактористом, а тот сразу отослал к директору: мол, иди к Темнову и разговаривай с ним, если тебе нужно. Бунтов, не раздумывая, — в контору. Нашел директора, с которым когда-то вместе работал на комбайне, пока тот не окончил институт, и сразу повеселел, словно встретил приятеля. Правда, поздоровавшись, назвал его по имени и отчеству, хотя тот был всего-то лет на десять моложе:

— Алексей Алексеевич, с просьбой обращаюсь. Помощь нужна! Не одолжите на время бочку к трактору?!

Молодцеватый, загорелый директор улыбнулся, потрянул чубом и ответил вопросом:

— Для своего поля стараешься? Видел-видел — сколько всего наворочал, да только, дорогой, технологию не соблюдаешь! Уж тебе ли, Николаич, не знать, когда и как пахать и сеять!

— Да, стыдно, но нет сил терпеть и ждать следующего года... Глядишь, что-нибудь и в этом уродится. Поэтому, чтобы совсем уж не опростоволоситься, и обращаюсь с просьбой: бочку бы мне надо на несколько дней. Необходимо хотя бы разок хорошенько землю пролить, а там, глядишь, и дождик завяжется!

— Молодец! Первый вспомнил о засухе. И цистерну не жалко, да только не в рабочем состоянии она — приводной вал у насоса кто-то отворотил, а без насоса какая работа — только руки рвать.

— Починю... Не впервой!

— Тогда забирай, у меня пропашных нет. Через неделю вернешь!

Сразу загоревшись новой заботой, Бунтов вскочил со стула, но директор остановил, едко спросил:

— Андрей Николаевич... Дошел слух, что ты скупаешь пай в Казачьей! Это правда?

— Если бы... Откуда такие деньги! Попросили серьезные люди список желающих составить... Вот и помогаю, как отказать?

— Смотри, как бы потом обиды не было!

— Мне-то какая забота — это дело добровольное... Пусть каждый своей головой думает, а не надеется на чью-то... Ну, ладно, пошел я.

Бунтов сразу отправился к цистерне и, прикинув, что к чему, нашел на складе хозяйства, напоминавшего кучу хламья, нужный вал: определил точно, но на всякий случай примерил — подошел. В тот же день, хотя и опасался выводить трактор на шоссе без номеров, съездил в Перловку, подцепил бочку и запылил на Алешню опробовать насос. Опробовал — работает! Это походило на чудо, когда за десять минут накачал двухтонную цистерну и приехал на свое поле с водой. Заехал с дальнего конца, откуда вода под уклон потекла по едва обозначившимся грядкам. Хотя и не намного хватило ее, но это не беда. Он будет ездить на реку до тех пор, пока не прольет оба поля — свое и Колянино, — а после и огороды без внимания не оставит. Так что он, Бунтов, еще покажет, как надо работать! Может, поэтому, добыв бочку, он и “пахал” без обеда, и вспомнил о еде, только увидев Валентину, спешившую с пакетом. Даже запашилась, бедняжка, а как подошла, — сразу с укором:

— Тебя и не отловишь сегодня... Только услышу трактор на поле, только соберусь, а уж и след простыл — на реку уехал...

— Ладно, не части, — присев в тень трактора, улыбнулся Бунтов. И, отряхнув о себя руки, очистил яичко и густо посыпал солью, хлеба ломоть прихватил. — Попить-то принесла? — И не дожидаясь ответа, заглянул в пакет, достал двухлитровую пластиковую бутылку.

— Квас в ней. Правда, женатый, но и такой хорош в жару!

Прямо из бутылки отпил Бунтов квасу, подумал: “С Розиным разве сравнишь!”

— Гена звонил, — сбила Валентина мужа с мыслей о почтальонке. — Знаешь, чего он придумал-то? На компьютерные курсы записал, в Электрик буду ездить... Деньги уж перечислили. Говорит, через неделю начнутся занятия, а потом я буду бухгалтером в новом хозяйстве. А я не знаю, что делать! Никогда ведь на компьютере не работала!

— Научат! Для того и посылают! — сердито буркнул Андрей от непонятности жены, но радуясь в душе, что сын дал знать о себе, помня о деле.

Он запрыгнул в кабину, прихватил бутылку с квасом и, махнув Валентине, вновь поехал на Алешню, но остановился, крикнул жене:

— К Коляне сходи, скажи, чтобы солярки привез!

На речке, пока заполнялась цистерна, даже успел искупаться. Туда-сюда крутнулся саженьками, освежился, — это хорошо, а выбрался на берег — опять на душе забота от беспрерывно жгучего солнышка. Вторую неделю оно не давало покоя. Поэтому и некогда было у воды нежитья.

Восемь или девять раз успел Бунтов съездить за водой, а и половины посадки не полил. Вода уходила в землю как в песок. За весь день только один настоящий перекур устроил, когда Коляня приехал. Посмотрел тот на обширное поле, на то, как быстро вода вытекает из цистерны, и усомнился:

— Только солярку зря жгем!

— Не зря! Если сомневаешься, то и нечего тут под ногами мешаться!

Только Бунтов расстался с Коляней и направился к реке, как увидел на шоссе милицейский мотоцикл. И самое неприятное: он остановился. Хотел Андрей развернуться и уехать в поле, но отругал себя за малодушие, решив: раз уж попался, то разговора не избежать, тем более что милиционер местный, живет в Перловке. Поэтому подбехал, остановился, выбрался из кабины и поздоровался. А милиционер козырнул, словно и знать никогда не знал Бунтова, и сразу с вопросом:

— Почему управляете транспортным средством без государственных номерных знаков? Ваше водительское удостоверение!

Бунтов знал, что фамилия у милиционера Свиридов и зовут его тоже Андреем. Поэтому и ответил с улыбочкой:

— Товарищ старший лейтенант, тезка, документы дома лежат, а то, что номеров на тракторе нет, — так он же списанный давно!

— Значит так, фиксируем: водительского удостоверения нет, государственные номера и документы на транспортное средство отсутствуют! По пра-

вилам я обязан доставить вас в милицию для выяснения личности и проверки транспортного средства на предмет угона!

— Погодите, товарищ старший лейтенант... Хотел спросить: огород-то вы в этом году сажали?

Милиционер промолчал.

— Ну, так вот, значит, сажали, и картошка ваша, стало быть, горит под таким веселым и жгучим солнышком. И вот, пока вы будете меня катать туда-сюда, она еще сильнее сторит, одни черные будылья к вечеру останутся. А чтобы этого не случилось, я как раз и направлялся сейчас на ваш огород и собирался безвозмездно полить вашу не взошедшую картошечку, а вы мешаете. Это разве по-хозяйски?

— Хватит, Бунтов, языком молоть — в отделении договоришь, — продолжал хмуриться милиционер, но все-таки чуть заметно улыбнулся.

— Вот у нас уж и улыбочка появилась... Давай договоримся так, дорогой товарищ старший лейтенант: вы меня не видали, и я вас не встречал, но ваш огород, обещаю, сегодня будет полит весь до последней грядки! Годится такой вариант?

Милиционер ничего не ответил, сел на мотоцикл, а Бунтов злорадно усмехнулся: “Все вы только на словах законники! А на самом-то деле... Хотя я и сам дрянь-человек, если ловчить начал!”

Он еще долго злился и укорял себя — все то время, пока дважды ездил в Перловку и вылил две цистерны на милицейский огород. А вылил и вспомнил о Темнове: ведь ему-то тоже надо помочь — цистерну все-таки дал, не пожалел. И еще две ходки сделал Андрей, теперь на директорский огород, даже не сказав хозяину, потому что его не оказалось дома, только предупредил его жену. А как полил два чужих огорода, то и расхотелось ехать на свое поле, домой завернул. Поставил трактор на прикол, ушел в сарай и долго лежал в холодке, пока его не обнаружила Валентина. А, обнаружив, сразу в штыки:

— Чего это с тобой? Или лень одолела?

— Одолела. Только не лень, а сама жизнь одолевает, руки отсыхают от такой жизни, от таких порядков!

— Тогда откажись от всего, давай вместе будем в сарае на фуфайках валяться! Вот забава-то будет!

— Не егозись... — оборвал Андрей жену и поднялся, отправился в дом. — Пошли обедать... или ужинать — мне все равно!

Пока Бунтов курсировал между рекой и полем, Валентина готовилась к учебе, предварительно съездив в Электрик и узнав, когда начнутся занятия и что нужно иметь при себе. Оказалось, ничего особенного: паспорт, тетрадку общую да авторучку, да еще свежую и умную голову на плечах! Ей так и сказал очкастенький, кучерявый мужичишка, видно не особенно довольный ее возрастом, когда она нашла эти самые курсы, размещавшиеся в подвале какого-то высотного здания.

Это было несколько дней назад, и вот сегодня, в понедельник, 4 июня 2007 года, она встала пораньше и, перед тем как выйти из дома, попросила мужа:

— Андрей, пожелай мне удачи! Давай-ка присядем на дорожку!

— Чего ты выдумываешь-то, трясешься от страха! Не на аборт идешь.

— Туда-то, может, и легче было бы.

“Мне бы твои заботы!” — подумал он, когда, проводив Валентину до палисадника, отправился к трактору.

Хотя к нынешнему дню жара увяла, будто и не было ее, но по-прежнему стояла сушь. Дождик недавно небольшой покапал, но даже пыль не прибил, и теперь надо было поливать картошку на огородах. Начал со своего, несколько раз съездил за водой. Кроме огорода, полил бахчи, бочки наполнил. Потом поехал на Колянин, а как с его огородом расправился, то неожиданно вспомнил о Розином, когда увидел ее саму. И зло отругал себя: “Надо бы сразу ехать, а теперь опоздал. Валентина, того и гляди, вернется из Электрика, застучает!” Обругав себя вдобавок бестолочью, Бунтов повер-

нул домой, хотя и еще были люди, просившие — да чего там просившие — умолявшие! — полить огород. Но нет: настроение у Андрея к этому часу совсем пропало. Не хотелось ничего ни делать, ни думать ни о чем. Только бы лежать и вспоминать Розу.

Пытался что-нибудь придумать, но так ничего и не придумал. Дождался, когда вернулась из Электрика Валентина и начала молотить языком, чуть ли ни по минутам рассказывая о первом дне занятий. А следующим утром, как только Валентина отправилась на учебу, Бунтов завел трактор и сразу поехал на реку, решив полить Розе огород, тем более что она рано утром уходит на почту. На реке заполнил цистерну — и на Розин участок. Осторожно подогнал трактор поближе ко двору, распустил шланг, а сам уселся на меже, закурил. И удовольствие у него на душе от вида вытекающей из цистерны воды необыкновенное. А еще более от предстоящего удивления, которое наверняка обозначит хозяйка огорода, когда увидит его политым. “Сюрприз так уж сюрприз будет!” — вздохнул от радости Бунтов.

Поэтому, когда поехал второй раз на Алешню, не торопился, делал все без оглядки на кого-то. Даже искупался. Он купается, плавает вдоль по речке, а вода уж давно хлыщет из переполненной цистерны, и его это особенно не волнует, потому что спешить некуда, день большой. Наплавался Андрей, остановил насос и отправился на Розин огород. Заехал, распустил шланг и только тогда увидел Розу: скрытно стоит в вишнях и машет ладошкой, зовет... А у Бунтова от ее движения сразу сердце заколотилось. Подхватился — и к ней. А она, вместо того чтобы дождаться и что-то сказать, торопливо пошла в дом, и Бунтову волей-неволей пришлось догонять ее. Догнал в сенях и хотел повернуть, чтобы посмотреть в глаза, но она сама порывисто повернулась, громыхнула задвижкой, закрываясь изнутри, и покорно прижалась к нему, медленно подняла голову с закрытыми глазами и распахнутыми губами... И, не помня себя, Бунтов вцепился в них... Целовались они, как показалось ему, вечность, а потом Роза слегка отстранилась, взяла Андрея за руку и повела за собой. Когда же в комнате она ловко сняла платье цвета василька, то без одежды показалась удивительно миниатюрной и стройной. И почему-то со светло-оливковой кожей, хотя всегда выглядела смуглой. Она нисколько не стеснялась его. Уверенно и быстро разобрала постель и, ложась в нее, вдруг, как показалось Бунтову, испуганно застонала, словно проваливалась в пропасть.

Он не знал, сколько длилось удовольствие, на которое мог бы запросто променять всю оставшуюся жизнь, но оно, как показалось, быстро закончилось. Зато остался на душе восторг, нежность к Розе, которая продолжала целовать, не желая отпускать. И Бунтов мог бы так лежать бесконечно, боясь лишним словом нарушить взаимное успокоение.

Она, конечно, понимала его состояние, и когда он зашевелился, украдкой посмотрев на часы, сказала с легкой обидой:

— Ладно уж, иди... — И попросила: — Не забывай меня!

— Завтра приду, в это же время... — пообещал он и, провожаемый Розой до задней двери, поцеловав ее на прощание, тихонько вышел в вишеник, где сразу обругал себя, заочно оправдываясь перед Валентиной: “Гад я последний, гад ползучий!”

Пока доехал до реки, немного успокоился, но мысли о Розе, воспоминания о том, как все произошло, не выходили из головы. Поэтому, наверное, не спешил наполнять цистерну, словно хотел прийти в себя, отдышаться. Он заглушил дизель и решил еще раз искупаться, а искупавшись, присел на дощатую лаву, на которой обычно бабы полощут белье, впервые за последний месяц радуясь солнышку, и мог бы так сидеть бесконечно долго, бултыхая ногами в воде, но чуть ли не вздрогнул от мужского голоса, показавшегося знакомым. Повернулся и увидел сына, спускающегося к лаве, который, увидев отца, заулыбался, укорил:

— Вот он где скрывается, на лаве нежится! — И торжественно продекламировал:

*А за мостками тонкими
Блещет вода слюдой,
Ходят веселые окуни
На глубине золотой.*

— Где научился так складно говорить-то? — приходя в себя, спросил Андрей и внимательно посмотрел сыну в глаза, пытаясь определить его настроение.

— Это один рязанский поэт раньше меня сказал, Валера Авдеев. Тоже воду любил. И погиб от нее... Ладно, не будем о грустном. Иди, бать, гостей встречай!

— Кто такие? — поднявшись на лаве и увидев крышу джипа, спросил старший Бунтов.

— Иванов, или олигарх, как ты говоришь, приехал. Заглянули домой, а на двери замок. Спросили у соседей, где тебя можно найти, — они и указали. Пойдем, познакомлю с Федором Герасимовичем.

Они пошли к машине, и Бунтов во все глаза смотрел на ожидавших мужчин: двое молодых — подтянутые, в темных костюмах, а третий — высокий, курносый шатен постарше и одет похуже: в клетчатой, с неровно закатанными рукавами рубахе и в помятых серых брюках, совсем не похожий на тех олигархов, которых показывают по телевизору. Поздоровались, а Геннадий представил отца:

— Вот это и есть Андрей Николаевич, самый отчаянный человек во всей округе!

— Наслышан, наслышан! — внимательно рассматривая Бунтова, пожал руку олигарх и представился: — Федор Герасимович... Как настроение, Андрей Николаевич, как работаете?

— Нам не привыкать. Сейчас вот картошку поливаю.

— А как бы нам ваше поле посмотреть?

— Особо хвалиться нечем, но показать можно, отчего нет. Только сперва мне надо бочку накачать — чего пустой рейс делать, солирку зря изводить?

Бунтов завел “Беларусь”, и, пока цистерна заполнялась, Федор Герасимович сказал Геннадию:

— А отец-то у тебя — настоящий хозяин! Не захотел попусту трактор гнать!

Когда остановились на краю поля, уже начинавшего зарастать травой, особенно в тех местах, где Бунтов воды не жалел, он пожаловался:

— Уж не обессудьте... Самому стыдно смотреть на такое поле... Без гербицидов оно за неделю зарастает бурьяном. А руками тут много ли сделаешь?

— Рабочих надо пригласить! — сказал Иванов таким тоном, будто бы напомнил о том, о чем и самому Бунтову давно надо бы знать.

— Была же на что! — И показал на пальцах, что, мол, не на что.

— Это не проблема, поможем... Так что с завтрашнего дня и приступайте, Андрей Николаевич! — Кивком подозвав одного из сопровождавших мужчин с дипломатом, спросил у Бунтова: — На первый случай пятьдесят тысяч хватит?

Бунтов подумал, что ослышался, посмотрел на сына.

— Бери, отец, бери! — подсказал тот, а мужчина достал из дипломата толстую пачку тысячерублевок.

— Когда же верну-то, и с каких доходов? — все-таки взяв деньги, испуганно спросил Андрей.

— Возвращать необязательно! — твердо сказал Иванов. — Считайте, что это ваша зарплата и тех людей, которые будут помогать вам. Скажите, Андрей Николаевич, какие культуры рентабельнее возделывать на здешних землях?

— Обычно пшеницу сеяли да свеклу, иногда кукурузу. Кукуруза сейчас не нужна — скота нет, а свекла очень трудоемкая. Спокойнее всего зерновыми заниматься, тем более что в этом году цена на зерно подскочила из-за засухи, но моим тракторишком все равно ничего не сделаешь. Нужна настоящая техника.

— А если мы новую купим, современную, сможете на ней?

— Медведей в цирке учат на велосипедах ездить...

— Тогда будем считать, что договорились... В ближайшие дни сделаем заказ на технику, пора начинать. Ведь, прежде чем заехать к вам, мы побывали в администрации, согласовали условия совместной работы и получили “добро”! Так что теперь дело за вами, уважаемый Андрей Николаевич. Если не возражаете, приглашаем на должность управляющего в создаваемом хозяйстве. Правда, пока исполняющим обязанности.

— Какой из меня начальник? Не привык я к этому. Мне бы трактор хороший, и чтобы никто не мешал работать.

— Не переживайте... Это только на самое первое время. Будет вам и квалифицированный управленец, и агроном, если понадобится, — все будет. Сейчас же нужно ваше желание. Пример вы уже подали, народ за вами потянулся. А это главное. Так что будем работать вместе. Вы уж не отказывайтесь, пожалуйста!

— Да он давно согласен, — поспешно вставил словечко Геннадий, — это сейчас немного стусевался.

— И правильно делает, проявляя осторожность. Такому человеку можно доверить хозяйство, — поддержал Иванов старшего Бунтова и направился к машине.

— Вы, что же, так и уезжаете? Заехали бы ко мне. Хозяйка, правда, уехала на учебу, но яичницу я бы и сам поджарил!

— Пап, не суетись, — охладил пыл отца Геннадий. — Пообедать — для нас не проблема. Передавай маме привет! Договорились?

— Договорились... — не очень-то охотно пообещал Бунтов, сразу вспомнив о своем сегодняшнем приключении с Розой.

— Ну, тогда, Андрей Николаевич, с вашего разрешения, мы отбудем, — слегка улыбнувшись, спросил Иванов.

— В час добрый! — серьезно сказал Бунтов и попрощался за руку с приезжими людьми.

Еще разок съездив за водой, Бунтов более работать не пожелал и вдруг понял, что все это из-за денег. Не было бы их, и все продолжалось бы, как прежде, а теперь мысли закрутились совсем иные. Захотелось сходить в магазин и что-нибудь купить. Конечно, в другое время он пулей полетел за водой и пил бы потом несколько дней, повисев у него такие деньжищи. И не только сам пил, а напоил бы, наверно, всю слободу. Но теперь им овладел расчет, появилась ирония, доходившая до издевательства над собой. Мол, могу водки купить — хоть целый ящик! — а не буду, не хочу, а вот женщинам конфеток прикупить необходимо. Любят они сладкое, заразы. Подумал о женщинах во множественном числе и усмехнулся: “Чего это? У меня лишь одна, Валентина!” И, укорив себя, вдруг понял, что идет за конфетами более для Розы. Он даже представил, как завтра заявится к ней с кульком душистых конфет, а она потом будет их хрумкать и благодарить его... Поэтому попросит конфет самых дорогих, а чтобы не показывать на людях всю пачку, заранее приготовил одну кушюру; надо бы, конечно, зайти домой и спрятать пачку в укромном месте, но пока не хватало сил с ней расстаться. Бунтов даже представил, как он будет покупать конфеты, а на него будут смотреть и наверняка завидовать.

Все бы так и было, если бы не Валентина, возвращавшаяся с учебы и случайно оказавшаяся в магазине. Все планы Бунтова сразу пошли насмарку. А она, как увидела его, сразу подступила с подозрением, решив, что он пришел за выпивкой:

— Чего здесь околачиваешься? Смотри у меня!

И ладно бы спросила один на один, а то при всех. И это не понравилось Андрею, будто пощечину отвесила.

— Смотрю, смотрю... — С вызовом сказал он и подступил к продавщице: — Зина, завесь-ка мне конфет самых хороших, да круг колбасы, да селедочку какую пожирнее! — И вдруг, будто что-то вспомнив, добавил: — И блок сигарет богатых, с фильтром!

Полненькая продавщица улыбулась, принялась взвешивать продукты, а сама нет-нет да поглядывала на тысячерублевку, на то, как Бунтов небрежно

помахивал ею, словно мух отгонял. Валентина, собиравшаяся купить две буханки хлеба, стояла рядом и ничего не понимала. Когда же Зина назвала Бунтову сумму — почти пятьсот рублей! — она поспешила выскочить из магазина, видимо, не желая видеть, как такая сумма выскальзывает из семейного бюджета. Когда Бунтов неторопливо вышел на улицу, Валентина зашипела:

— Чего вытворяешь-то?! Деньги из заначки, что ли, взял?

— Да, оттуда, — отойдя в сторону, ответил Бунтов. — Заглянул сегодня в шкаф, а там — боже ты мой! — они пачками лежат! Вот взял одну, чего же на деньгах сидеть и голодать?

Выдержав паузу, Бунтов достал из брюк пачку, показал Валентине, а та чуть ли не упала от неожиданности, даже побледнела:

— Чего ты все выдумываешь-то, паразит! Рассказывай, где деньги стянул!

Пришлось рассказать. А как рассказал, то Валентина попросила:

— А ну-ка, дай посмотрю, может, фальшивые?

— Чего городишь-то? Неужели Генка будет нарисованные подсовывать?

Андрей отдал пачку, а жена сразу сунула их за лифчик, отчего платье встопорщилось еще круче.

— Больше не увидишь! — припугнула Валентина. — А то сразу распорядиться начал, хозяйничать!

Бунтову стало обидно, что Валентина так ловко выманила деньги, он понял, что дальше пререкается бесполезно. В другой бы раз он пошел и обязательно напился, но сейчас не мог позволить себе этого, перестал бы себя уважать, а вспомнив Розу, злорадно подумал о жене: “Вот поэтому и гуляют мужики от таких, как ты! И всегда будут гулять!”

На следующий день, когда Валентина уехала в Электрик, он купил в ларьке шоколадку, разного печенья и, дождавшись, когда Роза прошла домой, предварительно крутнулся около своего крыльца и дал знать из раскрытой веранды, что сейчас придет к ней, и через сад и огороды отправился на свидание.

Если вчера все произошло вроде шутливо, самой собой, будто по-иному и сложиться-то не должно было, то сегодня он напоминал вороватого кота, пробирающегося за сметаной в чужую кухню. Он даже не осмелился сразу нырнуть в ее сад, а зачем-то прошел до фермы, чего-то там посмотрел, покосившись в куче битого кирпича, будто присматривал что-то для себя важное, а после повернул назад, незаметно оглядываясь на всякий случай, опасаясь шального свидетеля. К его радости, на огородах никого не увидел, только вдалеке какая-то старушенция собирала жуков, не обращая внимания на палившее солнце. А Бунтову только этого и надо. Около ветлы на Розиной меже он все-таки посидел несколько минут в тени и лишь потом быстро поднялся и — была не была! — заторопился под спасительную крону ближайшей яблони... Подумал, что, как и вчера, Роза будет встречать его, прячась в вишнях, но сегодня ее не оказалось, и он осторожно прошел к воротам, толкнул их... Они оказались незапертыми, как и дверь в сени, ведущая с заднего крыльца. В сенях повторилась вчерашняя история с целованием, но теперь Бунтов не спешил, ему захотелось по-настоящему прочувствовать все то, что в прошлый раз почти не понял из-за стремительности встречи. Но разве можно по-настоящему сдержаться, когда она дрожит от пяток до макушки. Он подхватил Розу на руки, опустил на кровать и, забыв о стыде, начал медленно раздевать ее. Помогая, она легко поворачивалась и стонала, словно его прикосновения вызывали в ней невероятную боль, поэтому и не постеснялась высказать недовольство от его медлительности: “Не возись!” А ему не хотелось спешить. Он смотрел на ее закрытые глаза, на оголившую грудь с длинными и темными сосками, почти черными, на узкий, в мелких родинках живот, часто поднимавшийся и опускавшийся вместе с дыханием, и так медленно приближался к ней, что она, торопя, обвила руками, показавшимися ему необыкновенно сильными, и уж более не отпускала.

— Нормально дошел? — поинтересовалась она, когда они все-таки обуздали себя, а он, отдышавшись, попросил попить.

— Все тихо... — успокоил он, принимая из ее рук кружку с квасом.

Дождавшись, когда он напьется, она и сама сделала глоток-другой и легла рядом с ним, прижавшись вновь задрожавшим телом. Он попытался что-то сказать, но она властно закрыла ему рот ладошкой и приказала:

— Молчи!

Она явно командовала, а он с необыкновенной легкостью и радостью исполнял ее желания, когда она, как бабочка, порхала над ним, или когда, вдруг притворившись раненой птицей, раскидывала на постели руки-ноги, или когда беззащитным гонным зверьком забивалась головой в подушки. Она была всякая хороша. И именно поэтому, не ощущая утомления, Бунтов пробыл у нее до вечера, а Валентине потом сказал, что ходил в Перловку за подшибником и что, мол, устал до невозможности, хотя с этого дня, оставив Розе денег, чтобы самому не мелькать в магазинах, начал частенько заглядывать к ней.

Мало-помалу он с Валентиной, конечно, помирился. Общее дело заставляло работать вместе. Валентина завела ведомость, как она сказала, “для отчетности”, и теперь все, кто только желал, мог прийти на бунтовское поле (Колянино тоже) и, отработав день, получить триста рублей. Дневную норму и оплату установила Валентина. Она каждый день перед отправкой на учебу давала мужу задание, а когда возвращалась, приходила на поле, сама рассчитывалась с поденщиками, словно не доверяла Бунтову, который в эти дни тоже без дела не сидел.

Дней за пять с помощью десятка человек разделались с прополкой, потратив при этом тысяч пятнадцать, а остальные деньги пока лежали без движения, правда, теперь Валентина не скупилась на солярку. Жить можно. Тем более что жена, в конце концов, поверила, что из общих денег можно взять часть мужу на зарплату. Предложила купить ему костюм, а у Андрея от такого предложения молнией стрельнула мысль: “Вот бы желтые ботиночки да светлый костюмчик в темную полосочку прикупить — перед Розкой показаться!” Но как об этом скажешь? Поэтом сразу отказался:

— Зачем он мне... Себе что-нибудь присмотри, чтобы на курсах модничать, да внукам подарки сделай. А то мы уж и забыли, когда, кроме игрушек, что-нибудь стоящее дарили. А еще лучше будет, если Маринке денег дашь — она с мужем в долгах как в репьях. К тому же беременная!

— Откуда знаешь-то?

— Генка рассказал.

В общем, как они поругались из-за денег, так и помирились из-за них же. Тем более что сделали большое дело со своим полем. А тут и дождики прошли, и картошка зазеленела, закустилась, закрыла грядки. Душа радовалась. Осталось жуков поморить да, если надо, сделать небольшую выборочную прополку. А потом можно будет присматриваться, где, на каком рынке картошку продавать: то ли в Электрик ехать, то ли в Скопин, а то, может, и на саму Рязань замахнуться. Но это дело будущего, а пока новая забота свалилась на Бунтовых.

Колорадских жуков, будь они неладны, Бунтов поморил за один день, используя цистерну, и успокоился, но ненадолго. Как-то вечером позвонил Геннадий и сказал, что завтра приедут в слободскую администрацию люди и начнут оформлять покупку паев. Половинкина уже все знает, а им надо оповестить людей, но сделать это утром, чтобы прежде времени никого не баламутить. Да и для безопасности это необходимо, потому что приедут люди с большими деньгами. С сыном разговаривала Валентина, а Бунтов, догадавшись, о чем разговор, шепнул жене:

— Спроси, по какой цене будут скупать?

Валентина спросила у Геннадия и повторила для мужа:

— По тридцать пять тысяч...

Позже, когда она положила трубку и сидела какое-то время неподвижно, словно что-то обдумывала, Андрей невольно тоже задумался, а потом спросил, словно укорил, зная, о чем думала жена:

— Дались тебе эти тридцать пять тысяч?

— А семьдесят не хочешь! У нас же два пая, забыл разве? Если сейчас

не возьмем, то потом, может, и поздно будет. Надо ковать железо, пока оно горячо! А то у твоего олигарха сегодня одно может быть на уме, а завтра другое. И нам с тобой не по двадцать лет — надо думать о старости.

Они еще долго говорили, вспоминая хорошее и плохое из минувших лет, иногда и голос повышали, но, стараясь не уступать, Бунтов в самом начале разговора знал, что будет именно так, как решит Валентина. Ведь ее ни за что не переспоришь, а настроение с прицепа собьешь.

Проснулись они чуть ли не с рассветом, и сразу Валентина засуетилась, начала готовить завтрак на несколько человек. Давно сварила картошку и сделала поре, давно пожарила котлеты, достала из погреба банку опят, напекла горку блинов, а гости не ехали и не ехали. Бунтовы устали их ждать и проглядели, когда кто-то постучал в окно. Выглянули, а перед домом стоит микроавтобус цвета морской волны иностранного производства, и около него — незнакомый светловолосый человек, аккуратно и “по-городскому” одетый, как сказал бы Бунтов, — в светлой рубашке с короткими рукавами, бежевых брюках и в кремовых туфлях. Увидев это, Андрей поспешил на веранду. Дверь открыл, а незнакомец представился:

— Меня зовут Вячеслав Павлович, я — юрист, а вы — Андрей Николаевич?

— Он самый. Проходите, пожалуйста!

— Вам привет от Федора Герасимовича и Геннадия! — сообщил гость и не спешил заходить в дом. — С удовольствием примем ваше приглашение, но в другой раз. Пригласите Валентину Ивановну.

Валентина же, похоже, слушала разговор из-за двери и, выглянув, позвала:

— За стол, за стол, гости дорогие!

— Некогда, собирайся! — настоял Бунтов, увидев, как гость категорично замахал ладошкой.

В микроавтобусе с затемненными окнами, где, кроме шофера, оказалось еще двое крепких мужиков, у одного из которых Бунтов увидел из-под оттопыренного пиджака рукоятку пистолета, Вячеслав Павлович пояснил Бунтовым:

— Спешу вам доложить, что создано общество с ограниченной ответственностью ООО “Засека”, в котором вы, Андрей Николаевич, теперь являетесь управляющим и доверенным лицом Иванова Федора Герасимовича — учредителя этого общества, а вы, уважаемая Валентина Ивановна, — главным бухгалтером. С сегодняшнего дня, согласно заключенным с вами договорам, вам необходимо приступить к работе на вверенном вам сельскохозяйственном предприятии! Вот ваши генеральные доверенности на право занимать указанные должности и представлять учредителя во всех организациях, в том числе и судах. А также печать.

У Бунтовых от услышанного, наверное, челюсти отвисли, и юрист поспешил успокоить:

— Не волнуйтесь! Мы вам поможем: и сегодня, и в будущем. Если вдруг возникнут какие-то форсмажорные обстоятельства, сразу обращайтесь к нам. Вот вам обоим мобильные телефоны. Если не умеете пользоваться, то научим — освоить эту технику несложно, — и тогда, думается, все вопросы всегда можно решить в оперативном порядке. Понятно?

Бунтовы молча кивнули.

— Ну, тогда поехали в администрацию! — попросил Вячеслав Павлович водителя.

На крыльце администрации, размещавшейся в одноэтажном сдвоенном кирпичном здании старой постройки и украшенном российским флагом, ожидая гостей, уже сидели Авдотыха и Петрович. Увидев автобус, они почтительно привстали со ступенек и посторонились, когда на крыльцо выскочила Марьяна Половинкина и шикнула на них, пропуская гостей в здание администрации. Гости несли с собой какие-то сумки, коробки. В коробках, как потом оказалось, был компьютер и необходимые к нему приборы; *конфигурация*, как пояснили Бунтову. Компьютер установили в освобожденной комнате, один из приехавших поколдовал над ним, соединил с другими при-

борами и попросил Валентину сесть за стол. Валентина сразу покраснела, а Бунтов чуть ли не подтолкнул ее:

— Иди, иди — зря, что ли, в Электрик мотаешься?

Она уместилась за компьютером, Вячеслав Павлович сел рядом и отечески сказал, хотя по возрасту годился Валентине в сыновья:

— Сразу начинаем работать в бухгалтерской программе Эксель...

Минут за десять он разъяснил и показал Валентине, что нужно делать, и вскоре из машинки по названию *принтер* выскочили распечатанные листочки. На них расписались, а Бунтов приложил печать и пошутил:

— Вот так работа! И почему я не учился в молодости? А то бы всю жизнь так печать прикладывал!

Не обратив внимания на его шуточный тон, Вячеслав Павлович спросил:

— Вы будете свои паи продавать?

— Хотелось бы... — стеснительно отозвалась Валентина за двоих.

Она заполнила бланки, распечатала. Андрей расписался, а юрист сразу подал им папку, на которой было написано “Договора”, и сказал:

— Начало положено, как говорится, с Богом!

Переглянувшись с мужчинами, Вячеслав Павлович кивнул, и один из них, щелкнув застегжкой сумки, достал из нее пачку денег и начал отсчитывать. Отсчитав и пересчитав, отдал Валентине и Андрею по отдельности, попросил:

— Пересчитайте!

— Да ладно... — отмахнулся Бунтов.

Валентина тоже отказалась, а самой, конечно, хотелось пересчитать. Не зная, что с ними делать, она отвернулась и сунула в лифчик, заставив Вячеслава Павловича улыбнуться, а охранников отвести взгляд.

— Ну а теперь, чтобы не терять времени, начнем принимать других заинтересованных граждан! — предложил Вячеслав Павлович. — Андрей Николаевич, приглашайте людей и сразу проверяйте наличие свидетельств и паспортов!

Бунтов поспешно выскочил на крыльцо, а около него уж человек восемь собралось. Первой оказалась Авдотьиха.

— Проходи, Евдокия Ивановна! — пригласил Бунтов и подумал: “Тебя, заразу, не приглашать надо, а метлой поганой отсюда гнать! Ты, наверное, и недели-то в совхозе не работала! Всю жизнь шинок держала, людей опаивала!” Когда Авдотьиха поспешно скрылась в коридоре администрации, Бунтов, схватив у Петровича сигаретку и несколько раз затянувшись, властно сказал: — Как Фирсова выйдет, пусть заходит следующий! — И вернулся в здание, ехидно подумав: “Исполнять обязанности!”

Но очень скоро ему надоело заниматься бумажной работой. “Пусть Валентина все берет в свои руки!” — решил он и незаметно махнул ей, чтобы вышла проводить. В коридоре шепнул:

— Поеду в Перловку. Бочку отвезу. Теперь она не нужна, когда дожди прошли, попрошу косилку. Не мужицкое это дело — с печатью сидеть, народ уж смеется, как над последним лодырем!

С легкой и стремительной душой сразу же отправился в Перловку, решив, что сегодня не след пробираться к Розе, хотя и договаривался накануне. Но кто же знал, что именно сегодня приезжие люди вконец взбаламутят слободу и весь народ в ней. “Хотя кое-кто в слободе даже рад этой мутной воде, в которой легче рыбу ловить, — думал Бунтов по дороге в Перловку, вспоминая Пичугина. — Неспроста он вертится среди людей, да не один, — явно почувал наживу, волчара!”

Пичугин, действительно, в это утро “нас” со своим корешом, специально приехавшим из Электрика, собравшихся людей, а некоторых — особенно пристально.

— Запомни вон ту крикливую старуху, — тихо говорил Пичугин другу Антону, по прозвищу Седой, указывая на Авдотьиху.

— Она же с дуба рухнула! Коснись, на всю слободу кипеж поднимет!

— Зато сама откроет... Самогонкой она торгует, и мужики к ней гужом идут: с утра до поздней ночи. Одна лишь помеха: с ней внучка-малолетка

живет, но та — я проверял — как темнеет, убегает на улицу, всю ночь с пацанами шарашится. Так что бабка в это время одна. Надо будет лишь припугнуть ее да еще на внучку указать: мол, чуть чего — на куски разорвем!

В Перловке Бунтов поставил цистерну и отправился к Темнову на доклад. В конторе ему сказали, что директор будет через час. “Через час, значит, через час — мне спешить теперь некуда, — смирился Бунтов, — буду ждать!” Дождался, но не через час, а через полтора. Хотя времени было достаточно, но все равно не хотелось попусту убивать его, поэтому и раздражение накопилось. Как увидел Темнова, то сразу в штыки, да с подначкой:

— А я уж и думать чего не знаю, Алексей Алексеевич... Может, думаю, загулял парень!

— Днем гуляют только бездельники... — Темнов поправил пятерней чуб. — Чего скажешь-то, Андрей Николаевич?

— Бочку назад прикатил... Ты-то забыл о ней, будто и не было никогда!

— Поневоле забудешь, когда ни скота в хозяйстве нет, ни пропашных... Как только и выкручиваемся-то, не знаю! Это у тебя дела идут. Говорят, с печатью стал ходить! Молодец! Ну а ко мне какие вопросы? — спросил Темнов, догадавшись, что гость не спешит уходить и готов поболтать на приятную тему.

— Хотя, как говоришь, с печатью я стал ходить, да только это пока пустые слова. Дело-то еще не скоро развернется по-настоящему. Поэтому приходится опять на поклон идти, Алексей Алексеевич: одолжи на денек косилку! Понимаю, что сейчас самый сезон, самим нужна, но ведь не одна же она у вас! А я бы сегодня свалил свою делянку, а завтра с утра пораньше вернул! Ну, как, договорились?

— Считай, что тебе повезло, потому что я не забыл, как ты мой огород без спроса полил и одну грядку замаял, отчего я от жены разнос получил... Ладно, это уже забылось, а за помощь — спасибо. Езжай в мастерскую и скажи сварному, чтобы отдал косилку на день. Только проверь, как он кронштейн приварил! Если кое-как — ты будешь отвечать!

Бунтов на прощание обменялся рукопожатием и, без лишних слов, — в мастерскую. Подъехал, а там трое чумазных мужиков обедают, разложив на газетах лук, яйца да сало и толстые куски ноздреватого хлеба. Пришлось их отвлекать:

— Темнов прислал... Велел косилку забрать, ту, что в ремонте была!

— Ну, если приказ, то тут уж куда не денешься... Надо исполнять. Иди — вон она стоит, цепляй да коси, — подсказал сварщик.

Бунтов было направился к трактору, но приостановился, спросил у сварного:

— Слушай, а чего это ваш Темнов не в духе сегодня? Кто ему насолил?

— С бабой разводится, загуляла она, пока он на своей “Ниве” по полям носился, вот и не в духе!

— Ну, если это так, то полбеды! — тоже усмехнулся Бунтов. — Сейчас мужики на дороге не валяются, особенно те, кто с умом. Еще пять раз женится!

Работал почти до темноты и, все что хотел, успел сделать, навалив рогатых валков, в которых луговой травы было меньше, чем бадерника. Чтобы не озадачивать себя на завтрашний день, сразу же съездил в Перловку, передал сторожу косилку. А как передал, то с легкой душой вернулся домой. На веранду заглянул — тарелки стоят, накрытые полотенцем. Пока умывался и переодевался, из дома вышла Валентина, да озабоченная не в меру.

— Чего такая? — удивился Андрей и пристально посмотрел на жену, пытаясь угадать ее настроение.

— С бумагами совсем зашилась...

— Ты же не одна была! Они хоть заехали, перекусили на дорожку?

— Где там... Посидели в администрации до трех часов и смотались. Теперь жди, когда в следующий раз приедут!

— Не вздумай кассиром у них стать. Ты не видела, а я еще утром приметил, когда выходил покурить, как Петух около администрации с дружкой

вертелся. Так что держись от чужих денег подальше. Наши-то хоть надежно убрала? Маринке позвони, пусть приезжает и заберет часть, пока целы. — Только что звонила. В пятницу все вместе придут, Данилку привезут!

— Надо бы раньше привозить, а то Петров день на носу, а они хватились!

— Правильно хватились, потому что сына на месяц отправляли в оздоровительный лагерь, а теперь до школы у нас будет жить. Нечего ему летом в городе томиться. И Маринке меньше хлопот.

— Сразу бы надо об этом думать, — для порядка проворчал Бунтов, а у самого тревожно стало на душе.

Андрей вдруг понял, что любовная эпопея, так внезапно начавшаяся, так же внезапно может и закончиться: “Теперь, получается, прощай, Роза! Ведь и жена вот-вот окончит курсы, и внук будет веревочкой виться — разве от них ускользнешь?! Они теперь, получается, будут в тягость! Вот до чего дожил! — Сделав это открытие, он немного загрустил, но заставил себя взбодриться: — Еще неизвестно, как все обернется, а несколько дней у меня в запасе есть!” И чтобы эти дни посвятить Розе, он решил сохранить себя для нее, а на тот случай, если вдруг Валентина захочет сегодня внимания, попытался выведать ее настроение и опередить, если понадобится.

— Долго-то не копайся, надо это дело сделать! — и показал на руках, какое дело имел в виду, а Валентина сразу замахнулась тряпкой:

— В своем уме? У меня экзамен через два дня! Я еле живая приползла, мне бы только до подушки добраться!

— Как хочешь, тогда в сарай пойду спать, а то сегодня духота какая-то необыкновенная!

— Иди, иди — комары-то нажгут!

— Нажгут — это верно, — согласился Бунтов и зарделся душой от вдруг пришедшей мысли: “Чего же я раньше-то о сарае не думал? Надо бы давно туда перебраться, вся ночь в распоряжении: приводи, кого хочешь. А я, как баран, днем, на виду у всех, по чужим дворам шастаю!” Он хотя и отругал себя, но сразу же и успокоил: “Кто же знал, что так крепко с Розкой любовь завяжется!”

Школьное настроение он сохранил в себе и на следующий день. Как только ушла Валентина, он побрился, помылся, оделся поприличнее и пошел привычным маршрутом. Он ожидал, что, как обычно, начнет целоваться с Розой в сенях, но в этот раз она не проявила пылкости, а, закрыв изнутри дверь, лишь позволила поцеловать в щеку.

— Ты чего? — удивился Бунтов. — Или встала не с той ноги?

— Я-то встала с какой нужно, а вот ты оказался бесподобным обманщиком! Почему вчера не пришел?

— Комиссия же из Москвы приезжала. Весь день слобода на ушах стояла!

— Ври, ври... Слобода-то, может, и стояла, только ты почему-то полдня на тракторе по полю гонял! Тебе трактор дороже меня! Если это так, то и скажи прямо! Навязываться я не хочу и не буду!

От словесного напора Розы, всегда казавшейся молчуньей, Бунтов на какое-то время опешил, не зная, что сказать ей, как оправдаться.

— Не мог я вчера! Пойми ты. До обеда в конторе к делам был привязан, а после обеда траву косил... Ведь специально вчера решил это сделать, а то пришлось бы сегодня этим заниматься. Разве непонятно?

— Правда? Посмотри на меня! — Он посмотрел, а она, чуть улыбнувшись, насмешливо сказала: — Ладно, прощаю! Поцелуй... Крепко!

Он поцеловал и уже знал свои действия, потому что давно заметил, как она, подобно легкому перышку, любит опуститься на его узловатые руки, которые, казалось, и усилий-то никаких не прилагали в этот момент, на них перенести на кровать, испуганно охнув при этом. И в этот раз все так и было.

Когда пришло время успокоиться, она неожиданно разрыдалась, а он, как ни уговаривал, не мог уговорить. Даже сел на постели и чуть ли ни рывкнул:

— Скажешь или нет, что произошло? Или мне уйти?

— Из-за тебя все... Сколько раз вчера в сад выходила, тебя ждала, а трактор все мимо и мимо! Разве не обидно?

Ей в этот момент хотелось все рассказать Андрею, и она бы это сделала, если бы он не целовал неотрывно и не закрывал ей рот. Розе очень хотелось пожаловаться на соседа, рассказать, как вчера Пичугин встретил в саду и начал приставать, издеваться, даже запугивать, сказав, что, мол, все знает о них с Андреем, что ноги ему переломает, если еще хотя бы раз увидит у нее! Поэтому Роза и плакала теперь, вспоминая вчерашний случай и не могла успокоиться, только туже прижималась к Андрею, словно хотела раствориться в нем, переложить все заботы и тревоги на него. Ему же были приятны ее слезы, приятно, что она отругала за вчерашний день, — от ее жалобных слов он чувствовал себя единственным волшебником на всем белом свете, который знает, как успокоить Розу. И он так старался, что она, в конце концов, бессильно откинулась и закатила глаза:

— Все, не могу больше... Сейчас помру!

— От этого не умирают! — ухмыльнулся Бунтов, хотя сам чуть не задохнулся, и по-настоящему рассмеелся от нахлынувшего настроения, которое бывает у сильных мужиков.

Он и уходил от Розы с этим настроением, когда они попили чаю, и она вышла за ним во двор, чтобы закрыться изнутри.

Около вишней его кто-то окликнул:

— Погоди, мужик!

Оглянулся Бунтов и увидел, как Пичугин вышел из кустов соседнего сада и, криво ухмыльнувшись, сразу с вопросом:

— Что, понравилось на халяву?

— Не твоего ума дело! — твердо сказал Бунтов и почувствовал, как все задрожало внутри.

— В общем так, мужик... Еще раз увижу у Казашки — ноги переломаяю. А если и это не поможет, то на перо посажу!

— Ножиком, что ли, угрожаешь? Так ножик-то и у меня имеется, и не один, понял? — плюнув в сторону Пичугина, Андрей отправился к выходу из сада; когда шел, очень хотелось оглянуться, посмотреть на Петуха, но сдержался.

Не теряя времени, Бунтов вышел на порядок и встретил пьяного Петровича, вливавшего вдоль палисадников с двумя магазинными бутылками в карманах и пакетом пряников. Увидев Бунтова, Круглов заулыбался, широко раскинул руки и пошел навстречу, пытаясь обнять:

— Андрюша, дорогой, а я второй день гуляю! Спасибо тебе — вся слобода гуляет! Вот так праздник ты нам устроил. Жаль, что выпить со мной не можешь... А может, немного-то пропустишь?

— Петрович, не приставай. Если можно было — не отстал бы, не сомневайся!

Встреча с Кругловым испортила настроение даже более, чем разговор с Петухом, и когда он ввалился в дом и тяжело опустился на диван, то вернувшаяся к тому времени Валентина, вертевшая мобильный телефон, это сразу заметила:

— Чего такой сердитый? И вырядился зачем-то, рубаху цветастую напялил?

— Петровича встретил... Запил он хуже некуда, теперь недели две просыхать не будет, знаю его!

— Тебе-то что? У каждого своя голова должна быть на плечах! А чего это ты вырядился-то? Что за праздник?

— В Лонск ездил, хотел подарок прикупить Данилке, да выбрать не из чего. Одно китайское барахло!

— Да, отец, что-то ты подозрительно заботливым стал без моего пригляда? И такой разборчивый! Имей в виду: в пятницу у меня экзамены, а с субботы я за тебя возьмусь по-настоящему! — вроде бы шутливо сказала Валентина, а сама зло и косо посмотрела на мужа. — Хотя чего ждать субботы, сейчас вот возьму и проверю, где был! — с угрозой сказала она и начала разбирать кровать.

— На понт-то не бери! — не шелохнулся Андрей. — Заездила, молодая нашлась! Давай-ка собирайся да на поле пойдем сено теревить... А на счет проверки — это еще самому надо проверить, чем вы в Электрике занимаетесь?

К вечеру, натаскавшись по колючей стерне с граблями да вилами наперевес, и Бунтов, и Валентина, и пришедший к ним на помощь Коляня с женой ухайдакались до невозможности, особенно жена Коляни Полина — объемистая и краснощекая, она, наверное, выпила за это время трехлитровую банку воды, которая из нее тотчас же выходила испариной. После работы все отправились купаться на Алешню, а когда искупались в чем мать родила, отделившись друг от друга разросшимся ивовым кустом, немного повеселевшие, они вернулись в слободу. Как только расстались с Фроловыми, Валентина, как оказалось, не забывшая дневной разговор, нахально сказала мужу:

— Хоть и устали, но все равно сегодня вместе ляжем, для этого дела! — И показала на руках, какое именно дело наметила.

Андрею ничего не оставалось, как оскорбиться, потому что после Розы мужик из него был бы никакой, заставить себя рассмеяться и хрипловато пропеть:

*Мелкий дождик моросил —
Я у милочки просил.
Мелкий дождик перестал —
Она давала, я не стал!*

— Ну и дурак! — не поняла и не поддержала Валентина, а Бунтов только этого и добивался.

До самого вечера они не разговаривали. И ужинали молча. Когда же собрались спать, он сообщил:

— И сегодня в сарае буду спать, на свежем воздухе!

— Катись! — легко согласилась Валентина, и это обрадовало Андрея, хотя легкость, с какой она согласилась с его своеволием, насторожила. “Наверняка какую-нибудь проверку задумала! — решил Бунтов. — Но мне-то теперь какое дело до этого? Сама ведь начала задираться! Вот теперь пусть и расхлебывает, вспомнит, как надо ценить мужа, а не относиться к нему наплевательски”.

Прихватив банку с водой, Бунтов отправился в сарай. Уйти-то ушел, но все равно стало не по себе, беспокойно. Около сарая присел на пенек, огляделся в уже наступивших крепких сумерках, хотя и белесых поверх садов от светлевшей вечерней зари. Неподалеку темнел трактор, от которого исходил запах солярки и дневное тепло, хотя сегодня он на тракторе не ездил, далее густела темная аллея рябин, казавшихся в этот час черными, а над ними, во всю глубину неба, копошились звезды и застыл молодой месяц, успевший к этому часу разрогатиться. И тишина разлилась над слободой необыкновенная, лишь отдаленный гомон молодежи у клуба чуть-чуть оттенял ее, да напоминал о себе сверчок, без устали что-то точивший и точивший где-то совсем рядом... Бунтов, наверное, заснул бы на пеньке, но, уже окончательно засыпая, заставил себя подняться. Еле-еле добравшись до топчана, не раздеваясь, рухнул на него, заснул, наверное, раньше, чем голова коснулась прохладной подушки.

Он не слышал, как через некоторое время стукнула дверь на веранде, не слышал, как в сарай заглянула Валентина и коротко осветила фонариком. Убедившись, что муж на месте, она вернулась в дом.

Бунтов думал, что его жизнь в последний месяц самая что ни есть хлопотная и суетливая, но оказалось — ошибался. Он это понял, когда в пятницу приехала Марина с семьей и сразу устроила круговерть! К тому же так совпало, что в этот день Валентина окончила учебу, и теперь все разглядывали ее бумагу, выданную на курсах. Что ж, подходящий повод отметить событие! Наверное, и Марина поэтому приехала; Валентина, видно, ей все

рассказала о завершении учебы, да и о деньгах наверняка шепнула. Так что все сходилось в один узел. К радости, нет ли — это для Бунтова другой вопрос, когда он начинал вспоминать Розу. Но что бы ни думалось, а он действительно соскучился по гостям — в этом и сомнения никакого. Внук это понимал и не отходил ни на шаг, когда дед вернулся с поля, и теперь сидел на лавочке перед палисадником, о чем-то разговаривая с отцом. Но что Данилке до взрослых разговоров, когда у него свои интересы. Столько вопросов накопилось, и главный из них:

— Когда на тракторе прокатимся?

— О-о, парень, до сентября мы с тобой еще успеем штаны до блеска натереть — это я тебе обещаю!

— Давай сейчас! — не отставал внук, а отец его по-настоящему осердился.

— Чего прилип, давно ремня не получал! — припугнул Павел сына. — Это мне недолго... Отстань от деда, иди к маме и бабушке — помоги им.

Данилка, хотя и обиделся, но сразу не ушел, а еще немного, словно на зло, повертелся около взрослых. А у них свои разговоры.

— Значит, Николаич, говоришь, промашка с землей вышла? — допытывался похудевший за последние два месяца Павел, всегда проявлявший интерес ко всему, что происходило на селе, потому что сам был выходцем из глубинки.

— Считай, что так и получилось... — вздохнул Бунтов. — Деньги швырнули — и вали на все четыре! И это еще хорошо, у нас по совести поступили.

— Рыночные отношения... — вздохнул Павел. — Ничего теперь не поделаешь! Смена формации, политического строя, уважаемый Андрей Николаевич! А такие потрясения всегда проходили с большой кровью, и всегда в тех войнах на первом месте стояла земля.

— Х-м, смена формации... — мыкнул Бунтов. — Что-то затянулась эта смена... Ты вот учился на инженера, а чего же простым слесарем на дядю вкальваешь?

— А это мой выбор... Где больше могу заработать — там и вкальваю. Придет время, рассчитаемся с Мариной за квартиру — устроюсь по специальности.

— Печать будешь прикладывать? — усмехнулся Бунтов.

— Почему же... У меня в дипломе записана специальность: “Эксплуатация машин и механизмов”. Вот этим и буду заниматься.

Они еще немного поговорили, и их позвали за стол. Когда расселись, то Валентина достала из холодильника бутылку шампанского и попросила зятя:

— Открывай, Паш! Наливай мне и себе! Отец не может, а Марине нельзя!

— Правильно, — согласилась дочь. — К тому же сейчас пост идет.

Когда выпили за успешное окончание курсов, Валентина спросила у дочери:

— Когда же ты успела набожной стать? Вроде не замечала за тобой этого?

— В последние годы. А что, это разве плохо?

— Боже упаси, я разве так сказала? Просто по себе сужу: мы-то всю жизнь не думали об этом, а о церкви вспоминали только на Рождество и Пасху, а ты-то вон как — с молодых лет прониклась, молодец. Верующий человек — совестливый, не опасный, а у неверующего неизвестно что творится на душе. Сейчас многие потянулись к церкви, храмы начали восстанавливать. Как-то была в Лонске — специально ходила смотреть, как в храме, где прежде был Дом культуры, всюю идут ремонтные работы. Говорят, что осенью храм откроют...

— Раньше бы это надо делать! — вставил словечко Бунтов.

— Ломать не надо! — продолжала задумчиво говорить хозяйка. — А то у нас всегда так: сперва ломаем, а потом восстанавливаем... Ладно, не будем об этом. А ты, Мариночка, все-таки от скоромного не отказывайся. Даже в Писании говорится, что воинам, путникам и болящим людям соблюдать пост необязательно. К ним и ты относишься со своим положением.

— Мам, не заострай внимание, — отмахнулась Марина и взглянула на сына.

— Да не заостряю я, не заостряю. Только сидим мы как на поминках. Отец, на гармошке, что ли, попиликай! — попросила Валентина мужа, а тот отмахнулся:

— Марина сказала же, что пост идет, нельзя веселиться!

— Что-то ты прежде никаких постов не соблюдал, да и сейчас, довелось бы стаканчик-другой пропустить, не утерпел бы!

— Ты чего? — нахмурился Бунтов. — Провоцируешь? Меня не собьешь!

— Плохо, что у нас сплошные крайности: то мы пьем без меры, а то не можем даже бокал шампанского выпить!

— Пей, кто тебе не велит! — нисколько не обиделся Бунтов на жену, потому что после ее подначки лишь сильнее радость расцвела, гордость за самого себя: мол, могу выпить — хоть сейчас! — а не буду! Придет время — первый предложу!

Наутро все подначки забылись, другое сразу стало волновать: сенокос! От заботы Бунтов проснулся рано, но будить домашних не спешил. Ведь спешить-то особенно некуда, потому что сено надо сгребать после обеда, когда роса высохнет. Раньше нельзя — иначе оно потом “загорится”. Поэтому, от нечего делать, сходил к Коляне Фролову, напомнил о сегодняшнем деле. Когда возвращался, неожиданно встретил Розу. Она не хотела останавливаться, но он все-таки задержал, коротко спросил:

— Какие новости? Никто не обижает?

— Кто меня может обидеть? — не глядя в глаза, стеснительно ответила Роза.

— А ко мне дочь с семьей приехала на выходные... — поспешил сообщить Бунтов, словно сказал, чтобы в ближайшие день-два она не ждала его.

— И у меня гости... Дочь с зятем за вишнями прикатали из Электрика. Вот за сахаром иду — будем варенье варить... Ладно, пойду я, на следующей неделе, может, увидимся!

Бунтов хотел спросить, почему “может”, но не стал любопытничать, а пошел далее вдоль порядка, как будто и не было никакого разговора с Розой. А то, что остановились и перекинулись парой-тройкой слов, — так чего же не поговорить с почтальонкой, когда с ней все разговаривают — на виду баба. Андрей убеждал себя, что это так и есть, но вдруг поймал скользкую мысль в том ее узком месте, в котором нельзя было не поймать, когда вспомнил Пичугина. Ведь как ни юли перед самим собой, а он, Андрей Николаевич Бунтов, именно из-за этого пакостника начал изворачиваться, задумываться над тем, как найти новую лазейку к дому Розы. Ведь, что ни говори, а последний разговор с Петухом заставил быть собранным, расчетливым. Правда, Бунтов все делал с опозданием. Вот и сейчас, вспомнив Пичугина, подумал о том, что зря не закрывается в сарае: как говорится, береженого Бог бережет! А то или сам придет, или дружков пришлет. Сонного хрястнут монтировкой по голове — ищи тогда виновного. Исполдволь родившаяся пугливая мысль повела Бунтова дальше, и он решил, что надо впредь стать оглядчивее и не быть размахаем. Поэтому, когда вернулся в дом и увидел, что все проснулись и собираются завтракать, нашел в ящике буфета выкидной нож, который хранился там лет уж двенадцать — с тех самых пор, когда отобрал его у сына, что называется, от греха подальше, — и заглянул в сарай. Здесь нож смазал, очистил от кое-где появившейся ржавчины и заново наточил лезвие, для проверки несколько раз щелкнул кнопкой. Пощелкав и убедившись, что нож вполне исправен, радостно опустил его в карман и почувствовал, как металлическая тяжесть радует сердце. “А то, гадость, вздумал ножом пугать! — в сердцах плюнул Бунтов, вспомнив Пичугина. — Приходи теперь, пугай!” Эта мысль придала уверенности, настроения, и, наспех перекусив вместе со всеми, он поторопил домашних:

— Пора, ребята, пора! А то уж солнце к зениту подбирается!

Оставив Марину в доме, они через десять минут были на лугу, если

бурьянистое пространство, разукрашенное рядами скошенной травы, можно назвать лугом, где их встретил Коляня со своей курносой женой.

— Значит, все в сборе! — подтвердил увиденное Бунтов и подал команду: — Начинаем!

Он первым подхватил вилы и начал укладывать первую кошну. Вскоре поднялась вторая, третья. Все уж давно вспотели, по очереди прикладывались к банке с водой, а работы оставалось ого-го сколько! Поэтому мало-помалу сбавили темп, работали размеренно, с остановками, когда женщины переводили дух, а мужчины закуривали. Только Данилка неумоимо носился по делянке, работая граблями, хотя его и предупреждали, что на колючей стерне бегать нельзя, но разве свой ум дашь. В конце концов, внук споткнулся, упал и до крови оцарапал руку. Мальчишке хотелось разреветься, но он терпеливо молчал, пока бабушка промывала оцарапанную руку, а после, когда пыталась отправить к матери, не хотел уходить и всех звал с собой:

— Пойдемте домой! Завтра доделаете!

— Какой скорый! А вдруг ночью дождь ливанет! Что тогда? Заново се-но пересушивать? Нет, брат, не годится делать одну и ту же работу по сто раз! А если уж начал лениться, так и скажи!

— Ничего не зеленился... — не сдавался зарумянившийся на солнце Данилка, продолжая каночить, и доканочил: Павлу надоело его слушать, и он пугнул сына:

— Тогда отправляйся к матери! Нечего под ногами мешаться да ныть!

После ухода внука Бунтов и женщин отпустил.

Не заставляя себя уговаривать, Валентина с Полиной подхватились, и только их видели. Мужчины же работали до конца и с легкой душой отправились на Алешню. По пути Бунтов попытался вспомнить складные слова сына о шатких мостках да веселых окунях — не вспомнил, но и без этого на душе было радостно. Накупавшись, они не спешили уходить с реки, а когда все-таки отправились в слободу, то на полпути он хватился, а ножа нет. Был бы обычный нож, то и вопросов никаких, а теперь пришлось изворачиваться.

— Мужики, вы уж далее без меня шлепайте, а мне надо вернуться — портсигар забыл! — сказал Бунтов, предварительно сунув портсигар за рубашку.

Вернувшись, сразу нашел нож и хотел догнать мужиков, но охладил себя, усмешливо подумав: “Чего я все спешу-то? Куда? Зачем? Не пора ли оглядеться, посмотреть на себя со стороны. Жизнь-то только раз дается!” Может, поэтому на полпути он остановился и долго смотрел на бесконечное раздолье, притихшее от необыкновенной тишины, которая, словно по заказу, разлилась окрест. И это его необыкновенное настроение усилилось до звона, когда он увидел, как навстречу идет Роза со своей дочерью, в которой природа почти ничего не сохранила азиатского, и с худым, конопатым зятем.

Еще издали заметив Розу, — когда поравнялся с ней, шедшей в сиреновом сарафане, то увидел, что она шла босиком, держа в руках шлепанцы, — он во все глаза смотрел на ее загорелые ноги, а когда поравнялись, разглядел узенькие пальчики, словно никогда не видел их... Он поздоровался со всеми сразу, сказав “Здравствуйте!”, но ответила только она, словно ее дочь и зять были глухонемыми. Ответила обычно, как ответила бы любому встречному слободчанину:

— Добрый день!

Бунтов и Роза прошли мимо друг друга, даже не остановившись. Только обменялись взглядами, и Андрей увидел в них прежнюю любовь. “Погоди, девка, будут еще у нас сладкие минуты!”

Когда он не спеша пришел домой, то, молчком поужинав, собрался выйти на улицу, но тут Валентина выглянула из комнаты, спросила ехидно, еще более подлив масла в огонь:

— Быстро ты сегодня. А то, гляжу, Казашка на реку пошла. Ну, думаю, теперь наш Николаич так и будет вокруг нее вертеться, до ночи не дождешься!

Бунтов промолчал, не стал отвечать при зяте и дочери, хотя очень хотелось сказануть жене что-нибудь такое... Лишь мстительно глянул на Валентину, выскочил на улицу и жадно-прежадно затянулся сигаретным дымом.

Долго сидел один, пока не вышла жена, держа пакетик с семечками, и, как ни в чем не бывало, спросила:

— Завтра-то чего делать будем? Или опять на реку убежишь?

— Как ты угадала? Вы делайте, что хотите, а у меня выходной будет! Пойду учить Казашку плаванию! — неожиданно зло ответил он, подыгрывая жене.

Валентина обиженно подхватила и ушла в дом, а Бунтов, докурив сигаретку и пройдясь по саду, не дожидаясь темноты, отправился спать.

Он уж видел десятый сон, когда все-таки услышал чье-то царапанье в дверь... И сразу сна как ни бывало, кольнула мысль: “Роза пришла!” Но, быстро открыв дверь, увидел силуэт Валентины и сердито спросил:

— Что случилось?

— К тебе иду...

Бунтов хотел укорить, даже отругать, мол: “Будней, что ли, для этого не хватает? Специально ждала, когда ребята приедут?” — но она опередила: прижалась, влепилась целовать, и он сразу забыл все обидные слова, которых наслушался от нее за день, ничего не мог поделать ни с ней, сильнее обычного пахнувшей подсолнушками, ни с собой.

Хотя и намеревался Бунтов устроить себе выходной на следующий день, да разве усидишь, ничего не делая, когда о сене забота гложет. Съездил он в Перловку за тракторной телегой, собрал мужиков, и в тот же день они перевезли копы в слободу. И потная эта работа казалась в радость, когда они, усыпанные сеной трухой, подносили навильник за навильником, набивали сарай. А как все сделали, то Бунтов подмел луг перед сараем и скомандовал:

— А теперь под душ!

Конечно, искупаться в Алешне куда приятнее, но уж больно не хотелось таскаться туда-сюда; к тому же Павел с Мариной начали собираться в Рязань. Но прежде все вместе сели обедать. Хотя за два дня и устали, но все равно за столом постоянно шутили, словно своим настроением поддерживали один другого.

Проводили они Марину с зятем, и Данилка проводил, правда, в какой-то момент покуксился, но быстро успокоился, когда дед напомнил о тракторе. Внук даже согласился посидеть с дедом на лавочке, но долго не пробыл из-за дедушкиного табачного дыма, убежал в дом, а Бунтов даже обрадовался этому. Невольно пришли мысли о том, что дальше делать, чем заниматься, какую бы придумать себе работу. И тут удачно вспомнил о Долгой лощине, о том, что почти месяц назад прихватил делянку, которая давно ждала-ждалась его. Поэтому сразу поставил в известность Валентину

— С завтрашнего дня начинаю косить в Долгой! — сказал как можно мягче, чтобы не заводил жену.

— Чего к сену-то привязался? — все-таки нахмурилась она. — Сам, что ли, есть будешь? Или спальную снасть опять готовишь? — спросила-напомнила жена, всегда напоминавшая, когда разговор заходил о Долгой лощине, где в молодости муж путался с приезжей Анжеликой.

— Нашла что вспоминать... — укорил Бунтов.

— Да ладно уж... Делай, что хочешь, — отговорила Валентина, не желая разжигать ссору.

Она не могла не чувствовать, что муж в последнее время постоянно юлит, привирает, и все это неспроста. За многие годы совместной жизни Валентина настолько изучила его, что даже без слов могла понять, почувствовать то или иное изменение даже не в поведении, а в настроении. Знала, что он и врать горазд. Ведь и знакомство-то их началось с вранья, когда встретилась с ним на танцах в слободском клубе, приехав в Казачью на уборку вместе с учащимися ПТУ, где училась на бухгалтера. Еще тогда он затуманил ей голову, сказав, пригласив на танец, что является студентом, что, мол, как и ее, его прислали на уборку картошки из самой Рязани! А сколько Валентине в ту пору лет-то было: семнадцать едва исполнилось. По молодости всему верила. А как врал складно, паразит! Она-то, правда, проявила характер, все наскоки пылкого ухажера отбила, хотя за месяц, проведенный в сло-

боде, поняла, что за фрукт этот Бунтов, особенно когда выяснилось, что он на год младше ее и что никакой он не студент... А он поухаживал-поухаживал и, видя, что ничего не получается, перед тем как уезжать ей, предложил расписаться, думая, что после такого заманчивого предложения девка напоследок растает. Но она и тогда отказала ему, попросила подождать до весны, когда закончит обучение... Думала, это охладит его, а он лишь сильнее разогрелся, ни за что не хотел отступать. Она колебалась, не могла сразу поверить в его искренность, но со временем так привыкла к своему озорному Андриюхе, каждый выходной теперь приезжавшему в Скопин и частенько возвращавшемуся в Казачью Засеку с синяками, что уже ни на что не обращала внимания, все прощала ему. А он, почувствовав ее серьезность, поумерил расхлябанность, которую теперь проявлял где и с кем угодно, но только не с Валентиной, в которую влюбился не абы как, а по-настоящему! Еще сильнее зауважал, когда она простила его первоначальное вранье и ни в чем никогда не укорила. Расписались они почти перед самым его призывом в армию. Кое-кто из родственников Андрея отговаривал, а отец, тот категорически не разрешал жениться, но Андрей всех переборол и сделал по-своему. Свадьбу сыграли в Казачьей Засеке в светлые апрельские дни, а через три недели Бунтов загудел в строительные войска и два года ротбал на бульдозере. Из армии демобилизовался, и встретила его Валентина уже с сыном, который к тому времени ходил всюю! С тех пор прошло чуть ли не сорок лет, а они, как молодые, все выясняют отношения.

Вот и сейчас, перекинувшись несколькими колкими словцами, они отстали один от другого, зная, что — ругайся не ругайся, — а никуда им друг от друга не деться. Правда, Валентина, как ни делала невозмутимый вид, все-таки осталась в душе непоколебимой в своем подозрении. А то, что часто стала попрекать мужа Казашкой, так это было первое, что могло прийти на ум. К тому же Роза из-за своей работы почти каждый день мелькала перед глазами. Скрытная, никогда лишнего слова не обронит. Идет порядком так, словно и не обычная почтальонка семенит, а заморская принцесса плывет. А на эту “принцессу” без слез не взглянешь: худющая, ноги кривые, глаза раскосые — как идет порядком, от нее даже куры разбегаются. Так что Андрей на такую и пьяным-то никогда не позарился бы, а про трезвого и говорить нечего.

Валентина в своих мыслях старалась не зря, мало-помалу успокоила себя. Когда же утром Бунтов, все-таки прихватив Данилку, отправился на покос, перестала переживать, решив, что все подозрения родились именно в ту пору, когда ездила на курсы, оставляла мужа без присмотра.

Правда, Данилкиного азарта хватило лишь на один день. На следующее утро он заупрямился, не захотел рано вставать, и Бунтов отправился косить один. Валентина сделала вид, что ничего особенного не произошло, а сама через полчаса отправилась следом за мужем и издали, прячась в лесопосадке, понаблюдала за ним. Собиралась на несколько минут, а просидела около часа — все никак не могла стронуться с места, гадкая мыслишка так и сверлила: “А вдруг сейчас уйду, а именно в эту минуту к нему какая-нибудь тля прилипнет?!” Но нет, не дождалась. Пришлось без всякого результата возвращаться домой. Это не особенно и радовало, словно ей стало бы лучше, если бы она застучала Андрея. А как домой вернулась, то Данилка из окна выглянул и спросил так, словно знал, где она прохлаждалась:

— Бабушка, у деда была? А то я проснулся, а тебя нет!

— С чего ты взял? На поле ходила, хотела молодой картошки накопать. Ты любишь молодую картошку?

— Не очень, бабушка. Я чипсы уважаю.

— А они вредные, особенно для детей. А молодая картошечка в мундире да с пахучим маслом из подсолнушков — вот объединение!

Она говорила с внуком, а мысли об Андрее не выходили из головы. А когда выносила корм галдевшему около двора выводку индеек, то увидела шедшую другой стороной улицы почтальонку и сама себя отругала: “Кто она такая, если я только и думаю о ней! И с чего бы это, если она моего ногтя не стоит?”

Если бы так думал и сам Бунтов, а то у него в это утро совершенно иные мысли вились и произрастали, пока туда-сюда ползал по дугу, радуясь, что держится роса. А как она высохла, то и косьбе конец, потому что по сухой траве косу с места не сдвинешь, жилы оборвешь. Поэтому с легкой душой протер косу, потуже привязал подбрусник и, подхватив сумку с пустой банкой из-под воды, зашагал в слободу. Возвращался огородами и, проходя мимо Розино, увидел ее саму: стоит в вишнях и на него смотрит, но никаких знаков не подает, словно говорит: вот она я, чего же ты ждешь, особого приглашения? Таинственный вид Розы, ее нарочитая неподвижность — все это заставило Бунтова замереть душой, а после почувствовать, как заколотилось было успокоившееся после косьбы сердце. И мысли совсем другие пришли, заставившие твердо решить: “Что бы ни случилось, а сегодня к Розе иду!”

Перекусив после покоса, он отправился в сарай, но долго не мог заснуть, хотя бы вздремнуть: мысли так и вились, так и путались. Все-таки задремал, да так разоспался, что, когда проснулся, оказалось, что солнце к вечеру покатилось. Это Бунтову на руку: все ближе встреча с Розой, хотя Валентина все-таки не утерпела, укорила:

— Весь день проспал... Чего ночью-то делать будешь?

— У меня теперь одна забота: покос! Чуть свет надо вставать!

Вечером Бунтов, будь его воля, сразу бы отправился к Розе, бегом бы побежал, но нет — надо делать вид, что он действительно собрался спать. Поэтому, затаившись, наблюдал через щель, дожидаясь, когда погаснет свет в доме. И как только он погас, то Бунтов сразу вышел и сел в сторонке, решив понаблюдать: выйдет Валентина проверять или нет? Если выйдет, он сразу увидит ее да еще укорит при необходимости, если нет — то и вовсе на душе станет спокойно. Более часа томился Бунтов, притулившись около забора на подвернувшемся коротком бревнышке, и никого, на свое счастье, не дождался. В слободе все это время было тихо, лишь время от времени доносились от клуба то музыка, то девичьи голоса. А как минул час, то более не хватило сил дожидаться неизвестно чего. Он тихо вышел из засидки и отправился к Розе, но не огородами, где, коснись, было бы непонятно его появление, а порядком, быстро переходя от палисадника к палисаднику, прислушиваясь и приглядываясь ко всему, что творилось вокруг.

Он дошел почти без помех, лишь в одном месте пришлось затаиться у чужого палисадника, когда какая-то парочка шла по асфальту навстречу, впрочем, этой парочке ни до кого не было дела: парень что-то бубнил и бубнил, а девчонка в ответ заливалась смехом. Бунтов только подумал: “Молодцы — никого не боятся, ни от кого не скрываются!” Через минуту рядом скрипнули ворота во двор и образовалась щель, в которую Андрей нырнул и сразу оказался около теплой Розы, будто только что нежившейся на солнышке... Он чуть не задохнулся, прижав ее к себе и не жалея в этот момент поцелуев. Но вот она легонько освободилась и повела Бунтова за руку. Когда входили в сени, шепнула:

— Осторожнее...

И ее голос, по которому Бунтов соскучился за последние дни, показался слаще сладкого, приятней приятного из всего того, что может быть на свете. И это лишь начало, ну а после, когда они, обнявшись, бухнулись на кровать, то и вовсе все поплыло в голове... Бунтов не мог сказать, сколько продолжалось волшебное путешествие и сколько еще могло продолжаться, если бы не слабый голос Розы, приведший в себя, напомнивший, где он находится. Она прижалась к его щеке, обвила руками и прошептала:

— Не могу больше, умираю!

Потом они какое-то время лежали молча, приходя в себя. Она отдышалась быстрее, и, видимо, хотела запоздало укорить его, но сказала с такой интонацией, словно жаловалась сама себе:

— Как же я долго ждала тебя!

Он ответил не сразу, а когда сказал, то тихонько рассмеялся:

— Не больше года!

— У меня и неделя к году приравнивается! У меня свой счет. Так и знай!

Пришел он в себя, более или менее освежившись в мыслях своих, лишь когда за окном обозначилась ранняя июльская заря. Он сел на постели, сладко потянувшись, потому что действительно невыносимо хотел спать:

— Пора собираться!

Она послушно поднялась, закрыла за ним дверь со двора и, немного постояв и прислушиваясь, не услышав ничего подозрительного вернулась в дом и, упав на постель, охнула:

— Вот и все счастье: было, и нет его! Теперь жди, когда оно вернется!

Пробравшись огородами к дому в обманно предвечерних сумерках, когда все очертания плывут и двоятся, Бунтов тихонько нырнул в сарай, за метив при этом, что старый полынный веник, который он предусмотрительно положил под ворота сарая, лежит на месте, и поэтому вполне можно предположить, что Валентина в эту ночь не проверяла.

Свежесть раннего утра взбодрила Бунтова, и когда он добрался до ложины, то и сонливость пропала. Захотелось работать и работать. И зазвенела коса, и застучал брусок, когда Бунтов, протерев полотно косы росистой травой, ловко точил его, словно дробь отбивал. Когда добил первый рядок почти до конца, то обратил внимание, что в одном месте кто-то собрал в кучурку подсохшую вчерашнюю траву, а подошел ближе — кучурка сильно примята, а рядом лежит чей-то забытый сиреневый платочек... И сразу в Бунтове что-то всколыхнулось, заставило радостно вздрогнуть, словно те, кто был здесь сегодняшней ночью, одного с ним рода из племени влюбленных. И ощущение этого прибавляло сил. Посматривая на мятую кучурку, Бунтов косил и косил, почти без перекуров, вспоминая минувшую ночь, которую отдал Розе.

Вволю накосившись, Андрей тяжело плелся домой в тот час, когда уж солнце вскарабкалось на самый обрыв небосклона. Усталость, как он ни хорохорился, давила тяжелей тяжкого, и вся его мечта сейчас была лишь в том, чтобы добраться до дому, умыться, чуток перекусить и рухнуть спать. Все бы так и было, но у веранды его встретила Валентина и сразу как кипятком ошпарила:

— Тебя участковый ждет!

— Какой еще участковый?

— Самый обыкновенный... Милиционер наш!

Заглянул Бунтов в веранду, а там действительно сидит носатый, со сросшимися бровями Мустафа и что-то пишет в планшетку. Фамилию участкового Бунтов не знал, но она была нездешняя, трудно произносимая, схожая с именем, потому что участковый этот прибыл несколько лет назад то ли из Дагестана, то ли из Чечни взамен местного участкового, которого осудили за то, что, скооперировавшись с местной шпаной, распродал половину коров в соседнем отделении. Тогда и поставили приезжего участкового, наверное, более строгого, которого, видимо, притянул сам начальник милиции, тоже выходец с Северного Кавказа. И вот этот лейтенант сидит у Бунтова на веранде. Услышав Бунтова, поднял голову, встал, надел фуражку с гербом и руку к козырьку:

— Вы Андрей Бунтов?

— Он самый, — невольно заробел Бунтов, сразу вспомнив ночное путешествие к Розе. — А в чем дело?

— Минувшей ночью в вашей слободе совершили преступление в отношении Фирсовой, похитили пятьдесят тысяч рублей... Поэтому у меня к вам есть несколько вопросов. Расскажите, может, кого подозреваете, или видели каких-либо подозрительных людей, которые могли совершить это преступление?

Бунтов сразу вспомнил Пичугина и решил, что это его рук дело или его сообщников. Ведь неспроста они вертелись у администрации в те дни, когда приближили из Москвы деньги. И вот результат: одну уже грабанули! Правда, о мелькнувших подозрениях Бунтов не сказал, лишь наигранно удивился:

— Откуда у нее столько денег-то? Ведь за паи давали по тридцать пять тысяч, а как вы говорите, что пятьдесят отняли?

— Сумма общая, вместе с трудовыми сбережениями!

— Ха! У нее трудовые сбережения? Да она уж лет десять на пенсии!

— И все-таки, скажите, — настоял горбоносый лейтенант, говоривший почти без акцента, — есть ли у вас какие-либо по этому поводу соображения, тем более что, если судить по свидетельским показаниям, вас видели сегодняшней ночью у дома Фирсовой?

— А вот в этом ошибочка вышла! Никто меня видеть не мог, потому что я с вечера завалился спать, а едва рассвело — ушел на покос!

— Вас никто и не подозревает. Просто мы ищем возможных свидетелей.

— Чего нет, того нет! Ничего подозрительного не видел и не мог видеть! — резко сказал Бунтов и поднялся из-за стола, давая понять, что разговор окончен.

Следом поднялся и лейтенант и, козырнув, вышел из веранды, напомнив:

— Если все-таки что-то узнаете — сообщите нам!

Участковый ушел, а Бунтов подсел к Валентине, спросил, имея в виду Авдотыху:

— Чего у нее случилось-то?

— Да как же... Она все утро по слободе бегает, рассказывает, как ночью двое в масках пришли в дом и, приставив нож к горлу, забрали все деньги! Вот страсть-то! Небось, Пичугин с дружкой позарился!

— Да он вроде бы уехал в Москву.

— И ты поверил?

— Зачем же тогда Авдотыха открыла-то им?

— Ты где-то умный, а где-то не очень... Забыл, как сам бегал к ней среди ночи за самогонкой? Вот и эти так же. Мол, пришли за выпивкой, а сами вон чего удумали!

— У нее же внучка живет! Она-то чего?

— Нашел защитницу. Она всеми ночами на дискотеке пропадает...

Да, — вдруг что-то вспомнила Валентина и внимательно посмотрела на Бунтова, — а кто тебя мог ночью видеть, если ты должен был спать? Или тоже по ночам шарахаешься наравне с молодежью? Смотри, проверю — не поздоровится!

— Вот пристала-то! — плюнул Бунтов. — Совсем баба спятила, бог знает что мерещится! Когда поумнеешь-то?

— Когда человеком станешь, тогда и поумнею вместе с тобой!

— А сейчас я кто, по-твоему?

— Зверь ночной! К тому же хичный!

Валентина так и сказала, исковеркав слово “хичный”, от чего получилось не столько обидно, сколько смешно. И Бунтов рассмеялся:

— Сама ты “хичная”! Пойдем в дом, есть хочу!

— Зубы-то не заговаривай! — не приняла Валентина тон мужа и внимательно посмотрела на него; от ее взгляда Бунтову сделалось не по себе.

Поэтому долго за едой не просидел. Чуток поковырялся в сковородке с яичницей и, чувствуя, как засыпает, поскорее отправился в сарай и рухнул на топчан, сразу забыв обо всем на свете. Он бы, наверное, проспал весь день, но после полудня пришла Валентина и позвала обедать. Андрей, кое-как протерев заспанные глаза, сел на топчане и зло спросил:

— Ну, чего тебе? Чего ты ко мне все время лезешь и лезешь, спать не даешь? Гестаповка!

— О тебе же забочусь, чтобы голодным не был!

Пообедав, Андрей собрался вновь полежать в сарае, но жена не пустила.

— Тебе подстригаться пора! — напомнила она таким тоном, что Бунтову отказаться никак было нельзя.

Разделся он по пояс, накрыл плечи какой-то тряпицей и покорно сел в тени палисадника. А как присел, то и Валентина тут как тут, начала ножницами щелкать!

— У тебя и ножницы хичные! — усмехнулся Бунтов, вспомнив забавное слово жены. — Все в хозяйку!

— Давай без комментариев. Сиди и помалкивай.

Бунтов думал, что Валентина, как обычно, будет час с ним возиться, а тут чуть ли не за пять минут остригла, даже сомнение взяло. Поэтому, когда она закончила, то заглянул в доме в зеркало, повертел головой и ужаснулся! Да и было от чего: Валентина так в этот раз остригла, как не стригла никогда: лесенкой, клоками — хуже, чем паршивую овцу! Он сразу на улицу. Она же сидит на лавочке, подсолнушки поплеывает и хоть бы ей что.

— Ты что же это натворила-то?! Специально, что ли, сделала? Как мне теперь на людях показаться? А вдруг олигарх придет?

Валентина в ответ рассмеялась, а он вернулся в дом, схватил первую попавшуюся рубашку и отправился к Коляне, а как пришел, то попросил:

— Выручай! — и показал на лесенки от уха до уха.

Фролов сперва ничего не понял, а потом принялся хохотать — еле-еле Бунтов остановил его. Да и то, когда хотел уйти.

— Кто это тебя так? — спросил Коляня, едва сдерживая смех. — За что?

— У моей жены спроси! Ну, так подстрижешь или нет?

— Вообще-то я не цирюльник, но подравнять немного смогу. Пойдем во двор.

Вернувшись, Бунтов от нехватки настроения забился в сарай, потому что не хотелось ни говорить с Валентиной, ни видеть ее, хотя обиды большой не имелось. Больше удивление брало от ее пронизательности, от умения по каким-то ничтожным подозрениям придумать историю о том, что он, ее муж, если уж не гуляет, то к кому-то испытывает явную симпатию.

Пораньше уснув, он и встал рано и настроение хоть куда — со вчерашним не сравнить. Быстро собрался и отправился на покос. И опять обнаружил прятяную копешку и несколько окурков около нее вместо вчерашнего платочка. “Скоро я с вас налог буду брать!” — подумал Бунтов и рассмеялся, позавидовал тем, кто повадился сюда ночью, и на миг представил себя с Розой! Вот было бы здорово побывать здесь с ней, поглядеть на звезды, помечтать о чем-нибудь хорошем и встретить рассвет, послушать стук перепелов, журчание жаворонков в высоком небе.

То ли оттого, что выспался, то ли от этого романтического настроения, но в это утро Бунтов косил дольше обычного и добил-таки делянку, сделал то, что хотел. Поэтому и возвращался в слободу с настроением удачливого охотника, лишь вместо зримой добычи нес в себе доброе настроение, от которого хотелось летать. Правда, дома Валентина опять ошарашила:

— Купцова сегодня ночью ограбили! Руку ножом порезали, когда он костью отбивался!

— На инвалида замахнулись! Вот твари! Милиция-то хоть знает?

— Опять Мустафа по порядкам носится, да что толку. Все, конечно, Пичугина подозревают, а мать его клянется-божится, что он в Москву уехал на заработки. Вот и думай, кто это мог у нас сделать.

— Какие-нибудь залетные... — сказал без всякого сомнения в голосе Андрей. — Петух для отвода глаз уехал, а прежде своих дружков навел. Вот увидишь, как немного шумиха сойдет, так и он появится. Как пить дать!

— И чего же ты молчишь-то? Сказал бы об этом Мустафе!

— Спешу и падаю докладывать... Ему сообщишь, а он, быть может, с ними в створе. На другую ночь и подожгут. Не успеешь из огня выскочить!

— Страсть-то какая... С сегодняшнего дня спать в дом переходи, а то нас с Данилкой прищучат, и крикнуть не успеем.

— На вас не замахнутся — кишка тонка. Так что не переживай! — постарался успокоить Бунтов жену, от слов которой сразу екнуло сердце, словно он уже лишился возможности бывать у Розы.

В сомнениях прошло несколько дней. За это время Бунтов с Валентиной перевезли высушенное сено из Долгой лощины, забив сарай под завязку, а остаток сложили копной за двором. А через неделю Бунтов подговорил Коляню ехать на рынок.

— Дело верное — поверь мне! — убеждал Бунтов приятеля, предварительно побывав в Электрике и все разузнав там. — Три мешка на твоём мотоцикле до рынка дотянем? Дотянем! А это полтора центнера. Вот и считай,

сколько они стоят? Почти четыре тысячи на двоих! Люди за такие деньги месяц вкалывают, а мы за одно утро заработаем!

— Как все у тебя легко и просто! — продолжал сомневаться Коляня.

— Значит, согласен? По тебе вижу — согласен! Тогда держи краба! — подал Бунтов руку хозяину. — В пятницу вечером ко мне подтягивайся, да сразу на мотоцикле.

Уходя от Фролова, Бунтов вдруг почувствовал, что устал убеждать его, словно это ему одному надо. “А ведь, коснись, деньги-то пополам будет делить, да еще и за бензин вычтет, поросенок!” — злился Андрей, но сколько бы он ни злился, а на душе все равно сделалось радостно, и с этим радостным чувством он возвращался с домой. Даже не огорчила встреча с Пичугиным, торопливо шагавшим с легкой сумочкой вдоль порядка. Поравнявшись, остановились, поздоровались.

— Откуда путь держишь? — спросил Бунтов, желая убедиться, что тот действительно ездил в Москву.

— В столице неделю пожил, а толку никакого... На стройке работал, арматуру вязал на нулевом цикле.

— Чего-нибудь заработал?

— Дождешься от москвичей... Послушал я работяг, которым по два-три месяца не платят, забрал у бугра паспорт, сдал спальное место в вагончике и адью! Буду в Электрике устраиваться, на станцию проситься! Говорят, в охране места есть! — Внимательно и, как показалось Бунтову, подозрительно посмотрев в глаза, Пичугин спросил: — Какие новости в слободе?

— Ох, малый! Лучше и не спрашивай! Пока тебя не было, двоих ограбили, а Петрович в больницу с инсультом угодил. Парализовало мужика!

— Ну, это еще при мне... А грабителей-то не нашли? Или опять наш Мустафа только за пропавшими курами гоняется?

— Поди, найди их! Говорят, чи-то залетные были!

— Совсем шпана распоясалась, — притворно вздохнул Пичугин.

— Обнаглели вконец! — согласился Бунтов и поспешил расстаться с Пичугиным, потому что перед глазами стояла последняя встреча с ним в саду у Розы, едва не закончившаяся дракой.

Разговор с Бунтовым прибавил настроения Семену Пичугину, хотя он прекрасно знал, что произошло в слободе, когда получил от дружков по мобильнику условные слова “сенокос закончился” — сообщавшие о выполнении дела, на которое он сам и подбил их, и все организовал, чтобы хотя бы на воле заставить друганов подзабыть свое тюремное прошлое. И более они разговоров на эту тему не вели, потому что знали: коснись серьезная разборка, все их разговоры милиция представит в распечатанном виде в качестве доказательства их сговора. А так только можно мучиться догадками да подозревать. И подозревать, конечно же, его, Пичугина! Потому что более в слободе некого. Ведь о нем еще с весны начали ходить слухи, когда вернулся из заключения, что, мол, чужое белье с веревок снимает, что половину кур переловил у соседей — в общем, если что случалось в слободе плохое, сразу вспоминали о Петухе. “Думайте, что хотите, и сам я буду делать, что хочу!” — решил Семен, когда подошел к дому.

Мать, конечно, сразу кинулась с расспросами, но ему было не до нее. Ничего не стал объяснять, лишь попросил:

— Хавчик есть?

Не по годам подвижная Вера Степановна, привыкшая к его блатным словам и кое-какие из них понимавшая, сразу засуетилась:

— Сейчас яичницу поджарю... Я ведь не ждала тебя.

— Не парься, мать! Яичница так яичница... Только пошустрей, а то надо в Электрик ехать, сейчас Бунтов сказал, что там места в охране имеются!

Будь его воля, Семен и от материнской еды отказался бы, вовсе бы домой не заходил, а из Москвы сразу отправился бы к дружку, бывшему в курсе всего, что произошло в Казачьей Засеке, но в деле не участвовавшему; лишь однажды Петух показал ему жилища Авдотьихи и Купцова. Для дела

другие пацаны нашлись. К ним и рвался теперь Пичугин, чтобы получить свою долю и погулять от души.

В тот же день с корешом Антоном Седым Пичугин сначала добрался с каким-то дальнобойщиком до города Кораблино, а потом, сменив машину, спокойно прибыли в другой город — Хупту, где их ждал корефан, у которого можно было перекантоваться и погулять. И оторвались они от души: вечером привезли с вокзала двух девах и гуляли с ними всю ночь. Под утро их выгнали, а сами спали до обеда. Проснувшись, опохмелились, поделили деньги и другим путем, чтобы не привлекать внимания, теперь уж через Скопин, вернулись в Электрик, где разбежались, кто куда, и затаились.

На другой день после своего вторичного возвращения в слободу, Пичугин вновь поехал в Электрик, так как была суббота, и он в эти дни пристрастился с Седым собирать “дань”, как они называли свое немного устаревшее ремесло, о котором в больших городах и на больших рынках давно забыли. Правда, прессовали не сильно, с понятием, чтобы не настраивать против себя. В основном брали по сотне. С тех, кто торговал мясом, по три-четыре, а бабусек так и вовсе обходили стороной. Ну, если только когда малосольных огурчиков зацепят на закуску. Антона на рынке все знали, постоянные торговцы говорили с ним как со старым знакомым, чуть ли не с братом родным. А два-три месяца назад и Пичугин примелькался. В иные дни, когда Антон находился в сильном похмелье, Пичугин собирал деньги самостоятельно. В будний день выручал поменьше, в выходные — посOLIDнее и, конечно, не в один карман. Все знали о порядке на рынке, даже милиция, но все на это смотрели и будто не замечали. Ведь ребята не только собирают, но и за порядком следят. И действительно, никогда при них никаких ссор, ругани, не говоря уж о драках. Если вдруг кто-то с кем-то повздорит из-за места или еще из-за чего-то, то крепкий Антон сразу тут как тут: кого припугнет, кому под яблочко двинет, а кого и вовсе выкинет с рынка. Иди тогда и жалуйся администрации, доказывай свою правоту! Себе же дорожке будет. Один такой привез в прошлом году продавать телятину, да подешевле других пустил. Народ сразу в очередь. Продавца того предупредили, а тот ни в какую: мол, мясо мое, за место я заплатил, по какой цене хочу, по такой и продаю, и отстаньте от меня! От него отстали, а не прошло и десяти минут, как появился шустрый пацан в натянутой на глаза бейсболке, плескнул из пузырька на мясо и — ходу, затерялся среди покупателей. Хватился мужик, а телятину бензином облили. И попробуй, догони малолетнего негодяя. Мужик тот даже в милицию заявлять не стал. Сразу все понял. Мясо в багажник и бежать с рынка. Только и видели его. Так что все это Пичугин знал и радовался, что сумел зацепиться на рынке, ведь до серьезных дел и к серьезным людям его не допускали, зная его поганое тюремное прошлое, из-за которого он носил позорное прозвище. Но это среди своих, а для всех остальных он — Семен. Он, хотя и плюгав, и вида почти в нем никакого, зато рядом молодой, крепкий Антон. Попробуй откажи такому!

В эту субботу все так и было, как всегда. Идут Антон и Пичугин по рядам, и вдруг Пичугин видит знакомую физиономию Бунтова!

— Ба, какие люди! — расплылся Петух в улыбке, увидев Андрея за прилавком, а рядом с ним Колянню, скупавшего на мотоциклетной люльке, и тому кивнул.

Увидев Пичугина, Бунтов на какое-то время растерялся, совсем не ожидая, что увидит знакомое лицо, да еще какое. Ведь, копая вчера с Коляней картошку и сегодня собираясь на рынок, он и предположить не мог, что встретит здесь Пичугина. А он, оказывается, вон чем промышляет, народ обирает!

— Земляки мы, — немного придя в себя, отозвался Андрей, посмотрев на Седого, и вспомнил о сотне, которую заранее приготовил по совету соседей по прилавку.

— Картошкой решил поторговать? — начал допытываться Пичугин. — У тебя ее много, это верно, чуть ли не все поле за слободой занял. Скоро озолотишься! По какой цене торгуешь-то?

— Как и все, — указал Бунтов на ценник. — Двадцатка за килограмм!

— Это молодец, что как все, выделяться нехорошо... Ну, ладно, поговорили и хватит... Приготовил?

— Чего? — Бунтов сделал вид, что не понял, о чем речь, хотя догадался, что Петух спрашивает о причитающейся сотне. — А, это-то? Еще не наторговал...

— Я ведь дважды не подхожу, учти... Когда наторгуешь — сам принеешь, только умножь на два. Понял?

— Чего это он? — удивился Седой и хотел уж было подступить к Бунтову, но Петух остановил кореша:

— Погоди... У нас с ним свои разборки!

Бунтов промолчал, заскрипел зубами и сделал вид, что более не замечает Пичугина и его друга, которому, не будь Петуха, он отдал бы сотню, будь она неладна, а этой сволоте Пичугину — ни за что! Когда они отделились, Коляня тихо спросил:

— Чего связываешься-то? Отдай, и пусть подавятся!

— Обойдутся! Пяток лет будет тяжело, а потом привыкнут!

Коляня пожал плечами, а к Бунтову прицепилось такое поганое настроение, что хоть возвращайся домой. Но это только в первые минуты, а как вспомнил, сколько у него картошки растет за слободой, то подумал о Пичугине: “Обойдешься, козел смрадной!” Андрей продолжил стоять за прилавком с таким видом, что будто ничего не случилось, хотя соседи и заметили его словесную перепалку и теперь дожидались развития событий с явным интересом. А Бунтову безразлично их бабье любопытство, наплевать ему на него. Он свое дело знает: торгует себе и торгует, и неплохо это получается, потому что картошка у него ровная, чистая — одна из лучших во всем ряду. Поэтому Андрей и продал ее быстро, и, продав, начал собираться, не зная, что из будки охранников за ним наблюдает Пичугин, который, увидев сборы Бунтова, не выдержал и отправился к нему, чтобы поговорить. Тем более что в этот момент приятель его отошел.

Андрей не заметил момента, когда появился Петух, только почувствовал на плече его руку. Оглянувшись, а тот дышит перегаром и в упор смотрит кошачьими глазами:

— Отойдем, поговорить надо!

Бунтов молча пошел за Пичугиным и на всякий случай нащупал в кармане нож. Когда за контейнерами Петух остановился, Бунтов заметил, что он держит правую руку в кармане. “За рукой надо следить, нельзя прозевать, если дело далеко пойдет!” — приказал себе Бунтов и с вызовом спросил у Пичугина:

— Ну, и чего?

— Не уважаешь пацанов! Мы с тобой по-хорошему, а тебе напоминать надо, что ты не один живешь: и жена у тебя есть, и внучок бегаёт! Смотри, как бы с ними чего не случилось, а над домом красная птица не заплясала!

— Это тебя не касается, кто у меня бегаёт! А за внука да жену я тебе голову оторву! — Бунтов замахнулся, хотел припечатать Пичугина к контейнеру, но тот увернулся, левой рукой отбил наскок Бунтова и почти одновременно выдернул из кармана правую... Бунтов сразу даже и не понял, что у Пичугина в руке нож, и на мгновение замер, а когда увидел движение лезвия, то невольно дернулся, уклонился, но до конца не успел и почувствовал резкую боль в левом боку, словно напоролся на гвоздь, и схватился за бок, будто хотел выдернуть мешавший предмет.

— Это тебе, сука, на память! — сквозь зубы плюнул Пичугин и, не торопясь, брезгливо вытер о собственные брюки нож, сложил его.

Бунтов попытался что-то сказать в ответ, но не мог вздохнуть и осел, прислонившись к контейнеру. Хотел позвать Коляню, но не хватило воздуха произнести хоть словечко, а перед глазами поплыли розовые круги...

Коляня нашел Бунтова минут через десять, когда вернулся из промтоварного магазина и, не обнаружив приятеля около мотоцикла, подождав, отправился на поиски. Вернее, даже не отправился, а заглянул за ближайший контейнер. Бунтов к этому времени пришел в себя и сидел на голой земле

среди мусора, даже не пытаясь кого-то звать, а лишь зажимал окровавленной рукой бок, словно держал что-то важное, что боялся потерять.

— Кто тебя так! — спросил, подскочив к Бунтову, перепуганный Коляня и упал на колени, пытаясь осмотреть рану и поднять приятеля.

— Не знаю, кто-то залетный... — не открылся Бунтов. — Попроси у кого-нибудь аптечку!

— Какая аптечка! Тебя в больницу срочно надо везти! Подожди здесь! — Фролов кинулся за контейнер, но вернулся, стянул с себя рубашку, приложил к распоротому боку Андрея: — Держи!

Сам же выскочил за контейнер, крикнул:

— Мужики, народ, на помощь!

Кто-то бросился сразу, кто-то шел не спеша, словно из любопытства. Когда несколько человек сгрудились около Бунтова, не зная, что делать, кто-то догадался позвонить в “скорую”. Хотя и мал Электрик, но “скорая помощь” не ехала и не ехала, и Коляня, наблюдая, как у Бунтова от боли и страдания ходят желваки по побелевшим щекам, предложил:

— Надо самим везти! У кого машина?

Окровавленного Андрея, конечно же, никто в собственную машину укладывать не пожелал, и тогда Коляня попросил:

— Помогите донести, на мотоцикле повезу, раз такое дело!

— Погоди, — кто-то остановил его, — “скорая” идет.

Врач “скорой” отогнала собравшихся, сделала Бунтову два укола, и когда его положили на носилки, то он так и лежал крючком, словно удерживал внутренности распоротого живота. Коляня увязался за приятелем в машину, но тот отрывисто сказал:

— Домой езжай! — и слабо махнул рукой.

Пока грузили раненого, появился милиционер, начал опрашивать возможных свидетелей, но никто, как оказалось, ничего не видел и не слышал: все сразу превратилось в слепых и немых.

В больнице Бунтова тотчас отправили в операционную, и при операции выяснилось, что рассечены бок и брюшина, но внутренние органы, к счастью и на удивление, оказались не задетыми. Розовощекий врач, делавший операцию, даже пошутил:

— Как мешок распорол! При таком ранении студентам можно анатомию изучать!

Правда, веселых слов врача Бунтов не слышал, так как находился под наркозом. Очнулся он в палате. И первое, что увидел, это, как показалось, безбрежный белый потолок, от вида которого закружилась голова, когда Андрей попытался опустить взгляд и рассмотреть в палате все остальное: светильники по стенам, кровать, людей; некоторые из них пытались говорить с ним, но Бунтов, плохо разбирая вопросы, отвечал первое время невпопад. Все вопросы сводились к одному: “Кто же тебя так, милоч?! За что?”

Не зная, что отвечать, Бунтов твердил одно:

— Шпана наскочила... С кем-то перепутала!

То же самое он сказал немного погодя пришедшему человеку, представившемуся следователем, с его слов записавшему обстоятельства нападения и внешность нападавшего. И Бунтов наврал, сказав, что нападавший был плотный, щекастый и молодой совсем, лет, быть может, двадцати. В общем, Бунтов специально путал следователя, продолжая скрывать имя нападавшего, потому что знал: расскажи он о Петухе, и того сразу заграбастают, посадят в предварилку, и тогда прощай мысль о мести. А Бунтову очень хотелось отомстить, очень хотелось всадить нож по самую рукоятку Петуху под дых. И не пугала перспектива оказаться за решеткой, долгий тюремный срок. Правда, было бы стыдно перед Валентиной, детьми, внуками. Но что он мог с собой поделывать, если в нем копилась и копилась сладкая страсть мести. Особенно она захлестывала, когда Бунтов представлял, как теперь, избавившись от него, пусть и на время, Петух начнет увиваться вокруг Розы... Думая о Розе, Бунтов довел себя до невозможного состояния, когда казалось, что он никогда никого не любил на свете сильнее ее. И, страдая по ней, Бунтов почему-то ни разу не подумал о Валентине, а вспомнил о ней только тог-

да, когда она, раскрасневшаяся и испуганная, оказалась в палате и взяла его руку в свои руки:

— Что, мой дорогой, случилось? Кто тебя так?

— Ничего особенного. Откуда узнала-то?

— Фролов рассказал... Приехал из Электрика без колес, и сразу ко мне, а я чуть в обморок не упала, когда услышала, что ты в больнице с ранением!

— Пустяки — на сучок напоролся... А как это Коляня “без колес” вернулся?

— Ну, на колесах, конечно, только на спущенных... Пока он с тобой занимался, на его мотоцикле все шины порезали! Не веришь, что ли? — спросила Валентина.

— Охотно верю, — не оставив места сомнениям, кивнул Бунтов и неожиданно для себя рассмеялся в душе, представив, как Коляня улепетывал из Электрика.

Фролов лишь мог догадываться, что нападение на товарища — дело рук Петуха, но Бунтов почему-то ничего не сказал, если это было действительно так, а все свалил на мифическую шпану. Откуда было знать Коляне Фролову, пугливому и осторожному мужику, что в такой момент, в какой сошлись за контейнером Бунтов с Пичугиным, выбирать не приходилось. Это как на войне: или ты, или тебя!

Пичугин же после этого случая ни о чем не сожалел — что произошло, то произошло! — зная, что недолго ему оставалось быть на свободе. Пырнув Бунтова, Петух отправился к охранникам в будку, допил бутылку с Седым, которому рассказал о Бунтове, и напомнил:

— Ты ничего не видел и не слышал, а я сваливаю! Поеду домой, попою напоследок.

— Совсем, что ли, ку-ку? — озадачился Антон, сразу протрезвевший от слов Пичугина. — Езжай в Хупту и там отсидись.

— Сделаю так, как хочу! Хватит трекать! — твердо сказал Пичугин и грохнул кулаком по дощатому замызганному столу. — Я пошел!

Уходил он, не таясь. На улице остановил машину и, не жалея денег, по пути в слободу накупил водки и еды. Пока ехал, мечтал о том часе, когда увидит соседку Розу и поговорит с ней.

На второй день пребывания Андрея Бунтова в больнице к нему приехал сын. Он, конечно же, все знал о случае с отцом от матери и, появившись в палате, в которой старший Бунтов успел обжиться и перезнакомиться с забинтованными мужиками, ставшими его невольными товарищами, сразу спросил:

— Как дела, отец? А то мама перепугала, я уж и не знал, что делать?

— Как видишь... Трепыхаюсь еще!

— Серьезно зацепили-то?

— Пустяки... Хирург сказал, что мне повезло — органы не задеть!

— Хорошо, отец, везенье! Кто же тебе хотел кишки выпустить, и за что?

На это не каждый решится ни с того ни с сего!

Бунтов от вопроса сына даже улыбнулся:

— Это как в анекдоте... Мужика на суде спрашивают, за что он бьет жену? А он отвечает: “Знал бы за что, так и вовсе убил!”

После этого, заметив, что на них соседи не обращают внимания, Бунтов тихо сказал:

— Пичугин малый прицепился... Денег просил... Но ты не связывайся, выйду отсюда — сам с ним разберусь!

— Да уж ладно, разбиральщик! — ухмыльнулся Геннадий и сразу нахмурился.

— Ты вот что, — напомнил о себе старший Бунтов. — Скажи матери, чтобы она за Данилкой повнимательней присматривала, а еще лучше будет, если отправит его в Рязань, а то этот гаденьш как бы чего с ним не сделал! Пугал: мол, дом пожару и с Данилкой разделаюсь!

— Значит, на детей замахивается... Ну, это мы еще посмотрим... Ладно, отец, хватит об этом, а то ты уж разволновался — потный лежишь. Вы-

здоровливый скорее, да о работе надо не забывать. А то всех сбаламутил, а сам на койке валяешься... Федор Герасимович частенько спрашивает, как у вас идут дела, каков урожай ожидается?

— Что урожай... Скажи олигарху, что осталось убрать картошку да где-то продать. Мы с Колянней попробовали, и вот чем это обернулось.

— А потому что с нами не посоветовался, по-своему решил делать. Ладно, насчет урожая не беспокойся. Как выберете картошку, дашь команду. Два-три трейлера пригоним, все разом возьмем, а дальше не твоя забота! Вам теперь о другом надо думать: как только урожай соберете, надо будет зябь поднимать, к следующему году землю готовить. А земли-то немало — более тысячи гектаров!

— Чем ее поднимать-то? На моей “Беларуси” разве одолеешь такую махину?

— Технику вам уже заказали и проплатили заказ, в начале сентября поступит. Так что, отец, не залеживайся здесь, а то врачи залечат. Они, знаешь, какие? За ними глаз да глаз нужен!

— Это уж точно! — попытался Андрей сменить положение и сморщился.

— Помочь? — спросил сын.

— Ладно уж, сам потихоньку.

Геннадий ушел поговорить с врачом, а Бунтов остался в размышлениях, и уж ругал себя, что ляпнул сыну про Пичугина. Но даже это минутное волнение быстро оставило Бунтова, когда он вспомнил слова сына о том, что вскоре получит новую технику. Вот радость-то! И вдвойне оттого, что Герасимович держит слово. Вот это настоящий мужик! Пообещал — выполнил! Сказал — сделал! И от этих мыслей Бунтов представил, как они с Колянней вскоре выйдут в поле на новых тракторах, как будут врубаться в рыжий бурьян, как будут подминать россыпь берез, успешных нахально разрастись за последние годы вдоль посадки, как будут жировать на черной пашне грачи перед отлетом... Такая приятная картина открылась Бунтову, что он от радостного предвкушения закрыл глаза, представляя все будто наяву, а пришел в себя от легкого прикосновения к плечу. Глаза открыл — Роза рядом улыбается! Бунтова как жаром осыпало! Все же спросил, не сумев скрыть испуга:

— Привет, откуда свалилась?!

— Узнала о твоей беде и приехала вот, фруктов привезла. Не ругайся!

— Я разве ругаюсь... Только у меня сейчас сын в гостях — к врачу пошел... Вернется, чего ему скажу-то? Понимаешь ситуацию?

— Не сердись... Я на минутку. Мне и этого достаточно — одним взглядом взглянуть!

— Чего на меня глядеть? Вот выпишусь скоро — сам загляну! Договорились? — словно у непонятливой школьницы спросил Бунтов.

— Договорились...

— Ну, тогда ступай, а то сын вот-вот вернется.

Роза вздохнула, обиженно поджала губы. Она положила в тумбочку пакет с фруктами, несколько пачек сигарет и, коснувшись его руки, быстро вышла из палаты. Как только вышла, сосед с забинтованным лицом, по пьяному делу свалившийся с мотоцикла и сломавший челюсть, за что получил прозвище “Шумахер”, приметив необычную посетительницу, прошамкал:

— Кто это, Николаич?

— Племянница... — вроде бы равнодушно отмахнулся Бунтов, радуясь в душе, что Роза не стала разводить канитель и быстренько убралась.

— Хороша племянница... А вообще-то ты, Николаич, молодец. Уважаю!

— Много говоришь... При сыне ничего не болтай! — попросил Бунтов и по-своему моргнул любопытному соседу, и сделал это вовремя, так как почти сразу вернулся Геннадий и, как показалось, подозрительно посмотрел на отца.

— Все, бать, обо всем договорился! Выздоровливый и ни о чем не думай, — обнадежил он. — У тебя сейчас эти две задачи самые главные.

— У меня, дорогой мой, сейчас все главное, а еще главней дела ждут впереди. Так и передай Герасимовичу, чтобы на меня надеялся да и на Колянню тоже, потому что пока надеяться не на кого. — Сказав это, Бунтов

вдруг почувствовал, что неимоверно устал, откинул на подушку потную голову и закрыл глаза, спросил:

— Домой-то заедешь?

— Обязательно...

— Матери привет передай. Скажи, чтобы завтра не приезжала — нечего мотаться!

— Сказать-то, конечно, скажу, но только она все равно сделает по-своему. Ладно, пап, поеду, пожалуй... Через недельку еще прискачу! — Они расцеловались, и Геннадий тихо вышел из палаты.

После ухода сына Бунтов сразу же заснул, спал до утра и проснулся с другим настроением: есть захотел! Не дожидаясь завтрака, он, аккуратно повернувшись, пошарил в тумбочке, нашел пакет пряников, и оказались они в этот момент необыкновенно душистыми. Смолотив три или четыре, захотел яблок, а потом и банан съел. Так что, когда принесли завтрак, от каши отказался, а чаю попил с удовольствием, два стакана выдул.

Все дни, пока он отлеживался в больнице, к нему приезжала Валентина. Дня через три после операции Бунтов начал выходить в больничный двор, чтобы можно спокойно поговорить с женой, пошутить с Данилкой, которому каждый раз что-нибудь дарил. И дарил не потому, что хотел заручиться вниманием внука, а потому, что вдруг понял, что до больницы он почти не уделял внимания ему, словно в их доме все жили сами по себе, и никто ни о ком не заботился.

Дело шло к выписке, но неожиданно рана у Бунтова загноилась. Валентина, конечно, огорчилась, узнав про осложнение, но сделать ничего не могла. Когда же намекнула, что, мол, надо бы поговорить с врачом, Бунтов пригрозил:

— Только попробуй! Если уж такая заботливая, то подумала бы о том, кто нам картошку будет выбирать? Ведь осталась неделя-другая, и можно будет копать!

— Вручную, что ли?

— Зачем... В Перловке картофелекопалку возьму. А вам надо будет ботву скосить... Но это ладно, об этом я сам Коляне скажу. Так что твоя забота сагитировать баб и потом быстренько убрать урожай. А как уберем, то олигарх фуры пришлет.

Фролов приехал на следующий день. Это была его вторая поездка к товарищу, и приехал он на мотоцикле, хотя в первый приезд прибыл в Электрик на автобусе, не успев купить шины к мотоциклу. Теперь же он гордо въехал в больничный двор и остановился почти под окнами бунтовской палаты. Услышав треск мотоцикла, Бунтов вышел во двор.

— Какие новости? — спросил Бунтов и внимательно посмотрел на Фролова, словно тот в этот момент мог что-то скрыть.

И Коляня, действительно, замялся, заерзал на скамейке.

— Не хотел, но если уж допытываешься... Петрович вчера копыта отбросил. Недели не прошло, как из больницы привезли. Да врачи и не обещали ничего хорошего.

— Жалко мужика, — не сразу сказал Бунтов, словно настроил себя на какую-то иную, более важную новость. — А я ведь собирался навестить его, когда оказался здесь. Ведь он лежал в соседнем отделении.

— Ладно, не тужи.

— Теперь тужи не тужи, а с того света мужика не вернешь, земля ему пухом.

Они еще немного поговорили, и Бунтову расхотелось болтать с Фроловым, потому что не услышал от него главного, хоть что-нибудь о Пичугине: чем этот гаденыш занимается, как ведет себя и чует ли скорую расплату?!

Нет, не услышал, а очень хотел.

Вторую неделю Семен Пичугин не понимал, что происходит, потому все выходило не так, как он представлял себе после стычки с Бунтовым, который, как казалось, расскажет о нападении первому же следователю. Поэтому ареста Семен ожидал в тот же вечер, даже в первый час после возвраще-

ния из Электрика. Но Бунтов оказался настоящим мужиком, не сдал его, и теперь ждет выздоровления, чтобы отомстить. Он хотя и считался в слободе рьяным мужиком, не трусливым, но он уж старик почти. Так что прямой стычки Петух не боялся. “Главное, чтобы не попасться ему на перо!” — сам себя предостерегал он и заставлял проникнуться этой настораживающей мыслью, всегда иметь ее наготове для применения.

Чем больше он пил, тем мать сильнее наседала с просьбами, даже мольбой, стараясь хоть как-то оградить сына от выпивок.

— Сения, — как-то сказала Семену Вера Степановна, исхудавшая и почерневшая лицом за последние дни, почему-то начавшая ходить в черных одеждах и чуть чего сразу начинавшая разводить мокроту в глазах, — ну что ты привязался к этой лихоманке?! Ее ведь сколько ни пей, все одно не выпьешь. Ведь сколько мужиков из-за нее головы сложили. Крутлов же на твоих глазах помер.

— Старый он был, вот и помер! Все там будем!

— Ты не торопи ее, она сама придет, никого не обойдет, но все равно спешить с этим не надо. Ведь тебе уж скоро сорок лет, а ты не женатый, и не был никогда. Уйдут молодые годочки,хватишься, да уж поздно будет, потому что в старости человек никому не нужен. Вон наша соседка Роза! Уж на что подходящая: скромная, тихая — с такой бы жить и жить! А тебя каждый день в Электрик влечет, как сумасшедший несешься туда!

— Там у меня друзья!

— Такие же, наверное, выпивохи. Друзей надо рядом с домом иметь, чтобы всегда в чем-то помогли, подсказали. Вот, к примеру сказать, Николай Фролов! Прежде-то тоже частенько в рюмку заглядывал, а теперь остепенился. Живет мужик и радуется, а тот ведь совсем пропащий был. Или еще одного взять — Бунтова Андрея. Тоже пошел мужик на исправление.

— Ма, ну что ты пристала?! Сама же говоришь, что мне сорок почти! Своя голова на плечах имеется! Другой бы от наркоты давно подох, а я как огурчик у тебя!

— Не пристала, а дело говорю, — продолжала слезливо вытираться Вера Степановна. — Я бы на твоём месте привела себя в порядок, чтобы человеком выглядеть, и заглянула бы к соседке, поговорила о чем-нито, глядишь, что-нибудь да получилось дельное. Ведь невозможно всю жизнь обходиться без жены. Не по-людски это.

— А я, по-твоему, уже и не человек? Макака, что ли, какая? — с нескрываемой обидой спросил Семен у матери, словно все знавшей о его тюремном прошлом.

— Человек, еще какой человек! Для меня так самый любимый на свете! Поэтому и переживаю, хочу, чтобы у тебя все было как у людей.

Такой разговор начал повторяться, и Пичугин старался не попадаться на глаза матери. Он теперь целыми днями лежал в углу веранды за занавеской, где у него была устроена постель, и почти не показывался оттуда. Лишь шмыгнет из дома, чтобы мать не видела, возьмет в ларьке бутылку и опять залегает, продолжает пить и плакать. И чем больше он пил, тем сильнее ему хотелось лить слезы от той невозможной обиды на жизнь, от которой, казалось, уж и сил не оставалось дышать.

Однажды, когда в очередной раз, небритый и неухоженный, отправился на площадь к ларьку, то чуть ли ни нос к носу столкнулся с Розой, шедшей вдоль порядка. Увидев его, она метнулась на противоположную сторону улицы, а ее поспешность и путливость до невозможности обидела, почти оскорбила, потому что он и не собирался приставать к ней, даже, наверное, ничего не сказал бы плохого и обидного, а только поздоровался бы, да и то молчком, — кивнул бы и дальше пошел! Но нет, Роза проскочила, даже не стрельнув раскосыми глазами. Когда они разминулись, Пичугин остановился и оглянулся, решив проверить, оглянется или нет? Нет — шла и шла вдоль порядка, и хоть бы что ей. “Вот зараза! Погоди, доберусь до тебя! Знаю, что на дальнем порядке скрываешься!” — подумал Пичугин и плонул ей вслед, выругался.

Вернувшись из ларька, он вдруг понял, что ему тяжелей тяжкого находиться под домашним арестом и ждать у моря погоды. В нем проснулась сме-

лость, загнанная в глубь души, захотелось к людям, захотелось увидеть Седого, потому что надоело пить одному.

Пичугин все-таки выпил, чтобы не дрожали руки, побрился и попросил у матери любимую рубашку с пальмами. Но когда она принесла ее, он отказался, вспомнив разговор про обезьян, нетерпеливо попросил:

— Давай белую, в ней не так жарко!

Август установился действительно жарким, таким, что будто осень забыла о своих ближайших планах и теперь где-то пряталась за долами и лесами, не спеша в их местность. Пичугин, правда, почти сразу же рубашку перепачкал, когда запрыгивал в автобус, но это его не смутило и не расстроило; на такую мелочь он и внимания-то почти не обратил. В мыслях он был уже с приятелем, представляя, как тот сейчас удивится, потому что все последние дни он даже не перезванивался с ним по мобильнику. Поэтому встреча с Седым была нестерпимо жаркой, под стать погоде, такой, что сразу пришлось организовать выпивку. Сперва Седой не лез с расспросами, а когда появилась бутылка и они уселись в вагончике, раскрыв для вентиляции дверь, спросил первым:

— Какие новости?

— Пока все тихо, а что будет завтра — одному верхнему дяденьке известно! — не особенно уверенно ответил Пичугин и указал пальцем в потолок. — Хотя такая тишина не радует. Как пить дать, Бунтов что-то затевает. Другой бы на его месте так и носился бы к ментам, а этот выжидает чего-то, пада, задумал!

— Сгоряча все храбрые, — ухмыльнулся Седой и поковырял спичкой под золотой коронкой. — Наливай!

Дружбаны пили долго, размеренно, а когда уж совсем распарились, отправились купаться на водохранилище. Часа, наверное, два барахтались в воде, а в перерывах приставали к старшеклассницам, пугая их тюремными наколками. В конце концов им и купаться надоело, потому что к этому времени протрезвели и души совсем пересохли.

Смачивали они их потом весь вечер, почти до ночи. Сидели в вагончике по пояс голые, уставшие и осовелые... Седой было засобирался домой, Пичугин его не пускал, приставая с новой выпивкой. И все-таки тот настоял:

— Ты как хочешь, а я валю домой. Надоело в этом собачнике.

— Тогда и я отчаливаю!

Семен и правда “отчалил” с рынка, словно неустойчивая лодка в бурную погоду, — пошатываясь и заплетая ногами. Но только с виду казался пьяным, а мысли чистые, светлые, а самая главная из них — о Розе, которая почти не выходила из головы с самого утра, с того момента, когда молодой козой скакнула от него. Договорившись с каким-то водилой, который попросил деньги вперед, он отправился в слободу. По пути отхлебывал прямо из горлышка, и от этого еще более заполняя себя решительностью, и уже наперед знал, что сегодня, совсем скоро, он найдет Розу и чпокнет ее, никуда она от него не денется, надо лишь выманить от подруги... Правда, приехал он в слободу в сумерках, и пришлось дожидаться темноты. Он уселся у чьего-то палисадника и, прежде чем отправиться на поиски, постепенно допил остатки в бутылке, чтобы не пугать ею Розу.

Он сидел долго, даже задремал, а когда поплелся по асфальту, то его догнала какая-то темная машина, в которой оказались незнакомые мужики, начавшие угощать водкой. Он стал отказываться, потому что уж не осталось сил глотать ее, а они все лили ему в глотку и лили...

— Вы кто, в натуре? Чего нужно? — отбивался он.

Но они отмалчивались и продолжали свое дело. Чтобы не поперхнуться, он через силу глотал, почти захлебываясь, и это стало последним ощущением, которое у него отложилось в сознании, перед тем как впасть в забытие.

Обнаружили Пичугина утром на выезде из слободы бабы, выгонявшие скотину. Он лежал на спине, запрокинув голову, и рот его был набит зелеными капустными листьями... Никто из баб не знал, зачем и кто это сделал, но позже, когда собрался возле Пичугина народ и приехал Мустафа, кто-то из знающих мужиков сказал:

— Деньги очень любил, вот и набили рот капустой. Навсегда наелся мужик...

Пичугина накрыли несвежей белой тряпкой, чтобы он не пугал зверским оскалом людей, которые, собравшись возле него в первые минуты, теперь расходились по домам, даже не заинтересовавшись работой следователя и криминалиста, который фотографировал, что-то записывал и замерял. Вскоре прибыла медицинская “Газель” грязно-желтого цвета без окон. Пичугина затолкали в черный полиэтиленовый мешок и, кинув в металлические носилки, похожие на корыто, задвинули корыто в глубь машины.

— Был человек, и нет его, и вся ему награда — полиэтиленовый мешок, — сказал кто-то в наступившей тишине безразлично и спокойно.

И все-таки смерть Пичугина, более походившая на гибель, всколыхнула слободу. И даже не сама смерть пусть и никчемного человека, к которому все-таки многие относились с опаской, а тот пугающий знак в виде кляпа из капусты, которым его зачем-то наградили после смерти. Словно этим знаком кто-то невидимый и могущественный напоминал, говорил всем о том, что так будет с каждым, кто посмеет сделать что-то против его воли.

И никто не знал, кто этот человек.

Пробираясь окольными путями к автобусной остановке, Роза Устинова обратила внимание на собравшихся людей почти случайно, потому что они не могли не привлекать внимания. Когда же узнала, что на этом месте час назад нашли мертвого Пичугина, то у нее все сердце оборвалось.

— Что же с ним произошло-то? — спросила Роза у раскрасневшейся Авдотыхи, неизвестно как оказавшейся на выгоне, потому что скотины у нее не имелось.

— Сама, девка, не знаю, только прибежала посмотреть, а его уж увезли... Говорят, что его свои же дружки прикончили, рот капустой набили, потому что деньги не поделили, которые отняли у меня да Купцова! Если это так, тогда и поделом ему, прости Господи!

— Какой капустой? — не поняла Роза.

— Обыкновенной, какая на бахчах растет... Это так положено у них делать, мол, для острастки, чтоб другим неповадно было!

— У кого у “них-то”? — ничего не понимала Роза.

Не стала Фирсова более объяснять, лишь отмахнулась, как от назойливой мухи или еще от какого зловредного насекомого. А Роза тоже свою гордость показала: ничего более расспрашивать не захотела, а, поправив на плече сумку, пошла на остановку, тем более что со стороны Перловки показался автобус. Пока она задумалась, вспоминая Пичугина, не увидела, как автобус обогнала синяя “Нива” директора из Перловки, и вот уж машина, прошуршав по обочине шинами, остановилась рядом, дверка распахнулась, и улыбающийся Темнов выглядывает.

— Роза, садись, подвезу!

Окрестные водители часто подвозили почталыонку, это уж так принято не только в Казачьей Засеке. Вот и Темнов возник на ее горизонте второй раз за последнее время, с того самого дня, когда она ездила в Электрик к Бунтову. Тогда, уйдя от него расстроенной и обиженной, она зашла к дочери, на счастье оказавшейся дома, но пробыла у Марии часа два, не более, и пошла на автостанцию. Когда же случайно встретила Темнова, то не отказалась от предложения попутно подъехать до слободы. Тогда это, правда, выглядело неожиданно, но вполне понятно, но то, что сегодня он оказался в Казачьей Засеке именно тогда, когда она обычно отправлялась на почту, выглядело подозрительно, почти несерьезно. Ей же было не до шуток в этот час, когда только что узнала о Пичугине, но все-таки не удержалась и, усевшись на переднем сиденье, спросила у аккуратно причесанного Темнова, от которого приятно пахло одеколоном и, как всегда, свешивался волной чуб:

— Алексей Алексеевич, вы что, преследуете меня?

Она увидела, как он ступешался, даже слегка покраснел, но постарался не выдать смущение, скрыв его в шутке:

— Кто же откажется подвезти такую красавицу?

— А жена не заревнует? Люди сегодня же расскажут! — с ухмылкой спросила и предостерегла Роза, нисколько не ощущая стеснения, словно говорила с одноклассником.

— Нет у меня, Роза, более жены. Была да испарилась! Поэтому я человек свободный! — сказал Темнов так, словно похвастался, но его слова все-таки более походили на жалобу. — Чего народ-то кучкуется?

— Пичугина убили... — серьезно и сердито ответила Роза.

Но Темнов не понял ее серьезности и хмыкнул, задиристо посмотрел на попутчицу:

— Сам, поди, виноват! Просто так не отправляют на тот свет!

— Ну, зачем вы так, Алексей... Алексеевич? Все под Богом ходим!

— Это так, конечно, — продолжал упрямяться Темнов, — но только когда уходит достойный человек, о нем и говорить хочется достойно... А от этого Пичугина какая польза? Нигде не работал, пил, кутил. А спрашивается, на что? Мать-пенсионерка, что ли, снабжала? Да у той самой денег — кот наплакал. Так что, Роза, и не жалея ты этого Пичугина! Он людей в Электрике обирал, рэкетировал их.

Вслушав директора, Устинова вздохнула:

— Все равно жалко... Особенно, когда над мертвым издеваются: в рот капусты зачем-то набили!

Темнов словно услышал подтверждение своим словам и усмехнулся:

— Я что говорил? Прав оказался: свои дружки и прикончили его. Это у шпаны порядок такой: кто жадничает да своих же обманывает, — тому, по их закону, смерть устраивают жуткую, демонстративную. Мол, крысятничаешь, — наешься капустой! А “капуста” — это на их языке деньги. Поняла? Ладно, хватит об этом, давай о чем-нибудь другом поговорим!

Роза промолчала, стеснительно прикрыла сумкой смуглые колени, и Темнов более не осмелился о чем-нибудь говорить. Так и промолчали остаток пути до Лонска. Роза собралась выйти на перекрестке, потому что Темнову надо было на молокозавод, и, прежде чем закрыть дверь, сказала “спасибо”, внимательно посмотрела ему в серые глаза, словно что-то загадывала.

Расставшись с Розой, Темнов действительно поехал в сторону молокозавода, но вскоре развернулся, немного постоял и отправился назад в свою Перловку, потому что никаких дел на заводе не имелось, а упомянул о нем при Розе для отвода глаз. В Перловке он успел к разводу и все, что ни делал потом, делал по инерции, продолжая думать о Розе и не догадываясь, что та тоже думала о нем.

Андрей Бунтов узнал о случае с Пичугиным на следующий день, когда после врачебного обхода приехала Валентина с сонным Данилкой. Чтобы не привлекать внимания, они вышли в больничный двор, и Валентина все тараторила и тараторила, рассказывая о Пичугине. Но чем более она говорила, тем пасмурнее становилось у Бунтова на душе, потому что выходило совсем не так, как ему представлялось. Ведь до исполнения его мести и оставалось несколько дней, когда он пришел бы к Пичугину, вывел его в сад и начал бы драться. По-честному, на кулаках. А если договорились бы на ножах, то — пожалуйста, у Бунтова и нож подходящий нашелся бы для такого случая! На ножах даже лучше! Злости больше! Но чтобы не исподтишка. А теперь, получалось, кто-то опередил, да не просто прикончил Петуха, а сделал это с вызовом, словно для острастки и в назидание тем, с кем он якшался. А кто это мог сделать? Нет, обиженному одиночке такой вызов не под силу, тут кто-то серьезный вмешался. И не вспомнив ни о каком серьезном человеке, Бунтов подумал о сыне... Все эти мысли молнией сверкнули в Бунтове, и он спросил у Валентины:

— Генка-то не звонил?

— Звонил несколько дней назад... В командировку на неделю собирался то ли в Ковров, то ли еще в какой-то город... Ты-то отказываешься от мобильного телефона, а то сам нет-нет да поболтал с сыном.

— Сколько раз говорил: не нужна мне эта погрешка. Без нее обходился всю жизнь и сейчас обойдусь. Вот выпишусь и позвоню ему по настоящему телефону.

Валентина поняла, что спорить с мужем бесполезно, и сменила тему:

— Когда за тобой приезжать-то?

— Врач сказал, что через два-три дня выпишут. А приезжать за мной нечего. Рану промыли и все почти зажило, осталось швы снять. Сам доеду!

Бунтова действительно выписали через три дня. В час выписки, когда ему принесли вещи и он переоделся, собрался на выход, дверь в палату распахнулась и появился сын, да не один, а с незнакомым подтянутым мужчиной. Вот так гости!

— Ловко вы! — удивился Бунтов. — Еще бы чуток, и мой след здесь простыл!

— Главное, успели! — устало выдохнул Геннадий, словно пришел издалека.

Он присел на кровать отца, на которой остался лишь голый матрац, положил рядом большой черный пакет и посмотрел на спутника, одетого в казачью форму с погонами капитана: в защитной гимнастерке, в галифе с темно-красными лампасами, а за голенищем хромового сапога ременная плетка. Геннадий представил его:

— Подъесаул Петр Стеценко! — И попросил: — Начинай, Петро!

Петро достал из полевой командирской сумки планшетку, а из нее извлек лист бумаги с гербом и какими-то записями и сразу громко начал читать.

— Приказ! — торжественно произнес он. — На основании Указа Президента Российской Федерации от 24 апреля 1998 года № 447, настоящим доводится до личного состава...

Далее Петро читал почти скороговоркой, и Бунтов почти ничего не понял, только в конце сообразил, что за какие-то особые заслуги его приняли в Центральное казачье войско и сразу присвоили звание хорунжего! “Вот те раз! — подумал Бунтов усмехливо, не разобравшись в сути приказа. — Это называется: без меня — меня женили!” Бунтов хотя и усмехнулся, но ни спорить, ни отказываться от присвоенного звания не стал. Поэтому спросил у сына прямо:

— Сколько звездочек на погонах? Если две да вдоль, то и не старайтесь — не приму... Прапорщиком никогда не был и не буду!

— Бать, не шебуршись! Ты теперь настоящий офицер, хорунжий, относишься к старшим чином. Поэтому и погоны соответствующие, как у современных лейтенантов.

Бунтов задумался и улыбнулся:

— Слабовато, конечно, для моего возраста...

— Это на первый случай! — обнадежил Петро. — Год-другой — и сотником станете. Главное, что начало положено, и кому, как не вам, возглавить казачье движение в своей слободе, да и во всем районе. Тем более что вы себя отлично зарекомендовали, показали пример как в труде, так и в отстаивании интересов казачества! Так что — в добрый путь!

“Уж такой пример подал, что дальше некуда ехать! — подумал Андрей сам о себе, расписавшись в удостоверении и еще в какой-то бумаге, на которой мельком увидел слово “Заявление”. — Всю слободу на уши поднял — происшествие за происшествием пошли! Одно другого хлеще!”

Пока Бунтов внутренне осуждал себя, Петро раскрыл пакет и достал синий мундир с темно-красными лампасами, фуражку с околышем такого же цвета, а в придачу хромовые сапоги и блестящий черным лаком ремень. Все это богатство отдал Бунтову:

— Пользуйтесь и гордитесь формой! В такой наши деды защищали Отечество! А шинель, бекешу и всю остальную справу, вы, Андрей Николаевич, получите позже... И еще! — посуровев глазами, сказал Петро. — На ближайшем Кругу вы в торжественной обстановке получите боевое оружие — казачью шашку. А сейчас разрешите вручить удостоверение казака!

— Прежде-то, говорят, казаки сами себе справу добывали, а теперь вон какое внимание! — ступешался Бунтов.

— Это правило никто не отменял. Сын за вас постарался да кошевой атаман без внимания не оставил! Так что переодевайтесь и возвращайтесь домой казаком!

— Лихо у вас, ребята, это получается. Только в такую жару ничего не выйдет. Да и привыкнуть к кителю нужно. К тому же каждый день носить его необязательно, а лишь в торжественных случаях или по праздникам. Так что порядки я знаю!

Они еще немного поговорили и, распрощавшись с соседями Бунтова, вышли из палаты.

— А что, Андрей Николаевич, — напомнил о себе Петро, когда уселись в машине, — не нашли злодея, покусившегося на вашу жизнь?

— Разве залетного сыщешь? Они, залетные, как ведут-то себя: сегодня он, к примеру, в Электрике, а уж завтра его ищи на другом конце области, а то и еще дальше. Да и искать таких некому! Ради чего?

— Не скажите... — не согласился Петр, — это лет десять назад попустительство было, а теперь власть укрепляется, опять же казачество набирает размах. Не за горами то время, когда казаки повсеместно станут влиятельной силой! И до рынка в Электрике мы доберемся, не позволим, чтобы темные личности ущемляли трудовое крестьянство, тем более — калечили людей! А вашего злодея обязательно найдут. Пусть и не сразу, но возмездие будет неотвратимым!

Петр замолчал, словно говорил не минуту, а часа два, а Бунтов усмехнулся в душе: “Ищите, ищите! Пока найдете, Петух уж будет по углям на том свете скакать!” — и посмотрел на сына, желая по его лицу отгадать: знает он что-либо о Петухе или не успел узнать? Поэтому спросил:

— К матери-то заезжали или сразу ко мне примчались?

— Заезжали... Она уж поляну накрыла, ждет!

За мыслями да разговорами он не заметил, как доехали до Казачьей Заезки. Когда же проезжали мимо дома Розы, то Бунтов еще на подъезде к нему увидел синюю “Ниву”. Начал вспоминать, у кого такого цвета машина, и вспомнил: у Темнова! “Вот так гусь! — удивился Бунтов. — От одного хмыря не успел отделаться, как новый объявился!” С самыми скверными мыслями Бунтов сел за стол, даже не стал примерять казачью форму, отмахнувшись, когда Геннадий уж слишком насел:

— Сын, не цепляйся! Лучше за Петром поухаживай! — и показал на пальцах, как надо поухаживать: мол, налить человеку надо.

Действительно, когда уселись за стол, появилась бутылка, и Петр, хотя чуток стеснялся пить в одиночестве, но выпил с удовольствием и, едва успев закусить, сразу покрылся испариной.

— Хорошо пошла! — сказал гость.

— Ну и слава Богу! — поддержал его Бунтов-старший. — Я бы и сам с удовольствием махнул за возвращение, но нельзя, здоровье не позволяет.

Более они почти не говорили: то ли духота действовала, то ли устали, но когда Валентина предложила чаю, все дружно отказались и вышли на улицу покурить. И тогда Геннадий предложил:

— Поедемте купаться!

Бунтов к приглашению остался почти равнодушным, потому что купаться ему было нельзя, а Петр подхватился:

— Вот бы лобо!

Еще более загорелся вертевший рядом Данилка:

— Ура! — закричал он чуть ли не на всю улицу.

— Тогда в машину! — приказал Геннадий.

Через пять минут были на Алешне, у той самой лавы, где когда-то Бунтов набирал воду для полива и куда приезжал Герасимович. Геннадий ловко нырнул и через мгновение над водой раздался его восторженный голос: “Красота!” Петро же входил в воду осторожно, чуть ли не на ощупь, но плавал с удовольствием, отфыркиваясь и со свистом выдыхая воздух сквозь намокшие усы. Глядя на мужиков, и Бунтов спустился на лаву, осторожно сел и поболтал в воде голыми ногами.

— Бать, не отставай! — крикнул Геннадий.

— Рад бы, да не могу — заклеенный наполовину. Размокну.

Накупавшись, они вернулись в слободу, каждый со своими мыслями: Геннадий хотелось побыстрее отправиться в Москву, Петру допить бутылку, а Бунтову побыть одному, чтобы никто не лез в душу с разговорами.

Когда гости уехали, он дважды не торопясь вымыл голову и сам помылся под душем в пристройке, правда, осторожнее обычного, так как боялся замочить заклеенный марлей да пластырем бок, а когда помылся, то, немного обсохнув, вышел в сад. И сразу мысли о Розе. Вспомнилась последняя встреча в больнице, и почему-то сделалось обидно на самого себя за ту неловкость, даже стыд, который охватил его, когда она приезжала к нему. За чем-то поспешил пугнуть Розу, и она обиделась, конечно, да и любая обиделась бы на ее месте. В конце концов он понял одно: надо в ближайшие дни встретиться с ней и повиниться.

Бунтов вернулся, выпил холодного чаю и отправился в спальню, блаженно развалился на кровати, сразу же, незаметно для себя заснул и проспал до самого вечера, отсыпаясь за все тяготящие больничные дни.

В последнее время у Розы что ни день, то новая закавыка! Только после случая с Пичугиным жизнь более или менее успокоилась и сама она перебралась домой, навела порядок в запущенном огороде, занавески постирала, как новая забота навалилась: Темнов вчера приперся! Цветов привез, торт, и все чего-то улыбается и улыбается нахально. А она, между прочим, его не звала, не приглашала. И нечего ее позорить среди белого дня! А то кавалер выискался, открывай ему двери настежь, улыбайся! Хотела сразу же высказать, что думала, но пожалела мужика, пригласила в дом, чай вскипятила. Только разлила по чашкам, а он на чай и не смотрит — лишь на нее пялится, и уж лезет целоваться. Ее это взбесило:

— Может, сразу в постель? — спросила с издевкой. — Вы, Алексей Алексеевич, ведь за этим приехали? Не так ли?

Темнов, наверное, ожидал услышать что угодно, но только не такое откровение, которое сразу же превратило все его мысли и чувства в пыль. Он растерялся от обиды и начал говорить совсем не то, о чем хотел. Чем более жаловался на жену, тем отчетливее понимал, что собственными словами все окончательно портит, особенно, когда изредка поднимал глаза на Розу и встречался с ее прищуренным взглядом. Он казался насмешливым, а черные глаза до невозможности злыми, такими, что, взглянув в них, Темнову хотелось зажмуриться и тотчас выскочить на улицу. Он все-таки разрезал торт, выпил чашку чая, от которой сразу вспотела и сникла его пушистая волна, а сам он почувствовал, что сейчас же, сию минуту должен покинуть этот дом и более никогда не появляться в нем. Еще немного потомившись, он, для вида посмотрев на часы, так и сделал.

— Рад был поговорить! — сказал Темнов на прощание и, постаравшись не показать все, что творилось у него на душе, пошел к выходу, а когда спустился по трем ступенькам крыльца, почувствовал, как ослабели ноги.

Роза осталась на веранде, наблюдая из-за занавески за гостем, а когда он, резко сорвавшись с места, уехал, она невольно посмотрела в сторону дома Бунтова и увидела джип его сына... И все сердце оборвалось, и все сразу мысли смешались. “Андрей, Андрюша выписался! — всколыхнула радостная мысль, и сразу кольнул испуг: — Он, наверное, видел “Ниву”!” И как только она так подумала, то растерянность заполнила все существо, Роза почувствовала, как задрожали руки. Захотелось тотчас увидеть Андрея, все ему объяснить, сказать, что Темнов — глупый гусак, случайно забежавший на чужой двор! И она действительно вскоре увидела Бунтова, вышедшего из дома с сыном и незнакомым мужчиной в военной форме, и внука с ними. Они посидели на лавочке, а потом сели в машину и куда-то уехали.

Их не было, наверное, час, а когда они вернулись, то у нее и на душе спокойнее стало: сразу поняла, увидев Андреева внука с полотенцем на плече, что ездили купаться... Она вдруг вспомнила о торте и цветах, и как огнем обожгло: “А вдруг Андрей зайдет и увидит!” Не раздумывая, она вынесла торт курам, сразу облепившим его, бесцеремонно оттеснившим петуха. С цветами Роза и вовсе поступила бесцеремонно: выбросила их в крапиву за двором, потому что это были не цветы вовсе, а обыкновенные флоксы, которых в эту пору тьма в каждом палисаднике!

Расправилась Роза с подарками, и на душе полегчало. Решила заняться стиркой, хоть чем-то отвлечься, потому что нет никаких сил сидеть без дела

и ждать неизвестно чего. Но только набросала белья в корыто, как кто-то постучал в окно — у нее все сердце оборвалось! Осторожно выглянула, а это младшая дочка, румяная сероглазая блондинка Карина стоит у веранды! Увидела мать, заулыбалась:

— Мамка, открывай скорей!

— Вот не ждала-то кого, вот счастье-то! Чего же не написала-то? — спросила Роза и начала разглядывать дочь. Та даже смутилась:

— Мам, чего ты так? Не видела, что ли, никогда?

— Смотрю, какая ты стала... Красивая, но я бы на твоём месте краситься не стала... Блондинки не бывают с карими глазами!

— Мама, я давно совершеннолетняя!

— Ой, девка, не о том я... Ладно, проходи в дом, располагайся! Молодец, что отпуск решила у матери провести!

Карина улыбнулась, вздохнула:

— Да я, мам, и не в отпуск вовсе, а с тобой приехала повидаться... Ночку-другую ночую, а через несколько дней уезжаю на работу в Германию!

— К немцам, что ли? Чего ты у них не видела?

— А чего я в Москве вижу? Год отработала курьером, а что толку: как снимала угол у чужой бабуся, так и буду снимать, пока не состарюсь!

— Замуж выйдешь, и все образуется!

— Мам, не будь наивной! Кому мы в Москве нужны. А так хоть в Европе поживу, людей посмотрю.

— А кем же ты там будешь?

— Гувернанткой... Курсы окончила, немецкий язык учила!

— Учить-то, может, и учила, только надо быть осмотрительной. А то по телевизору рассказывают, как таких, как ты, сперва заманивают за границу, а потом в Африку диким неграм продают! Вот чего бойся!

— Мам, у меня все официально: контракт, загранпаспорт, билет — все на руках...

Пока Роза чистила картошку, Карина тараторила и тараторила, рассказывая о предстоящей жизни, словно наперед знала, что ее ждет. И Розе это не понравилось.

— Ну что ты все о немцах да о немцах! — укорила она дочь. — У тебя ведь сестра есть! Хоть бы заикнулась о ней?

— Действительно... Как Машка поживает?

— Тесновато, зато дружно. Муж у нее непьющий, зарабатывает хорошо, на квартиру копят.

— В наше время всю жизнь можно копить — толку-то!

— Пока им на электростанции обещают служебную квартиру дать, потому что Маше скоро в декрет уходить.

— Машка родит скоро? Вот так новость!

— Чему же удивляться, если она замужем второй год. Все ко времени. Хотя бы съездила, навестила ее. А то укажишь в свою Германию, и жди тебя потом!

— Мам, а давай вместе съездим! Бросай картошку чистить, поехали к Машке! Автобусы ведь до вечера ходят!

Не думала и не гадала Роза, что в этот же день она соберется в Электрик. Да разве устоишь перед младшей дочерью. И в кого только характер такой? Уже в автобусе Роза вспомнила о Бунтове, и сразу Каринкина суета отдалась, словно дочь приехала не на один денек, а навсегда, и у них еще будет время наговориться. Роза даже представила, как сейчас Андрей поглядывает на ее дом, быть может, собирается мимо пройти, якобы к приятелю Коляне, чтобы не вызывать подозрений у жены. В какой-то момент, думая о Бунтове, Устинова все-таки отругала себя: “Дура я древесная! Ко мне дочь приехала, а у меня на уме Бог знает что творится. Кому сказать — со стыда сгоришь!” И эта мысль мучила ее все те три часа, пока они гостили у старшей дочери, и мало-помалу пропала, когда ехали назад, в слободу. А как оказался на своем порядке, и Роза хоть и издали, но увидела Андрея, и он ее увидел с Кариной, то и на душе полегало.

Бунтов же, поужинав и поговорив с женой о том, о сем, не спеша курил около дома, с удовольствием разглядывая слободскую улицу, редких про-

хожих на ней. Когда же увидел Розу с какой-то девахой, вынырнувших из проулка, то, когда они приблизились, не сразу узнал в девах младшую дочь Розы. А как узнал, то успокоился, сразу по-иному, более снисходительно посмотрел на сегодняшний факт появления синей “Нивы”.

Бунтов попал к Розе на третью ночь после возвращения из больницы. К этому времени он осмелел, перестал остерегаться за шов, который наискось багряно прочертил полбока, а заклеивал его пластырем лишь только потому, чтобы не пачкать одежду несмываемой “зеленкой”.

Сегодня, возвращаясь от Коляни, он увидел Устинову около дома, как по заказу, и не удержался, коротко поговорил с ней. Оказалось, что Роза только-только проводила младшую дочь и теперь занималась хозяйством. Долго говорить не было возможности, да им и не обязательно долго болтать. Оказалось достаточно двух слов, чтобы понять друг друга.

— Придешь? — спросила Роза, почему-то постеснявшись посмотреть ему в глаза.

— Обязательно! — ответил он и почувствовал нестерпимое желание побыть с Розой именно в эту минуту, даже огляделся, чтобы подольше поговорить, но, увидев двух женщин, видимо, шедших из магазина, не стал задерживаться и испытывать судьбу — пошел далее вдоль порядка с безразличным видом, будто ничего его не волновало в этот момент. Главное, что переговоры с Розой, увидел ее, договорился, и от этого настроение радостно закипело. Правда, когда вернулся к себе, оно вмиг улегучилось, едва пришла мать Пичугина и начала срамить на всю улицу. Первой выскочила на веранду Валентина:

— Вер, ты чего?

— Знаю чего... Где твой обезьян-то хоронится? Пусть покажется, я весь бадик о его морду расшибу!

— Ой, Господи! Чего ты мелешь-то? Чего он тебе плохого сделал?

— Из-за него мой Семен головушку сложил!

— Окстись, дуреха, или из ума выжила? Думай, чего мелешь-то? Андрей в больнице лежал с ранением в это время! Каждый подтвердит!

— Зато дружки его не лежали! Семена ядом напоили!

— Кто тебе такую глупость сказал?

— Мустафа сообщил... Он следствие ведет! Погодите, докопается до правды!

— Твоему Семену надо было поменьше пить да вести себя прилично! А ты сама распустила сына до безобразия, а теперь виновных ищешь!

Бунтов, слышавший из веранды разговор, не выдержал, вышел к Пичугиной:

— Чего пришла, сволота дремучая? А то бадиком грозит! Один ножичками грозился! Догрозился... А ведь какой смелый был, но смелей нашлись!

— Ладно, Андрей, не связывайся! — потянула Валентина мужа назад, на веранду. — Чего с малохольной взять? А ты иди отсюда! — погнала Валентина Пичугину, — а то твоему любимому Мустафе позвоню — он тебя саму прищучит!

— Все, Валя, пошли в дом, — теперь Бунтов начал останавливать жену, — нечего с этой поганью связываться!

Когда они поднялись по ступенькам, Бунтов демонстративно хлобыстнул задвижкой, ушел в дом и завалился на диван. Настроение — на нуле. А тут еще Валентина куснула:

— Больше не связывайся с ней! О тебе и так в слободе Бог знает что говорят, а теперь и вовсе на людях не покажешься!

— А тебе, наверное, радостно от этого! Пусть говорят!

Бунтов демонстративно отвернулся к стене и до обеда пролежал молча. А после, когда молча же пообедали (даже прибежавший с реки внук не смог расшевелить деда с бабушкой), Бунтов отправился в сарай. Валентина ничего не сказала, но через какое-то время все-таки пришла, осторожно осмотрелась, словно искала что-то запретное, и, ничего не сказав, ушла. “Проверь не проверяй — все равно ночью уйду!” — подумал Бунтов.

После ужина он вновь вернулся в сарай и теперь уж дожидался лишь внутреннего толчка, когда сердце подскажет: “Пора, пора!” Почти час прошел после того момента, когда погас в доме свет. Бунтов, приоткрыв дверь, выглянул из ворот сарая и, дождавшись, когда луна нырнет в облака, осторожно и даже чуть пугливо юркнул в сад. Вскоре он легонько стукнул в боковое окошко, и шторка тотчас шелохнулась. Роза вышла встретить во двор, где сразу вцепилась целовать Андрея, а он прижал ее к себе так, как никогда не прижимал. Роза даже забеспокоилась:

— Как рана, зажила?

— Нормально — колтыхаться можно, — тихо ответил Бунтов и увлек Розу за собой.

Все-таки прелесть эта Розка, просто умница. Бунтов хотел предупредить, чтобы она не ждала от него сегодня особенной прыти, но она даже в мыслях опередила его, заставив принять свою игру. И игра эта понравилась Андрею, хотя немного и удивила новизной, от которой невольно вспомнилась Валентина в молодости, когда была такой же изобретательной, как Роза. Да, наверное, по-иному и быть не могло, потому что они обе были из единого женского племени. Это мужикам бывает в такие минуты забавно, а у них все по-настоящему, серьезно, будто сдают главный экзамен в жизни.

Когда они все-таки утомились и устало легли рядом, Роза, словно только что вспомнила о его наполовину отлепившейся повязке, жалеючи спросила:

— Болит?

— Отболело давно. Теперь у меня душа болит, когда вспомню синюю “Ниву” у твоего дома. С каких это пор стала привечать Алешку Темнова?

— Он мою Каринку от Лонска подвез, — соврала Роза и почувствовала, что от собственного вранья покраснела, и порадовалась, что при свете луны не разглядеть румянца на щеках.

— Ну, подвез и подвез, а чего в дом-то потащился?

— Попить попросил...

— Вот с этого и начинается. Сперва попить, потом все остальное.

— Замолчи, не говори так! — Роза закрыла рот Андрею, да так крепко, что тому пришлось отстраниться.

А когда отстранился, то и она отвернулась, накрылась одеялом и соорудила из него между собой и Бунтовым препятствие. Молча они пролежали несколько минут, а потом Роза неожиданно завсхлипывала, задрожала всем телом. Он хотел было сразу обнять, пожалеть и успокоить, но сдержался, ревниво подумал: “Поплачь, поплачь, а то шустрая больно стала!” — и был не в силах побороть в себе ревность. И все-таки в какой-то момент не сдержался, обнял Розу и попросил, словно был сам в чем-то виноват:

— Перестань.

Она резко повернулась, словно ждала этого слова, обвила шею и припугнула:

— Сейчас задушу, чтобы глупости не говорил!

— Задуши... — согласился он, приняв несерьезную угрозу, и сразу же подмял Розу, распластал, теперь уж как полагается, забыв о своей болячке.

Правду говорят, что делу — время, потехе — час. Поэтому, сколько ни утешайся, а работа о себе обязательно напомним. Поэтому со следующего дня у Бунтова появилась новая задача: найти картофелекопалку! Но где ее найдешь, если в районе картофель давно не сажают. Пришлось помотаться. Почти все бывшие совхозы района объехали с Коляней, но нашли. Три дня и чуть ли не три ночи потом возились с ней, но все-таки наладили. В первый день даже Валентина пришла поглазеть на их работу, а Бунтов сразу обозлился от ее любопытства.

— От безделья, что ли, скучаешь! — пугнул он жену. — Иди, садись за телефон и обзванивай все базы, хозяйства — где хочешь, а тысячу сеток найди: хоть взаимы, хоть за деньги. Нечего перед глазами мелькать!

Со следующего дня Бунтов начал работу на поле. С утра пораньше выехал и, перекрестившись, прошел первую загонку. Хорошо получилось. По-

смотришь издали — светло-желтая картофельная лента протянулась. Такую картошку и выбирать одно удовольствие.

Вскоре подъехал улыбающийся Коляня. Он скинул из коляски несколько тюков сеток и крикнул Бунтову:

— Живем, Николаич!

Чуть позже и бабы подтянулись. Пришло пятнадцать человек, которым Валентина положила за день работы по триста рублей. На таких условиях даже захапистая Авдотыха притащилась и намалеванную внучку привела.

— Куда же деваться, если мы с Лизкой без денег остались, — жаловалась Авдотыха бабам, — а Мустафа, паразит носатый, не чешется, не ищет наши денежки. А Лизке в школу через несколько дней идти. Десятый класс. Невеста. Одеть, обуть надо.

Работница из Авдотыхи почти никакая с ее габаритами, и когда Валентина начала коситься на нее, наблюдая, как она пыхтит, с трудом нагибаясь над грядками, то Авдотыха это заметила и начала оправдываться, даже укорила:

— Не косись на меня особо, Валентина! Зато у меня внучка — огонь-девка! Гляди, за двоих работает!

Работа, и правда, спорилась. Коляня только успевал подставлять сетки под картошку, увязывать их и складывать на площадке в пяти шагах от дороги. И картофельный бурт рос неожиданно быстро, так что Бунтов забеспокоился и, подозвав Коляню, сказал ему:

— Хорошо мы работаем, лишь в одном заковыка: о брезенте не подумали. Вдруг дождь пойдет? Весь товарный вид картошка потеряет!

— Не тужи, она еще чище станет!

— Быть может, и станет, но без брезента зеленеть начнет — опять не дело. Так что езжай, куда хочешь, а если брезент не привезешь, то придется из дома одеяла тащить! И не обижайся, что гоняю тебя! Сам-то я тоже без дела не стою!

Не прошло и получаса после отъезда Фролова, как неподалеку от работающих баб появился бородатый, нездешний мужик, даже издали казавшийся усталым и запущенным, почти неживым. Вроде случайно шел мимо, да остановился из любопытства. Бунтову это не понравилось: чего это мужик засмотрелся на баб, спиной нацелившихся в небо? Один круг сделал Бунтов, второй. На третьем остановился, подошел к мужику и зло спросил:

— Ну и долго мы так будем паялиться?

Бородач ничего не ответил и, поднявшись с земли, сам спросил:

— С кем можно поговорить?

— О чем? — едко усмехнулся Андрей, а незнакомец представился:

— Черногорец Артем Родионович, житель Пушкарской слободы. С кем имею честь?

— Бунтов моя фамилия, Андрей Николаевич... И чего же вы хотите?

Черногорец чуть задумался и, подбирая слова, сказал:

— Не вы ли и есть тот самый Бунтов, о котором только и разговоров по всей округе? — Бунтов кивнул. — Дело в том, Андрей Николаевич, что я наслышан о вашей слободе и тех новшествах, о которых давно говорят. Мне известно, что у вас создано новое хозяйство. Поэтому пришел узнать: могу ли чем-нибудь быть вам полезным? Думаю, что у вас имеется техника, и я бы мог помочь в наладке, ремонте, так как в свое время окончил технический вуз. Могу быть начальником гаража или мастерских, есть опыт практической работы автослесарем.

— А где же вы прежде работали?

— В Москве, на одном из оборонных предприятий!

— А как же оказались в Пушкарской?

— Это долгая история, но вкратце могу рассказать... В самый разгар перестройки я оказался без работы и начал "челночить" — ездить в Китай за товаром. Для так называемой раскрутки занял солидную сумму, и все вроде хорошо началось, но однажды на железнодорожной станции Наушки — это на границе — меня ограбили. Вернулся в Москву ни с чем, а надо было отдавать долг, денег же ноль. Мои кредиторы поставили меня на "счетчик"... Поэтому ничего не оставалось, как продать комнату и уехать из Москвы.

— Сейчас-то у кого живете?

— В чужом бесхозном доме. Но вы не сомневайтесь, регистрация у меня есть, могу и паспорт предъявить.

— А ну покажь! — по-милицейски грубо попросил Бунтов, почти потребовал.

Посмотрев паспорт, Андрей убедился в словах Черногорца, увидев штамп Лонского ОВД, и сказал:

— Все равно пока ничем помочь не могу. Приходите недели через две, когда поступит техника. Тогда поговорим конкретно.

— Спасибо, что не отказали! — поблагодарил Черногорец с такой пронзительностью в голосе, так благодарно глянул в глаза, что Бунтов подумал: “А ведь действительно бедолага, и, по разговору чувствуется, — не дурак! Сколько же ныне по России скитается таких Черногорцев?!”

Бунтов вернулся к трактору, а Черногорец, бросив на плечо выгоревший брезентовый плащ, устало зашагал назад, и Бунтов печально посмотрел ему вслед, даже вздохнул.

Продолжая кружить по полю, Бунтову в какой-то момент захотелось заглушить трактор, лечь посреди поля, раскинуть руки и долго-долго смотреть в синее, чуть выцветшее за лето небо, и разглядывать редкие облака, появившиеся над полем и уплывавшие в сторону Лонска. Но его желание так и осталось мечтой. Только несколько минут он и передохнул за день, до того момента, когда вернулась с обеда Валентина, принесла термос с супом, миску с пловом. Вместе с Валентиной одна за другой и бабы собрались. Все, кроме Авдотьихи.

— Что с ней? — спросил Андрей у Лизы.

— Поясницу у бабушки прострелило! — доложила раздумывавшая чернобровая старшеклассница, а Бунтов подумал: “Это вам не самогонкой торговать!”

Правда, на юмор и сатиру времени не имелось. Перехватил он супчику, попил компоту и снова уселся за руль, решив, что если все получится, как задумал, то сегодня половину грядок выпашет. День, как начался весело, так и завершился неплохо, а работу закончили даже раньше, чем намечали. Бабы ушли в слободу, вскоре и Коляня укатил, договорившись, что сперва он поужинает, а потом Бунтова пошлет, потому что решили ночевать в поле, чтобы не оставлять картошку без присмотра. Дождаясь Коляню, Бунтов задремал, и приснилась ему Роза...

Очнулся Бунтов от оклика Фролова:

— Эй, хватит пузыри пускать! — потрепал тот за рукав пиджака и бросил на приятеля тяжелое лоскутное одеяло. — Домой беги, да не засиживайся!

Бунтов молча поднялся и, ничего не сказав, отправился в слободу пешком. Подходя к дому, подумал: “Сейчас бы баньку протопить, а потом завалиться к Устиновой на всю ночь!” У него даже аппетита не было: может, от мыслей, может, оттого что перебил сон, и теперь сказалась накопившаяся за последние дни усталость. Ведь что ни говори, а помотались они с Фроловым изрядно. Но ведь дело-то не стоит на месте.

Когда сел за стол, Валентина сразу обрадовалась:

— Сыну дозвонилась... Сказал, что послезавтра придут две больших машины, как ты и просил. Отругал нас, что мы так долго раскачивались, надо бы пораньше подумать о транспорте.

— Ох, какие все ловкие! — хмыкнул Бунтов. — Все-то у них расписано по полочкам, а дел пока никаких, только слова. А слова-то и мы умеем произносить. Это легче всего. Труднее, когда все на коленке приходится делать.

— Ладно тебе. Как-никак, а мы зарплату два месяца получаем.

Валентина начала его укорять, и Бунтов уже знал, что ее не переговоришь, только настроение испортишь. А ему совсем не хотелось этого. Поэтому спросил у внука, когда увидел, что тот ходит по дому и собирает вещи в спортивную сумку:

— Ты куда это, брат, на ночь глядя, лыжи востришь?

— Скоро в школу... Через два дня мама с папкой приедут забирать меня! — вздохнул Данилка.

— На осенние каникулы приезжай. Тогда уж у нас с тобой настоящий трактор будет!

Валентина приготовила мужу термос с чаем, и, не хуже Фролова, прихватив одеяло и старый плащ, он отправился на поле. Когда подошел к бурту, то неожиданно различил два силуэта. Сразу даже не понял, кто бы это мог быть, а ближе подошел — Коляня навстречу:

— К тебе пришли... Иди, посмотри, а я пока погуляю.

Фролов растаял в темноте, а от бурта уж кто-то отделился — и к Бунтову. Тот даже растерялся, а когда узнал, даже не узнал, — почувствовал в человеке свою Розку, то чуть не задохнулся от неожиданности, спросил вполголоса, вложив в вопрос и радость, и чуть заметный испуг:

— Как здесь оказалась?!

— Устала ждать! — вздохнула она, и они уже более не говорили, доверившись своему чувству, и опустились на одеяла, слились с возвышавшимся буртом, едва сереющим в темно-зеленом лунном пространстве, разлившимся во все стороны до невидимых горизонтов.

На второй день уборочной эпопеи, хотя и чувствовал себя усталым и разбитым, Бунтов выпахал оставшиеся грядки и даже начал помогать бабам насыпать картошку в сетки. Рядом и Коляня вертелся. А после обеда, когда приехали Марина с Павлом, так и вовсе весело стало. Из Марины с ее обозначившимся животиком помощница, конечно, никакая, зато Павел разошелся не на шутку: вязал сетки, укладывал в бурт — и делал все записисто, торопливо. Рядом с ним крутился Данилка, успевший получить нагоняй за подбитый глаз в драке с николевскими мальчишками и теперь, после отпущения грехов, старавшийся изо всех сил.

В конце дня Валентина рассчиталась с женщинами за уборку, даже передала через Лизу сто пятьдесят рублей ее бабушке за полдня вчерашней работы. Когда всей семьей вернулись с поля, оставив Коляню у буртов, Бунтов попросил жену:

— Позвони Генке, узнай о завтрашнем дне.

Пока Марина собирала ужин, Валентина действительно дозвонилась и, поговорив, обрадовала:

— Завтра в обед придут две фуры! Так что и Павел поможет грузить.

— Троиим не справиться — ухайдакаемся! — сказал Бунтов. — У меня все еще бок болит, какой из меня грузчик! Человека три-четыре надо позвать!

Бунтов понимал, что это надо бы сделать сегодня, но у него уж не осталось сил куда-то идти и кого-то просить. Было лишь одно желание: побыстрее перекусить и завалиться на боковую. Но сладкого сна и в сегодняшнюю ночь не ожидалось: надо идти и охранять картошку. Поэтому, чуть-чуть посидев вместе со всеми за столом, набрав в термос чаю, он отправился в поле, где сменил приятеля, а сам, укрывшись одеялами, сразу же заснул.

Наверное, никогда он не спал так сладостно и безмятежно, даже снов не видел. Проснулся же от толчка Коляни... Глаза открыл, а солнце уж высоко-высоко. Сразу посмотрел на часы. Мать честная, восемь уже!

— Ну, хватанул! — улыбнулся он и посмотрел на Коляню, а тот нахмурился:

— Вот как с молодыми-то тягаться! На тебя страшно смотреть: весь зеленым мхом покрылся! Ночью за двоих храпел. И никакая картошка не нужна: хоть на тракторе приезжай и грузи!

— А ты на что? Для того мы и корешимся, чтобы выручать. А в одиночку ничего не сделаешь, если даже двоим трудно.

— Ты-то везде успеваешь...

— Не завидуй! Иди-ка лучше домой да позавтракай, а то с голодухи ты злой до невозможности! Да потом пройдишь по порядку, позови трех-четырех мужиков, попроси помочь картошку грузить.

Фролов ушел, а вскоре Валентина появилась, принесла сумку еды и обрадовала:

— Машины уж выехали! Да, забыла сказать: Марина с Павлом замариновали мясо, как сегодня разделяемся с картошкой, то баню протопим, а потом шашлык организуем. Фроловых надо пригласить. Гулять, так гулять!

— Это потом, а пока некогда рассусоливаться... Иди домой да гони Павла ко мне — будем потихоньку сетки на обочину подносить.

Жена ушла, а он развалился на одеяле и невольно вспомнил вчерашний ночной визит Розы, когда они вместе лежали здесь. Ведь решилась баба, да же Колянню не постеснялась!

Находясь в плену приятных размышлений, Бунтов не заметил, как начал подносить сетки с картошкой из буртов на самую обочину, а когда присел перекурить, то увидел Павла и Данилку: оба в цветных футболках, шортах, будто стоял июль, а не конец августа. Не успел Бунтов затоптать сапогом окурок, как зять тут как тут, и сразу взялся за сетку, за ним и Данилка потянулся, но Бунтов остановил внука:

— Тебе еще рано это тягать! Побегай, подыши свежим воздухом. А еще лучше будет, если принесешь воды. А то мужики соберутся, а попить нечего!

Хотя и без охоты, но внук отправился назад, а Павел спросил, указав на бурты:

— И на сколько же эта картошка потянет?

— Кто ее знает. Взвесить-то негде. Это прежде в каждом совхозе весы были. Думаю, тонн сорок есть! Даже если продать картошку оптом по пять рублей, то тысяч на двести потянет!

— Неплохие деньги!

Пока они говорили о том о сем, прибежал Данилка, принес воды в пластиковых бутылках. А немного позже приехал Коляння и привез с собой троих мужиков, облепивших мотоцикл. Вместо работы они сразу сели курить, словно только за тем и прибыли. Бунтов, конечно, ничего им не сказал, а присоединился, поговорил о том о сем, а после первым поднялся:

— Начнем, ребята! Раньше сядем, раньше выйдем!

Нехотя, но мужики все-таки раскачались. Работали неспешно, но к тому времени, когда подошли два крытых “КамАЗа”, все сетки разложили вдоль обочины. Как остановилась первая машина, то Бунтов увидел показавшегося из кабины сына, одетого по-походному: в брезентовую ветровку, джинсы и кроссовки.

— Привет трудовому крестьянству! — раздался голос Геннадия, а сам он поспешил спрыгнуть на асфальт и поздороваться со всеми за руку.

Пока машины разворачивались, грузчики встали наизготовку. А после началась веселая работа. С шутками да прибаутками справились с погрузкой, наверное, за час. Правда, все вспотели изрядно, но настроения не потеряли, особенно пришедшие на подмогу мужики, знавшие, что впереди их ждет выпивка. За суматохой Бунтов даже не успел с сыном поговорить. Хватился, а он уж брезент на машинах направляет, и водители запустили движки.

— Все, батя, мы поехали. Созвонимся потом, — сказал на прощание Геннадий, и Бунтов пожал ему руку, словно благословил в дорогу, и проводил машины долгим взглядом.

— Ну, ребята, а теперь гуляем! — сказал он мужикам и, достав из кармана деньги, отсчитал им тысячу: — Это вам за аккордный труд... Мы с Колянней примкнули бы к вам, да уж давно свое выпили!

Мужики сразу заторопились в слободу, и Павел с ними, а впереди подпрыгивал Данилка, обрадованный тем, что ему доверили растапливать баню. Под присмотром отца, конечно, но все равно мальчишке это было в радость. Бунтов и Фролов, собрав одеяла и свернув брезент, погрузили все это хозяйство в люльку и поехали следом за ними.

Когда разгрузились, Коляння уехал домой, пообещав прийти через два часа, и спросил, чего надо принести для складчины.

— Сам себя принеси да Полину приводи — вместе отметим завершение дела! — сказал, как приказал, Бунтов.

Сам же он сразу не пошел в дом, а уселся в саду под рябинами, всюю пламеневшими альми ягодами, и не спеша, расслабившись, курил, находя в этом состоянии особую радость. Ведь как это, оказывается, хорошо, когда не

надо спешить, когда знаешь, что свалил с плеч великую заботу. Бунтов мог сидеть у аллеи бесконечно, утопая в сладких грезах, радуя душу мечтами. Но разве поступишь спокойно, когда уж прибежал внук и начал теревить:

— Дедушка, скоро баня будет готова. Пошли!

— Что-то быстро вы... — проворчал он, но все-таки послушался внука, пошел за ним и почему-то подумал о том, что завтра Данилка уедет, они останутся с Валентиной вдвоем, и о чем тогда говорить, что делать — неизвестно.

Правда, Бунтов прогнал от себя не ко времени мелькнувшую печаль, не до нее было сейчас. Впереди другие заботы — легкие и приятные.

Раскрасневшиеся после бани, обедать они расселись в саду, поближе к шашлыку. Женщины даже постелили на дощатый, выцветший под дождями да солнцем стол скатерть, уставили стол закусками, и Павел уж колдовал у мангала. Появилась и вина бутылка, и Бунтов не удержался, прокомментировал:

— Специально, что ли, нас с Николаем проверяете на стойкость?

— А вы не обращайте внимания! — отозвалась Валентина, раскрасневшаяся от забот, даже чуть-чуть подкрасившая губы. — Вы нас всю жизнь проверяли. И ничего — живы остались. И вы останетесь!

И, действительно, более об этом разговор не заводили. Наверное, потому что Павел и Марина его не поддержали, да и, видно, не хотели говорить о выпивке при Данилке. Поэтому, когда сели за стол, Павел молча налил Валентине и Полине по стакану вина, сам выпил с ними, и на этом успокоились. Зато шашлык ели с радостным настроением, почти наперегонки, будто никогда не пробовали, и мало обращали внимания на салаты да отварную картошку с малосольными огурцами.

Когда Бунтов поел и закурил, Валентина попросила:

— Чем курить, поиграл бы нам с Полиной! А что, я бы сейчас дробанула!

— Молодая нашлась! — слегка укорил Бунтов жену, но все-таки поднялся со скамейки и отправился в дом. Вскоре показался из-за угла с гармошкой на плече и, выйдя в сад, заиграл и запел:

*Я к милашке ходил лёдом,
Лед растаял — огородом!*

Валентина сразу поддержала мужа, да с подковыркой:

*Вспомни, милый, как ты клялся
И в ногах моих валялся!*

За столом сразу все заулыбались, а Данилка даже захлопал в ладоши. Но то ли Бунтову не понравилась прибаaska жены, то ли к нему пришло иное настроение, но он лихо заиграл цыганочку. Не сразу, но Валентина с Полиной раскачались, но, кроме выходца да нескольких коленец, ничего не показали и плюхнулись на скамейки, а Полина вздохнула:

— Да, подрута, тяжелы мы стали!

Ее слова на какое-то время принесли грусть, но ненадолго, потому что у всех сложилось отменное настроение. Правда, когда выходили из-за стола, Валентина все-таки подсыпала мужу перца.

— Значит, еще лёдом ходил кое-куда? — спросила она и так уничтожающе посмотрела на Андрея, что у него не нашлось хотя бы словечка, чтобы произнести его в свое оправдание.

И все-таки несколько дней Бунтовы жили почти вольготно. Оставшись без Данилки, они занимались каждый своим делом. Хотя Бунтов более, конечно, работал на чужих огородах, выпашав картошку всем, кто просил о помощи. Не сделал исключения и для Розы. И работал на ее огороде открыто, но в дом не заходил, зная, что со всех сторон за ним наблюдают. Всем, кто помогал ему с уборкой картошки, Бунтов выпашивал бесплатно, со всех же

других брал по двести рублей “на подорожавшую солярку”. И это было со всех сторон справедливо. Более или менее спокойную жизнь нарушил звонок сына, хотя и долгожданный, но все равно показавшийся неожиданным. Поздоровавшись, сын сразу озадачил:

— Пап, готовься! — сказал он радостно, словно давно ждал этого разговора. — Через три дня к вам придет трейлер с трактором и плугом в контейнере. Трактор отечественный, “Кировец”, но с мерседесовским движком, более четырех миллионов стоит.

— Зачем же такой дорогой брали-то? — невольно вырвалось у Бунтова.

— Зато надежный! Горя с Коляней знать не будете, уж поверь мне... Да, на счет “Засеки” перевели полмиллиона.

— Пусть мать с деньгами разбирается, а я вот о чем хотел спросить... — замылся Андрей. — Надо бы еще одного человека на работу принять. Нашелся тут один из приезжих. Мужик вроде башковитый, инженером работал.

— А чего он делать-то будет?

— Пока сторожем, трактор-то без охраны не оставишь, а когда техники больше появится, с ремонтом поможет. А пока мог бы заняться восстановлением бывшей кормокухни. Все равно пустая стоит, а из нее можно ремонтную мастерскую сделать. Только надо договориться с бывшим совхозом — владельцем кормокухни.

— Правильно, мыслишь, отец! Наведи справки и сообщи мне, а наши юристы разберутся. И этого своего мужика проверь в деле. Может быть, балабол!

— Ладно, все сделаю, как договорились. А с трактором не затягивайте — давно пора зябь поднимать!

В тот же вечер Бунтов вспомнил о мужике из Пушкинской, подумал, что пора его известить, — пусть с завтрашнего дня приступает к работе. Поэтому, затоптав окурок, взяв у жены сорок тысяч, Бунтов отправился к Фролову и, увидев его, коротко сказал:

— Поехали!

Коляня настолько привык за последнее время к командирскому тону приятеля, что даже не спросил, куда и зачем они поедут, безропотно пошел выгонять из гаража мотоцикл, но Бунтов остановил:

— погоди... Сперва отнеси зарплату за картошку. Здесь ровно треть от полученных нами ста двадцати тысяч! — и отдал ему сорок новеньких купюр.

Фролов послушно отнес деньги домой и вернулся, едва сдерживая улыбку, и Бунтов понял, что теперь Коляня готов ехать хоть на край света.

Черногорца они нашли не сразу, в Пушкинской догадались, кого они ищут, только когда Бунтов пояснил: с бородой такой, инженер.

— Это механик! — сразу указали на его избу, и Бунтову понравилось слободское прозвище Артема.

Поэтому и разговор состоялся самый благоприятный.

— Завтра в обед подгребай, уважаемый, к ферме в Казачьей Засеке — там и увидишь нас, если, конечно, осталось желание работать совместно, — сказал, как приказал, Бунтов. — Да заодно приноси паспорт и трудовую книжку, чтобы стаж начал капать. Да не мешало бы и на диплом взглянуть.

Артем от такого внимания чуть ли не прослезился:

— Весьма признателен! Обязательно явлюсь!

— Тогда до завтра! — сразу распрощался Бунтов.

Он уж направился к затрещавшему мотоциклу, но вернулся и, нагнувшись к уху Артема, спросил:

— С выпивкой как дело обстоит?

— Ни-ни, уж поверьте мне!

— Ну и ладушки! — улыбнулся Бунтов и, оставив Черногорца в полной растерянности, запрыгнул на сиденье мотоцикла.

Бунтов давно замечал за собой одно до конца необъяснимое свойство: чем больше наваливалось дел, тем он становился изворотливее, тем быстрее работала голова, в которой одновременно уживалось несколько забот, и сама собой определялась их очередность. Поэтому, вернувшись в слободу, Бунтов спросил у жены:

— А ну-ка напомни, чего еще надо сделать? Может, что-то упустил?

— Вроде бы все сделали... — нерешительно отозвалась Валентина и вдруг совсем не к месту улыбнулась: — Да, еще одно дельце осталось!

— Какое же? — удивился Бунтов.

— Угадай с трех раз!

— Да, действительно! — сразу сообразил Бунтов, зная Валентину, и тоже улыбнулся, озорно моргнул: — Но это после ужина!

Неожиданный визит гостей все перевернул в душе Артема Черногорца, совсем не ожидавшего подобного внимания. Когда он в прошлый раз отважился на поход в Казачью Засеку, то, поговорив с тамошним человеком, возвращался в Пушкарскую без всякого энтузиазма, почти в отчаянии. Ведь у него эта была единственная возможность за последние десять—двенадцать лет, сколько он прожил в здешней местности, закрепиться на постоянной работе и перестать жить, что называется, на подножном корму, перебиваясь мелкими заработками, начиная от починки телевизоров до копания могил. У него, конечно, за эти годы была возможность найти постоянную работу, и он ее в какой-то момент нашел и полгода работал на механическом заводе, но сам завод, как и всю страну, постоянно лихорадило, производство год от года сворачивалось, пока совсем не остановилось... Так и катилась бы жизнь Артема Черногорца неизвестно к чему, не услышь он этим летом слухов, заполонивших Лонск и окрестности. А они были такими: мол, в Казачьей Засеке собрались мужики, нашли спонсора и взялись за дело, начали скупать земельные паи и создавать производство! Самое главное в этих слухах было то, что все мужики в той артели непьющие! Поэтому и мысли донимали в последние месяцы о Казачьей Засеке. И стоило ему лишь раз побывать там, как сразу убедился в том, что слухи ходят не зря, хотя масштаб работ не произвел впечатления: один трактор с копалкой да десятка полтора баб! Вот, получается, и все производство. Но в тот же раз им были услышаны слова о новой технике, было проявлено любопытство касательно его персоны. Ведь неспроста же интересовался их вожак Бунтов, кто он, откуда, выпивает ли? Правда, культурой этот Бунтов не отличался, а более походил на хамоватого бригадира недавних времен, но откуда же взяться другим. Какие уж есть. Главное, что душой за дело болеет и, кажется, справедливый человек.

Все эти мысли пронеслись, едва Артем распрощался с гостями, с сожалением подумав, что не смог угостить их чаем. Да ведь спешили, сразу чувствуется, что не пустые созерцатели. Черногорец опять ударился в размышления, но сам же себя остановил и укорил: “Чего же я прохлаждаюсь? Готовиться надо к завтрашнему дню!”

С бородой он расправился за двадцать минут. Заглянул в зеркало, а оттуда на него смотрит другой человек: с синими глазами, загорелым лбом и бледным подбородком.

— Привет, Артем Родионович! — поздоровался Черногорец сам с собой и рассмеялся от такого приветствия, которое сразу создало настроение.

Оно сохранилось до утра, когда он, не торопясь, начал собираться, потому что, как сказал Бунтов, надо явиться именно к полудню. Черногорец долго думал, во что одеться, хотя выбор у него был небогатым. Конечно, в ветхой одежде, в какой привычно топтался по дому, не пойдешь на люди, но и красоваться перед ними не обязательно. Поэтому оделся просто: надел сапоги и камуфляжную форму; выцвешую, но крепкую. Как раз по сезону. Как ни тянул время Черногорец, но к ферме в Казачьей Засеке, вернее, к тому, что осталось от фермы, а остались лишь голые железобетонные “ребра” каркаса, он притопал задолго до назначенного времени. Сел у новой эстакады, решив, что именно здесь и будут разгружать технику. И не ошибся. Наверное, через час ожидания появился Бунтов с приятелем. Черногорец поднялся им навстречу, но те не узнали его. И только когда он остановился почти вплотную, Бунтов удивился:

— Это ты, Артем! Без бороды тебя и не узнать. Совсем молодой еще!

— Не такой уж и молодой — полтинник скоро!

— Самое то... Надо подыскать тебе старушку лет тридцати, и голова о жилье болеть не будет!

Черногорец промолчал, а Бунтов спросил:

— Вон, видишь, приземистое здание чертополохом заросло? Вот там и будет у нас гараж! Все железки из него ловкие люди давно сдали в металлолом, а стены да крыша остались. Там и дел-то, что ворота поставить да благоустроить.

Они осмотрели здание бывшей кормокухни, поразмыслили, что где расположить, и вернулись к эстакаде. Бунтов потянулся за сигаретами и, прежде чем самому закурить, предложил Артему, но тот отказался.

— Артем Родионович, ты у нас стопроцентно положительный: не пьешь, не куришь, баб, наверное, не любишь?

— Ну, вы уж совсем, Андрей Николаевич, меня унижаете. Да, в браке не состою, но грех за собой знаю — есть вдовушка в Пушкиарской.

— А говоришь, что жить негде?

— Своего жилья действительно нет, а в чужие руки сдаваться не хочется. Свободу люблю, независимость!

Какое-то время помолчали, а потом Бунтов резко поднялся на ноги и, затоптав окурки, сказал:

— Хватит, ребята, болтать — трактор везут!

Все посмотрели в сторону большака и действительно увидели трейлер, а на нем возвышающийся остроносый трактор красного цвета! Бунтов встал на эстакаду, замахал, показывая свое местонахождение, и водитель трейлера отозвался коротким сигналом: мол, вижу вас! На подъезде трейлер остановился, из кабины выпрыгнул водитель, мелькнув синей бейсболкой, спустился розовощекий сопровождающий мужчина средних лет с портфелем. Представились друг другу, поздоровались. Водитель сразу оценил подъезд к эстакаде. Осторожно выписав дугу в бурьяне, он подал трейлер задним бортом к эстакаде, и пока подъезжал, Бунтов во все глаза разглядывал невиданный ранее остроносый трактор.

— Не узнаете? — улыбнулся розовощекий мужчина, назвавшийся Викентием. — Старый знакомец — “Кировец”, только новой модификации — К-744Р2, и с импортным движком. Смотрите, какой красавец! Исполнен на уровне лучших зарубежных образцов. Сейчас мы его сгрузим, и вы в этом сами убедитесь!

Коляня с Артемом раскрутили крепеж, а Викентий, привычно усевшись в кабине трактора, завел дизель, работавший необычно мягко, крикнул из кабины:

— Движок, между прочим, триста пятьдесят лошадей!

Осторожно пятясь задом, “Кировец” начал выползать из кузова, и когда колеса коснулись земляной эстакады, то она сразу просела, но пятнадцатитонную махину выдержала. Немного отъехав, Викентий позвал Бунтова, махнув ему ладошкой, а когда тот подошел, предложил:

— Садитесь за руль, привыкайте к новой технике.

Едва Бунтов оказался за рулем, Викентий достал из портфеля бумаги:

— Здесь генеральные доверенности на вас с Фроловым, техпаспорт, талоны гарантийного обслуживания, списки сервисных центров и руководство по эксплуатации и трактора, и плуга — на досуге почитаете. Номерной государственный знак — надеюсь, вы это заметили, — уже получен и установлен. А теперь давайте прокатимся, чтобы вы почувствовали технику!

Они выехали на грунтовую дорогу, тянущуюся за огородами, где Бунтов опробовал трактор на разных скоростях и поднял вверх большой палец.

Они вернулись к трейлеру, сгрузили контейнер с плугом. Вскоре попрощались с Викентием и водителем и сели перекурить, прежде чем заняться сборкой плуга. Провозились почти дотемна, правда, Артема отправили домой пораньше, предварительно забрав у него паспорт и трудовую книжку и дав в дорогу бутерброды, которые Бунтов брал с собой, но в суматохе забыл о них.

— Завтра получишь документы назад! — пообещал Бунтов и, подумав, сказал Коляне: — Заодно сегодня и твои документы нужно забрать. Валентина вечером все оформит. Считайте, что с сегодняшнего дня вы штатные работники ООО “Засека”, как генеральный директор вам говорю!

Когда Черногорец ушел, Бунтов с Коляней еще раз почитали инструкцию, подцепили плуг и, возвращаясь домой, не утерпели, заехали на картофельное поле и проверили плуг в работе. Сначала на малой скорости, а потом с хорошей нагрузкой и — удивительное дело! — двигатель как будто не чувствовал ее. Они проехали в одну сторону, развернулись и проехали в другую, оставляя за трактором вспаханную полосу земли, новым асфальтом черневшую в наступающих сумерках, ранних после лета. И Бунтов, и Фролов, наверное, многое бы могли наговорить в эту минуту приятных слов, но оба молчали, немного стесняясь распиравшей радости, и поэтому скрывали ее.

Они будто знали, что в эти минуты за ними наблюдал Черногорец, добравшийся до Лонска и с высоты холма отчетливо видевший свет фар в поле за Казачьей Засекой. И свет этот не был чужим ему, потому что, как показалось Артему в этот момент, лился он не от неживого предмета, а из душ новых товарищей.

К Розе Бунтов попал дня через три. Почти случайно, когда утром отправил Фролова в поле, а сам пошел к будущей мастерской. Проходя мимо огорода Устиновой, он неожиданно увидел ее саму и застыл, не зная, что делать. Окликнуть — никак невозможно, пойти нахально днем — тоже не лучший вариант. Пока он раздумывал, Роза позвала, дважды махнув, и тут уж Бунтов забыл обо всем на свете. Он быстро прошел межой, прошуршал в саду листьями и нырнул во двор, где она его ждала, и сразу с вопросом:

— Ты ведь на работе должна быть?

— А я теперь через день хожу! Корреспонденции мало стало, а за тысячу в месяц каждый день работать необязательно, — принялась рассказывать Роза, но сама себя оборвала и укорила: — Мы так и будем во дворе торчать? Хотя бы поцеловал! Или разлюбил совсем?

— Прости! Закружился в последние дни: то с картошкой, то теперь вот с новым трактором.

— Да уж видела... Всю улицу загородил своей машиной. Зазнался, пооди? Ладно, пошли в дом. У меня для тебя новость есть!

В комнате она подала ему газету, а на ней чуть ли не на половину страницы его портрет и статья, название которой сразу бросилось в глаза аршинными буквами: “ЗЕМЛЯ НАШЛА ХОЗЯИНА!” И хозяин, как понял Андрей, скользнув по странице глазами, не кто иной, как он сам!

— Им бы только приврать! — сказал вслух Андрей, вспомнив приезжавших в поле корреспондентов, и улыбнулся: ведь что ни говори, а видеть себя в газете приятно. Это факт.

Пока он просматривал статью, Роза гремела посудой, но сама же себя остановила, как только он положил газету на стол:

— Потом чаю попьем! — и сразу начала раздеваться. Заметив, что Бунтов не спешит, укорила: — А ты особого приглашения ждешь, передовик?

Неожиданное Розино нахальство смутило Бунтова только на минуту, даже менее, потому что через минуту он уже обнимался с ней под одеялом, забыв обо всем на свете. Он не знал, сколько продолжалось блаженство, и даже не сразу понял, что произошло, когда под окнами раздался чей-то голос, а следом за ним удар в оконную раму... Роза с Андреем сразу затихли, прислушались, ничего не понимая... И тут новый стук и явственный голос Валентины как раз под тем окном, где они залегли:

— Бунтов, выходи! Ведь знаю, где укрываешься!

В этот момент Роза вскочила с постели, суматошно начала одеваться, а Андрей продолжал лежать.

— Вставай! — поторошила его Роза.

— Теперь уж все равно... — вздохнул Бунтов и только тогда нехотя поднялся.

— Я долго буду ждать-то?! — раздался вопль Валентины. — Сейчас ведь все окна перебыю!

— Иди, выйди к ней! — попросила побледневшая Роза, а Бунтов отмахнулся:

— Пошумит-пошумит и уйдет. Пусть доказывает потом!

На какое-то время установилась тишина, и вдруг действительно раздался звон разбитого стекла: в одном окне, в другом... И крик, крик на всю улицу, но Бунтов по-прежнему отмалчивался, лишь скрипел зубами, наблюдая, как осыпаются стекла. Он даже увидел саму Валентину, мелькнувшую между занавесками, в которые она ширяла колом, словно за ними притаился кто-то ненавистный. На крик стал народ собираться. Бунтов видел, как подошла Вера Пичугина, Авдотыха как из-под земли выросла, а самое противное — откуда-то появилась Марьяна Половинкина, которую обычно из администрации не вытянешь. Бабы, перешептываясь, стояли в сторонке, а растрепанная и раскрасневшаяся Валентина ходила под окнами и била и била колом по стеклам.

— Если не выйдешь, и веранду всю расколошмачу! — кричала она при этом на всю улицу. — Выходи, а то ведь дом подожгу!

Тут уж Половинкина не удержалась:

— Бунтова, что себе позволяешь? Мне, может, милицию вызвать?

— Вызывай, а своего гада я все равно проучу, а гадине глаза косые выцарапаю!

Бунтов слушал, слушал и собрался на выход, печально посмотрел на Розу, поцеловал:

— Ты уж извини, что так получилось.

Он вышел через двор, попросив Розу на всякий случай закрыться изнутри, и увидел перед собой растрепанную, разъяренную жену. Она что-то начала кричать, а он спокойно взял у нее кол и сказал:

— Пошли домой, нечего людей смешить... — и, подхватив под руку рыдающую Валентину, сказал собравшимся бабам: — Цирк закрылся, можно по домам расходиться!

Он довел Валентину до дома и отправился на шоссе.

— Ты куда? — спросила она испуганно.

— Куда надо! — ничего не стал он объяснять.

На шоссе несколько машин пронеслось мимо, и неожиданно показался мотоцикл перловского гаишника Свиридова, неожиданно остановившийся.

— Прыгай! — крикнул Свиридов, и Бунтову ничего не оставалось, как забраться на сиденье и покрепче ухватиться за скобу. — В Лонск?

— Куда же больше.

Соскочив с мотоцикла на центральной площади, Бунтов отправился в хозяйственный магазин, где накупил стекол, сам упаковал в картонки и договорился с водителем подвернувшихся “жигулей”, чтобы тот подкинул до Казачьей. Вернувшись в слободу, он сразу подъехал к дому Розы. Выгрузил груз, постучал в окно и, когда Устинова испуганно выглянула из двери, занес стекла в веранду, где обнял Розу и долго стоял молча, и она молчала.

— Пойду за стеклорезом! — наконец, немного отстранившись, сказал Бунтов. — Не переживай, все хорошо будет!

Вернувшись к себе, он зашел в сарай, прихватил кое-какой инструмент, потом заглянул в дом, чтобы взять стеклорез, а Валентина сразу с вопросом:

— Куда намыливаешься?! Если к казашке, то надо разрешения у меня спросить, как у законной супруги, а я не пущу, так и знай!

— Ух, командирша объявилась! Чего же не спрашивала разрешения, когда стекла била в чужом доме, позорилась на всю слободу. Чего, спрашивается, добилась?!

— Все равно не пущу!

— Я и спрашивать не буду, да и было бы кого!

Валентина замолчала, словно собиралась с духом, и отчаянно выкрикнула:

— Тогда забирай вещи и совсем катись!

— Так-то... — только и смог произнести Андрей, вздрогнув от слов жены, и отправился в спальню, где стоял шкаф, и, чувствуя, как дрожат руки, начал набивать своими вещами первую попавшуюся сумку. Набив, вспомнил о казацкой форме, которую сразу же сложил в подходящий полиэтиленовый пакет. Поставив сумки перед дверью, он снял со шкафа и гармонь. Задумавшись, сказал:

— Банковскую книжку гони!

— Обойдешься...

— Все равно ведь без моей подписи ни одной копейки не снимешь!

Он подхватил сумки, пинком отшвырнул дверь и выскочил на веранду, где закинул на плечо гармонь, и сошел с крыльца. Хотел идти садом, чтобы поменьше привлекать внимание, но сразу же передумал: “Я не вор какой-нибудь, чтобы кого-то стыдиться!” В этот момент с крыльца скатилась Валентина и сквозь слезы выкрикнула, отдавая чековую книжку:

— Возьми, подавись!

Бунтов молча затолкал книжку в карман и пошел тропинкой, петлявшей около домов, стараясь не оглядываться по сторонам, потому что из окон и от дворов на него смотрели любопытные глаза. Правда, он не обращал ни на кого внимания, лишь ускорил шаг, когда услышал голос Валентины, видимо, бежавшей следом:

— Андрей, вернись, умоляю! Что же ты делаешь-то, одумайся!

В конце концов она отстала, но от ее истеричного голоса захотелось побыстрее проскочить мимо нескольких усадеб, поскорее укрыться у Розы, и чтобы никто и никогда более не совался в его жизнь. Он, как ошпаренный, заскочил к Розе на веранду, а она уж ждет его, смотрит испуганно, словно напавший ребенок, и слова произнести не может.

— Пустишь жить? — спросил Бунтов и нашел в себе силы улыбнуться. — Навсегда пришел!

— Если навсегда — живи! — тоже улыбнулась Роза и добавила: — Даже если на время, — все равно живи!

Он прошел за ней в дом, положил сумки в углу, поставил гармонь на диван и притопнул:

— Где наша не пропадала! Эх, сто пятьдесят бы махнуть, тогда совсем бы недурственно было!

О выпивке Бунтов вспомнил совершенно случайно, но сейчас был именно такой случай, когда он не отказался бы от рюмашки. А что, разве он не заслужил за последние полгода? Разве не заслужил за сегодняшнюю нерво-трепку? Шальная и непривычная мысль о выпивке, от которой он по-настоящему отвык, не давала покоя, пока он примерял и резал стекла, вставлял в рамы, но никак не могла оформиться в конкретное предложение. И повод нашелся, когда Роза подошла и стеснительно, даже стыдливо спросила:

— Обедать-то когда будем?

— Вот застеклю, тогда можно и перекусить! Хотя нет: это нам сегодня не подходит! Давай-ка настоящий стол организуем, как на свадьбе!

— Смеешься, что ли?

— Вполне серьезно говорю... — Бунтов достал из кармана деньги, отсчитал приличную сумму. — Сходи в магазин и купи закуски хорошей и бутылочку, какую побогаже! Думаю, коньяк можно взять, и шоколадку к нему! Денег не жалею — не последние. А что: гулять так гулять!

— Ты что, гулять пришел?

— Нет, конечно, но и от рюмки сегодня грех отказаться!

— Тебе нельзя!

— Если Бунтов говорит, значит, можно! Не слушай никого. Только меня!

Роза ушла, а Бунтов пожалел, что отправил ее: не дай Бог, встретится с Валентиной в магазине, — ведь кровопролитие может быть! Валентина сразу поймет, откуда деньги у Устиновой. Но зря он переживал. Роза вернулась быстро, и с другим настроением, словно на красивом концерте побывала. Бунтов вскоре закончил резку стекол, правда, в конце торопился и обрел палец, но не сильно. Роза принесла йод, бинт и сама забинтовала ему палец. Пока бинтовала, Бунтов обнял ее свободной рукой, чувствуя, как душу наполняет необъяснимая радость.

Когда сели за стол и он откупорил бутылку, то внутри его будто появился знакомый человек и начал нашептывать голосом жены: “Одумайся, Бунтов! Ты что себе позволяешь?” И Андрей усмехнулся в ответ: “Я полгода тебя слушал, по струнке ходил! А теперь у меня и своя голова есть!” Он разлил коньяк по рюмочкам, подсел к Розе и, прежде чем выпить, пристально

посмотрел в ее грустные глаза, словно хотел заглянуть в душу, по-настоящему понять ее саму, ведь до этой минуты они все делали на ходу, бегом, насколько не задумываясь над тем, что делают. А теперь, пожалуйста, смотри друг на друга, сколько хочешь, и никто не помешает!

— За нас с тобой! — сказал Бунтов и, легонько стукнув своей рюмочкой по рюмке Розы, одним глотком выпил коньяк, почти не ощутив вкуса.

Роза отпила глоточек и поставила рюмку, взяла по кусочку шоколада себе и Бунтову, из своих рук положила ему в рот и сказала:

— Закусывай!

А Бунтову и есть-то совсем не хотелось. В этот момент он с подзабытым ощущением почувствовал, как сразу же запынел, как приятным теплом наполнилось все тело. Ощущение было настолько необычным, будто он выпил впервые в жизни, а не заново привыкал к этому прекрасному состоянию. Невольно подумал: “Вот, как надо пить-то! Редко, но с настроением, чувством, а не так, как всю жизнь глотал!” Правда, когда повторил, то ощущение показалось не столь уж необычным, почти таким, каким оно было всегда.

— Вот теперь и закусить можно!

Перекусив, Бунтов взял гармонь и начал играть, и игра его показалась Розе необыкновенно громкой.

— Потише, а то, наверное, с улицы слышно! — пугливо попросила она.

— А кого бояться? Мы теперь сами себе хозяева!

Он хотя и хорохорился, но понимал, что Роза сейчас всего боится, и только лишь поэтому отложил гармонь, потянулся за бутылкой и налил себе еще. Хотел налить и Розе, но она отказалась:

— Не хочу... И тебе хватит для первого раза!

— А второго не будет! — твердо сказал Бунтов, как кованый гвоздь вбил.

Она подошла к нему, чмокнула в щеку. От ее поцелуя он сразу почувствовал себя не чужим в этом доме, а хозяином. Поэтому и сказал, как приказал:

— Пошли, повалеемся!

Они не заметили, как наступил вечер, и напомнил о нем рокот трактора под окнами. Бунтов выглянул в окно, а это “Кировец” улицу загородил. Бунтов оделся, вышел на веранду, а Коляня уж на крыльце сидит, дожидается.

— Чего приперся-то? — недовольным голосом спросил Бунтов.

— Твоя послала... Говорит, ты там больше не живешь! Что произошло?

— То и произошло, — оглянувшись на входную дверь, сказал Бунтов. — Валентина застучала. Стекла поколотила!

Фролов улыбнулся:

— Значит, у вас все серьезно!

— А ты как дума! Хотя три дня для свадьбы бери... Ладно, как-нибудь обойдусь. Завтра я в поле, а ты Артему помогай! — сказал Бунтов, давая понять, что разговор окончен.

Все-таки не зря приходил Коляня. После разговора с ним Бунтов вернулся в наезженную колею, когда к нему вернулся привычный ход мыслей, именно такой, какой был в последние дни, и вернулось привычное настроение, какое могло быть только в доме Розы. И Бунтов сразу забыл обо всем на свете, только знал, что есть Роза и он рядом с ней. Утром она сказала:

— Теперь понятно, почему твоя так бегае за тобой!

— Почему же?

— Сам догадайся!

— А-а-а, — улыбнулся Бунтов. — Это коньяк виноват!

Начавшееся с шутки, в дальнейшем наступившее утро Бунтов не мог выделить как-то по-особенному. Даже хуже того: когда Роза собралась на работу, и он собрался, потому что оставаться в чужом доме одному показалось невыносимым делом, особенно теперь, когда только-только по-настоящему понял, что вчера произошло! А вернее сказать: что вчера натворил! Зачем-то

вышивку устроил, сразу перечеркнул те долгие месяцы, когда держался, не смотря ни на что, особенно первые две-три недели. А теперь все надо начинать сначала.

С этой душевной горечью он доработал до обеда, но голода почему-то не ощущал. Наверное, оттого, что не осталось у него теперь такого места, куда можно прийти и съесть тарелку супа в свое удовольствие, попить чаю, и где бы его ждали по-настоящему: к Валентине уже не пойдешь, а к Розе еще не привык ходить. Каким ни пасмурным было его настроение, но оно в один миг просветлело, когда он увидел женскую фигурку, свернувшую с проселка. Он еще издали узнал быстроногую Устинову с пузатым пакетом и оставил трактор, заглушил двигатель. Когда она подошла, Андрей спрыгнул с подножки, поцеловал Розу, посадил в кабину, забрался сам и заулыбался, спросил так, как будто не знал, зачем она пришла:

— Каждый день теперь будешь ходить?

— Да, представь себе! Тебе это не нравится?

Роза действительно стала не пропускать ни одной его смены и всякий раз неохотно уходила. В слободе, конечно, заметили эти “свидания”, от которых еще сильнее зачесались длинные языки. Разговоры и пересуды быстро разлетелись по слободе и так же легко долетели до Перловки и Темнова.

Как узнал он о событиях в Казачьей, то окончательно приуныл. Ведь больше месяца носил в душе надежду, надеялся, что у них с Розой еще не все потеряно, но теперь, получалось, оборвалась последняя слабая ниточка, на которой держалась эта надежда, и он сразу проникся обидой и отвращением к той, к которой еще недавно приходил в гости с цветами и тортом. И Темнов постарался забыть о Розе и несколько дней обдумывал, как бы покультурнее поговорить с бывшей женой, как с наименьшими потерями для собственного достоинства прийти в гости, чтобы Татьяна поняла, что пришел он не к сыну-старшекласснику, как обычно приходил в последнее время, а к ней. И когда все обдумал, то в ближайший выходной появился при параде, да с цветами, шампанским и пакетом сладостей. Когда бывшая жена вышла на веранду открыть, он не узнал Татьяну, всегда ходившую по дому в вытянутом на коленях трико и облезлой футболке, а теперь представшую в бархатном темно-лиловом халате, в котором показалась необыкновенно роскошной, но и холодной. Она сразу все поняла, с каким настроением появился бывший муж, и тряхнула головой, крашенной во все цвета радуги.

— Ну и чего скажешь?

— Решил серьезно поговорить... — неуверенно отозвался Алексей и неловко поправил волну на лбу.

Татьяна вздохнула:

— Спихватился... Хотя я наперед знаю, о чем ты будешь долго и скучно говорить. Нудный ты, Леша, ревнивый не в меру. С тобой от тоски засохнешь.

— Уж какой есть... Так и будем стоять в дверях?

— Проходи, если уж пришел...

Она пропустила его, сына дома не оказалось, и можно было поговорить по-человечески, если уж не душевно, то хотя бы нормально, но, проходя в дом, Темнов подумал, что пришел напрасно, ничего из сегодняшнего вымученного визита не получится. Он это сразу понял, и о чем бы ни говорил со своей бывшей, в голове вертелась некстати вспомнившаяся мысль о разбитой чашке, которую, как ни старайся, а без шва не склеишь. У них с Татьяной, видимо, был тот самый случай.

Если бы Бунтов знал о заботах Темнова, то вполне бы мог сравнить их со своими, которые стали особенно заметны в то же самое воскресенье. Хотя ничего особенного не произошло: из Электрика приехала Розина дочь Маша с мужем. Дочь внешне мало походила на мать, природа сделала свое дело и почти лишила азиатских черт, которые были так заметны в Розе. Маша более напоминала южнорусскую казачку: круглобровая, румяная, она, наверное, и подвижная недавно была, но сейчас на большом сроке беременности казалась неуклюжей, и те несколько часов, какие она пробыла со своим Игорем в гостях, просидела, развалившись на диване, о чем-то время от

времени перешептываясь с матерью. Бунтову не понравилось, что они замолчали, когда он заходил в комнату. Когда же сели обедать, то Маша во все глаза рассматривала Бунтова, и тот невольно отводил взгляд. Да и муж ее, Игорь, — остроносый, — с редкими прилизанными волосенками человек неопределенного возраста, — не понравился Бунтову. Поэтому, чтобы не пялиться друг на друга, Бунтов отправился за двор, решив поднять завалившийся забор. Думал, Игорь придет на помощь, но тот так и не появился. Они даже уехали, не простившись, поступили с ним, как с наемным работником. И Бунтов сразу почувствовал себя в этом доме чужим человеком. Не помогло даже и то, что позже к нему пришла Роза и, присев на пенек, вздохнула:

— Только-только с посудой разобралась.

Она сказала искренне, а он посчитал отговоркой, желанием оправдать дочь и зятя. Роза, видимо, догадывалась о том, что творилось у Бунтова в душе, хотела что-то сказать, но не осмелилась или до конца и сама не знала верного решения, смущенная неожиданным появлением дочери, перед которой не представляла, как вести себя, как объяснить появление в доме постороннего человека. Бунтову тоже не хотелось говорить на эту тему первым, но, чтобы не молчать, сказал:

— Надо нам с тобой в другие края перебираться, здесь жизни не будет!

— И куда же?

— Например, к моему брату. Это в нашей же области, только в другом районе. Место тихое, привольное, земля черноземная — благодать!

— А жить-то где будем?

— Присмотрим что-нибудь. Сейчас в каждом селении хватает брошенных домов. Да и не на пустое место поедем. В случае чего, брат подскажет, поможет. А там, глядишь, и сами помаленьку обустроимся.

Роза задумалась и ничего не сказала, и Бунтов понял, что у нее нет желания еще раз менять обжитое место. И он не стал ее волновать, сказал неопределенно:

— Спешить нам необязательно...

Роза ушла, а Бунтов остался со своими мыслями один на один и не переставал удивляться своей придумке о брате, о котором очень вовремя вспомнил, хотя давным-давно не вспоминал, заматавшись с делами. А что, очень даже хорошая мысль. Главное, что на новом месте не надо будет прятать глаза. Он даже представил, как встретится со старшим братом, которого действительно редко видел, с тех самых пор, когда тот, отслужив в армии и возвращаясь домой, познакомился в дороге с симпатичной девахой, смахнувшей в свое село с лешачьим названием Сычи.

Да, Андрей легко поддался мечтам и, отработав на следующий день в поле, утром, как только Роза отправилась на почту, завел “Беларусь” и решил вспахать свой огород, чтобы не оставлять — в случае чего — о себе недобрую память. Бунтов заехал на огород, распугав дроздов, облепивших рябины на меже, и, разворачиваясь, не узнал собственного почерневшего сада с наполовину облетевшей листвой и сквозившего теперь оголившимися сучьями. Почему-то никогда прежде не думал, что его сад может выглядеть так пугающе. Он уж допахивал, с особой тщательностью работая у межей, когда в саду мелькнула синим платком Валентина. Она облокотилась о колья и внимательно смотрела на Бунтова, а тот словно не замечал ее. Наконец не выдержал, остановился, подошел к жене и спросил:

— Чего уставилась-то? Или давно не видела?

Вместо ответа, она сама спросила:

— Тебе не надоело скрываться-то?

У Бунтова мелькнула мысль рассказать о скором переезде, но вместо этого неожиданно для самого себя спросил:

— Генка-то не звонил? Ничего не говорил о кормокухне?

— Звонил, о тебе спрашивал. Чем, мол, отец занимается? Сказала, что пашет день и ночь — краше в гроб кладут.

Он повернулся, не желая более говорить, но она остановила:

— Да, забыла спросить: сколько должна за вспашку-то?

От такого ехидства все в нем перевернулось, но сдержался, промолчал, забрался в кабину и поехал на Алешню мыть трактор. Мыл не спеша, сожалея, что трактор этот не возьмешь с собой в Сычи, придется Коляне передавать по наследству. Нет, трактор Бунтову не жалко, жалко бросать начатое дело. Возвращаясь с Алешни, он решил сразу отогнать “Беларусь” Фролову, но на въезде в слободу заметил красный пуховик Марьяны Половинкиной, семенившей по порядку с какими-то бумагами. Половинкина увидела трактор Бунтова издали и махнула Андрею: мол, остановись, дружок! Бунтов затормозил, выглянул из кабины:

— Чего хотела-то, Марьяна Кирилловна?

— Поговорить надо... — настойчиво сказала она и затоптала папироску. Бунтов, как школьник, встал перед главой администрации, в последний момент сообразив, что этого делать как раз и не надо бы.

— Жалоба на тебя, Бунтов, поступила! — начала отчитывать Половинкина. — Хотя теперь ты лицо в нашей слободе значительное, но и тебе необходимо задуматься о своем поведении!

— Ну, и кто же жалобщиком оказался?

— Сам знаешь кто! Возвращаясь к Валентине, она вся слезами изошла, через день в церковь ходит, день и ночь молится за тебя, вся извелась. А Роза — рискованная баба, ей терять нечего. Намучаешься с ней, уж поверь мне! С Валентиной-то ходил чистый, ухоженный, а теперь, погляди, на кого похожим сделался?

— А вот это, дорогая Марьяна Кирилловна, тебя не должно волновать! И нечего на жалость давить. Не нуждаюсь!

Даже не попрощавшись, Бунтов запрыгнул в кабину и с места по газам. “Адвокатша нашлась, нос свой везде сует! — бушевал и ругался Бунтов в душе на Половинкину. — Сидишь в своей конторе и сиди, нечего людей сплетать!”

Валентина ожидала чего угодно, но только не “милости” Бунтова, когда увидела огород вспаханным. Это надо до чего снизошел, что называется, — расщедрился! Она попыталась равнодушно принять его жест и все-таки не смогла. А тут еще Половинкина стала приставать.

— Я бы на твоём месте и минуты не ждала, не дала бы мужику очухаться! В тот же день привела его назад! А ты все чего-то гордую из себя строишь! — всякий раз горячилась Марьяна, закуривая папироску, словно муж ушел не от Валентины, а лично от нее.

Валентина же отмалчивалась, краснела да пускала слезу, обещала сходить и забрать Андрея, но никак не могла побороть в себе обиду и гордость, не могла первой пойти на уступку, не могла унижить себя — и от этого еще больше страдала. В первые дни была мысль позвонить сыну, пожаловаться на отца, но и это не смогла сделать. Не могла побороть себя, признаться в том, в чем стыдно признаться даже постороннему человеку, а не только взрослому сыну. Была, правда, мысль поговорить с Мариной, но та вот-вот должна уйти в декрет — волновать не хотелось.

Все открылось в следующие выходные, когда, как показалось, ни с того ни с сего приехала дочь с семьей. Марина сперва принялась делиться с матерью женскими секретами и могла бы, наверное, говорить о собственном положении и предстоящих родах бесконечно, но тут вернулся с улицы Павел и сразу попросил вазу для букета из красно-оранжевых рябиновых ветвей:

— Все-таки красиво в сельской местности! Природа — загляденье. Сейчас за огороды вышел — и дух захватило! Поле вспахано до горизонта, а вдалеке трактор-красавец кораблем плывет по нему! Николаич, что ли, старается?

— Он и старается... — растерялась Валентина. — Они с Фроловым по очереди через день влепились работать.

Когда собрались за стол, Марина спросила:

— Отца-то будем ждать?

— Без него можно... Его дотемна прождешь, а вы с дороги!

За столом долго не рассиживались и вскоре разбежались кто куда: Данилка подсел к телевизору, Марина с матерью принялись за посуду, а после занялись в кухне тестом, решив завтра испечь пирогов. Павел вышел к машине, а как стемнело, вернулся и, заглянув в кухню, спросил у тещи:

— А где “Беларусь”?

— К Фролову отец отогнал, чего-то чинить собирались... — в очередной раз отговорила Валентина и совсем расквасилась, не в силах более обманывать.

Когда Павел ушел к сыну в комнату, она неожиданно уткнулась в фар-тук, начала всхлипать, а Марина сразу заволновалась, даже с табуретки поднялась:

— Мам, случилось, что ли, чего?

— Вот именно — случилось... Отец-то ушел от меня, у казашки скрывается!

— Ну и дела! — прихлопнула розовыми ладошками Марина. — И чего же ты раньше молчала? Сразу бы позвонила, раз такое дело!

— Все думала — вот-вот образумится и вернется, а он, видно, и не думает. Да разве с ним поговоришь... Уж на что Половинкина жох-баба, но он и ее шуганул. Как с цепи сорвался — никого слушать не хочет!

— Ничего — нас послушает... Мы сейчас с Павлом сходим за отцом, как бычка на веревке приведем!

— Да уж ладно, не выдумывай — срамиться пойдете!

— И пойдём! — начала заводиться Марина и крикнула мужу: — Паш, одевайся, пошли за отцом!

— Чего, у него ног, что ли, нет? — не понял Павел просьбу, потому что все еще ничего не знал о тесте.

— Ноги у него только в одну сторону ходят! Он ведь в другом доме живет, маму бросил!

— Я-то при чем?

— Не ходи, не ходи — сама пойду, если уж мужики такие дружные! — чуть ли не в истерике закричала Марина и позвала сына: — Данилка, пошли, мой хороший, за дедушкой!

Они в две минуты собрались, вышли на улицу, а Валентина, не закрывая за ними, вернулась в дом и залилась слезами, совсем растерявшись от навалившихся переживаний и стыда.

Зато Марина, нисколько не смущаясь, за пять минут дошла до Розино-го дома и требовательно дукнула кулаком в раму. Не сразу, но в доме зашевелились, а вскоре и входная дверь скрипнула, а из веранды раздался несме-лый голос хозяйки:

— Кто там?

— Родственники! — пошутила Марина, хотя ей в эту минуту было сов-сем не до шуток.

Дверь приоткрылась, и в темном проеме показался женский силуэт:

— Андрея Николаевича нет...

— Прячешь, что ли?

— Он позавчера уехал в Сычи... На похороны брата...

— Смотри, если врешь!

Она молча вернулась и, не хуже матери, неожиданно разрыдалась:

— Ну что это за жизнь такая? Что происходит, если мы хуже диких зве-рей стали! Даже те заботятся друг о друге, помогают, а мы... — сквозь слезы приговаривала она, и Валентина кинулась уговаривать дочь, еще не зная на-стоящей причины ее слез, даже укорила, видя, что дочь вернулась без отца:

— Говорила тебе, чтобы не позорилась, говорила ведь!

— Эх, мама, мама! Не о том я совсем. У нас ведь дядя Коля умер, и па-па уехал хоронить его, а мы ничего не знаем! Вот что обидно!

— Может, еще не поздно? — спросил Павел. — А что, машина есть, сейчас собрались бы и махнули. Езды-то всего два часа!

— Поздно спохватились... Отец три дня назад уехал, не сегодня-завтра вернется. Тогда уж сам и расскажет, что там и как произошло, — предпо-ложила Марина. — А так вполне можем разминуться.

Все на какое-то время притихли, почти растерялись, обдумывая сложившуюся ситуацию и себя в ней. Лишь Данилка ластился к матери и что-то тихо говорил ей на ухо, успокаивая. Но его детская непосредственность не смягчила сердца взрослых, лишь добавила невысказанного горя, которое совсем некстати прижилось в бунтовском доме.

Сам же Бунтов в этот вечер собирался возвращаться в Казачью Засеку, похоронив накануне единственного брата и все еще не поняв до конца, как это произошло и почему? Ведь Николай не такой уж и старый, только-только в прошлом году вышел на пенсию. Правда, он в последнее время жаловался на ноги, по врачам ходил, даже в больнице лежал на обследовании, и признали у него варикозное расширение вен — болезнь неприятную, но не смертельную. А тут простудился, началось воспаление легких, и его вновь повезли в больницу.

— Я и думать ни о чем таком не думала, — рассказывала его жена Нюра — ротастенькая, курносенькая бабенка, часто испуганно моргавшая. — В больницу повезла Николая, а по пути у него это и случилось... В один миг преставился, только успел сказать “Прощай!”. Врачи позже сообщили, что тромб у него отделился и притек к сердцу.

Бунтов, как мог, утешал вдову и приехавших из Москвы и Тамбова двух его сыновей с женами и все никак не мог отделаться от собственных мыслей, какие прижились в нем еще несколько дней назад, когда обсуждали с Розой возможность переезда. А теперь, получалось, и ехать некуда, потому что без брата это село показалось безлюдным, даже печальным.

На следующее после похорон утро Бунтов проснулся затемно и, распрощавшись с разрыдавшейся Нюрой, племянниками, один из которых подвез на машине до поселка Сарай, откуда автобусы ходили на Рязань, уехал. После обеда сошел в Лонске и только тут почувствовал, что да, теперь он дома! Когда же через полчаса ступил в Казачью Засеку, то по-настоящему вспомнил о Розе и решил заскочить в магазин, чтобы не с пустыми руками явиться к ней. Накупил продуктов, вышел из магазина, а навстречу шагает Павел с сыном — откуда только и взялись? Увидел Данилка деда — и со всех ног к нему. Подбежал, обнял, в глаза заглянул и как закричит на всю улицу: “Ура! Дедушка вернулся!” А у Бунтова от его голоса слезы, того и гляди, ручьем брызнут!

Андрей поздоровался с подошедшим зятем, взял за руку внука, а что говорить и как вести себя далее — с этим заминка. Чтобы хоть как-то снять неловкость, спросил у Павла:

— Когда прибыли-то?

— Вчера вечером... — туманно ответил зять, а сын его уточнил:

— Тебя, дедуль, искали... Ходили с мамкой к другой тетеньке. Ты больше не дружи с ней, она злая!

И все-таки они разошлись кто куда: Павел с оглядывавшимся сыном в магазин, а Бунтов через ближайшую чужую усадьбу выскочил за огороды, чтобы не мелькать на улице. Через Розин сад по-воровски пробрался к ее веранде, постучал, но Роза не отозвалась, не мелькнула, как обычно, в окне. Пришлось уйти за двор и искурить там не одну сигаретку, потому что ключа от Розино дома у него все еще не имелось. А как накурился, то услышал, что кто-то стукнул дверь веранды, выглянул Бунтов из-за дома и увидел Розу. И она его увидела, выжидающе и виновато заулыбалась, словно чувствовала за собой какую-то вину, и кинулась навстречу. И он обнял ее, поцеловал, повел в дом, стремясь побыстрее скрыться от возможных любопытных глаз. В первые минуты они не могли наговориться, особенно когда Бунтов рассказывал о поездке, о том, что увидел и услышал в Сычах, а когда умылся с дороги и сел обедать, коротко поговорив о слободских делах, то вроде бы и говорить стало не о чем, и каждое слово приходилось вытаскивать из Бунтова клешнями, особенно когда он вспоминал встречу с внуком. Роза это изменение сразу заметила и пугливо спросила:

— Или видел кого?

— Да так... — не стал он ничего объяснять.

Роза, заметив его смущение и догадавшись о том, что он успел кого-то встретить из своей семьи и теперь скрывает это, сама призналась:

— Вчера твоя дочь приходила... Позорила меня, даже сына не постеснялась!

— Чего добивалась-то?

— Папочку своего искала, хотела домой под конвоем отвести.

— Ладно уж... Не кривляйся! Ничего смешного не вижу!

— Хочу и буду кривляться! А тебя все равно не отдам. Так и знай! — настырно сказала она и добавила с привычной заботливостью в голосе, в которой было больше игривости: — Отдохни с дороги.

Он разделся, забрался под одеяло, она сразу нырнула к нему, и впервые за последние месяцы Бунтов не почувствовал в себе нестерпимого чувства, которое всякий раз оживало, едва Роза оказывалась рядом. Что-то изменилось в нем за последние дни, и он не мог до конца понять, что именно, не верил в то, что смерть брата отсекала все возможные пути отступления из слободы. Нет, конечно. Ведь страна велика, и на Сычах белый свет не сошелся клином. Дело в чем-то другом. Чтобы хоть как-то сгладить все нараставшее неудовольствие, воспользовавшись моментом, когда Роза начала собирать к чаю, Бунтов оделся и сказал:

— Пойду до Коляни добегу... Насчет работы надо поговорить.

— Добеги, — согласилась Роза, — только недолго бегай.

Он отмахнулся на ее шутку, надел куртку и, попросив закрыть за собой дверь, вышел на веранду. С крыльца спустился, а за палисадником кто-то стоит, почти незаметный в сгустившейся темноте. И вот уж отделился от темнеющего куста сирени и... Присмотрелся он, а это Валентина загородила дорогу.

— Все подглядываешь? — усмехнулся Андрей.

— И не собираюсь больше подглядывать! За тобой пришла! Ты долго нам будешь нервы-то трепать? Весь дом взбаламутил! Данилка второй день слезьми обливается, а тебе хоть бы что! Совесть-то хоть есть? — спросила Валентина и подступила к мужу, прижалась к нему и затряслась в беззвучном плаче.

Что-то в этот момент хрупнуло в Бунтове, даже сломалось, заставило изменить отношение ко всему, что происходило вокруг него в последние месяцы. Он будто посмотрел на себя со стороны, и оказался ему увиденный человек до такой степени смешным, неуклюжим в поступках своих и оттого неизмеримо жалким, особенно в те моменты, когда выказывал свой гонор и что-то кому-то пытался доказать. И он не выдержал такого унижения перед самим собой, обнял Валентину и вздохнул:

— Скоро приду...

— Правда, Андрюш?! — посмотрела она на него, а он увидел, как блестят ее глаза, полные слез. — Пойдем сейчас, сразу! Вот Данилка обрадуется!

— Сейчас не могу, совестно... Завтра вечером приду, когда Марина уедет.

— А сейчас-то куда собрался?

— К Коляне надо сходить, поговорить о работе.

— У него и заночуй, не смей сюда возвращаться!

— Считаю, что договорились, мой командир! — пошутил Бунтов и неожиданно для себя поцеловал Валентину, прижал к себе и стоял с ней в обнимку, чувствуя, как вся она ходит ходуном.

Он действительно засиделся у приятеля, зная, что Валентина сразу домой не уйдет и захочет проверить его обещание. Попив чаю с Полиной, Коляней и его сухороброй тещей, посмотрев какой-то фильм, во время которого даже вздремнул, Бунтов все-таки собрался уходить.

— Чего так долго? — сонно спросила Роза, когда он вернулся. — Я уж начала переживать!

— Обсуждали дела с Коляней, да разве все обсудишь... Давай будем спать. Завтра работать. Несколько дней подряд, — отговорился Андрей, так и не набравшись духу, чтобы признаться Розе в том, что сегодняшняя ночь у них последняя.

Он и утром не открыл свои мысли и поспешил к трактору, быстро выскочил за слободу, боясь встретить кого-нибудь из своей семьи. Пока ехал до дальнего поля, до которого надо было добираться километра три, радостно думал о том, что в такую даль да после дождя никто к нему не придет, никто не будет лезть в душу. Да и чего теперь лезть, когда он сам все для себя решил и хотел, чтобы вся эта суета поскорее закончилась.

Подобными мыслями Бунтов мучился весь день и, в конце концов, не заметил, как начали сгущаться сумерки, и он взял курс на слободу. Когда въехал на свою улицу, у него еще был выбор, у какого дома остановиться... Он затормозил трактор все-таки около своего крыльца и сразу увидел выглянувшую из веранды Валентину, разглядел на ее лице едва заметную улыбку.

— Ребята уехали? — спросил он, не зная, как начать разговор.

— Уехали, тебе привет передавали... Ну, чего застыл-то? — спросила Валентина после паузы. — В дом проходи!

— Схожу, вещи возьму, чтобы потом не возвращаться.

Бунтов пошел вдоль порядка, а ноги не хотели идти, подкашивались. Когда оказался у дома Розы, то долго не решался постучать в окно, а когда все-таки постучал и увидел ее за стеклом, то почувствовал, как заколотилось сердце.

Роза выскочила на веранду и почти с отчаянием спросила:

— А трактор где?

— За вещами я пришел! — поставил он ее перед фактом и очень был в этот момент рад тому обстоятельству, что Роза в темноте не могла разглядеть его глаза.

Она ничего не сказала, лишь охнула, словно оступилась, и пошла в дом. Бунтов за ней. Остановился на пороге и сказал:

— Прости... — И ничего более не стал объяснять и мямлить.

Роза молча собрала его одежду, вынесла пакет с казачьей формой, подала гармонь. Приподнявшись на цыпочках, поцеловала в щеку:

— И ты меня прости... Всегда буду любить тебя!

Андрей ушел, а Роза вернулась в дом, упала на кровать и разрыдалась. Почему-то сразу вспомнилась вся жизнь: и до замужества, и после. Почему-то так получалось, что ее всегда все бросали. Одноклассники, потом лейтенант-десантник, приехавший в отпуск... Она бы могла вспомнить еще нескольких мужчин, с которыми рассталась не по своей воле, любила их до последнего дня. И Андрей оказался ничем не лучше их. Эта мысль-прозрение заставила Розу успокоиться. Она поднялась с кровати, умылась и вновь легла, но теперь с другим настроением. “На нем белый свет не сошелся клином!” — холодно подумала она и вновь разревелась.

Бунтов же, прощаясь, был готов разрыдаться от ее неженского спокойствия. Не найдя сил, чтобы хоть что-то сказать, он подхватил вещи и нырнул под притолоку, как ошпаренный выскочил на улицу. Не помня себя, дошел до дому, а Валентина по-прежнему дожидалась на крыльце. Увидев мужа, самодовольно улыбнулась:

— Молодец, быстро вернулся!

Она похвалила, а он в этот момент был готов задушить ее.

Когда прошли в дом, Валентина приняла вещи и сказала:

— А теперь в баню иди и отмывайся. Грехов на тебе много накопилось!

На следующий день Валентина отобрала у Бунтова чековую книжку, расспросила, сколько денег они с Коляней да Артемом потратили и на что, и жизнь у Бунтова потекла так же, как и текла все лето, с той лишь разницей, что спать теперь он перебрался в дом. Правда, укладывался на диване отдельно от Валентины.

Роза только в первые минуты после бегства Бунтова внешне спокойно восприняла его предательство, потому что хорошо видела со стороны, как он мучается, находясь меж двух огней. Но когда он оставил ее, даже не поговорив напоследок по-настоящему, все равно сделалось обидно до невозможности. Она не заметила, как высохли слезы, а сердце загорелось решительностью. И, находясь в разобранном состоянии, когда хотелось кричать от

отчаяния, она вдруг вспомнила о Темнове и удивилась, почему относилась к нему насмешливо, можно сказать по-хамски, словно к наивному подростку. А ведь Алексей не достоин такого отношения. Он — совсем другой.

Чтобы не остудить собственный порыв, Роза сразу начала одеваться, собравшись в Перловку, потому что внутренне уже была готова к этому. Никто и ничто не могло остановить ее в эти минуты, даже наступившая ночь. Роза не помнила, как, разгоряченная, выскочила на крыльцо, накинула на дверь замок, запахнула плащ, поправила платок. Сперва шла тропинкой мимо палисадников, а потом, споткнувшись, осмелела и вышла на асфальт, укоряя себя за излишнюю осторожность. Почему она должна от кого-то скрываться? Она и мимо дома Бунтова проплыла так же гордо и пожалела, взглянув на празднично светившиеся окна в его доме, что он не видит ее в этот момент. Все-таки волнуясь и переживая, Устинова не заметила, как миновала слободу и оказалась на шоссе. Отсюда до Перловки было четыре километра, но что они ей?! За мыслями она не заметила, как, изредка прячась в кювете от встречных и догонявших машин, добралась до Перловки, и только здесь вдруг почувствовала, как заколотилось сердце. Перейдя по мосту Алешню, говорливую в этом месте, Роза вскоре оказалась перед трехэтажкой, разукрашенной светящимися окнами. Окно Темнова на втором этаже она сразу узнала, потому что еще с прошлого года запомнила его квартиру, когда три недели подменяла перловскую почтальонку, гулявшую в отпуске. Розе казалось, что легко и смело постучится в дверь к Темнову, но чем дольше жалась на лавке у подъезда, тем острее понимала, что желанная встреча все удаляется и удаляется, и вскоре наступил такой момент, когда она уж знала: если сейчас, в эту секунду не поднимется на второй этаж, то уже не поднимется никогда.

Чем дольше она томилась у чужого подъезда, тем больший стыд ее охватывал, тем острее понимала девчоночью глупость своего поступка. Она почти не помнила, как оказалась на шоссе, как немного успокоилась сама, и сердце успокоилось, только чувствовала, как горят от пережитого волнения щеки. Поэтому, когда ощутила на лице невидимые в темноте капли дождя, то обрадовалась им; они словно охлаждали душу. Незаметно дождь разошелся не на шутку, начал хлестать подобно летнему ливню, и когда Устинова добралась до Казачьей, то изрядно вымокла. И может, от этого своего неудобного состояния, от обиды ей вдруг нестерпимо захотелось, когда она проходила мимо темных окон Бунтова, расколошматить хотя бы одно из них, чтобы его толстокожая Валентина поняла, что это такое — разбитое окно! Ничего, конечно, Роза не позволила себе, тихонько прошмыгнула по тропинке мимо палисадников в свой дом. В нем хотя и было тепло, но она, переодевшись в сухое, долго отогревалась у газовой плиты, пыталась пить чай, но в эти обидные минуты душа ничего не принимала.

Дней десять Роза ходила сама не своя, многое передумала за это время. Теперь она ждала подходящего случая, чтобы увидеть Алексея и поговорить с ним, напомнить его прежние ухаживания. Она докажет, что Роза Устинова не какая-нибудь заваливающая торфушка, а самая что ни на есть роскошная женщина, которую еще надо поискать в здешних местах!

И это вскоре произошло, сбылось так, как она желала. Будучи в Лонске, Роза случайно увидела “Ниву” Темнова и остановила ее, нахально махнув перед самым капотом сумкой, чуть под машину не бросилась. Темнов даже дверку открыл, чтобы отругать разеватую женщину, но, увидев Розу, не сразу узнав ее в ярко-желтой молодежной куртке, улыбнулся, глазами указал на переднее сиденье, а она легко вспорхнула в машину, уселась рядом, почти вплотную. Он к этому дню уже знал всю ее историю с Бунтовым, знал, что тот уgomонился, вернулся к жене. Поэтому Алексей сейчас очень хорошо понимал состояние Розы, зная, что она не может успокоиться от обиды. А у него на нее своя обида, поэтому и сам не прочь был напомнить Розе, как еще сравнительно недавно увивался вокруг нее, а она тогда уж такая гордая была, такая недоступная. Размышляя, Алексей не смотрел на попутчицу, нарочито внимательно наблюдал за дорогой, все-таки чувствуя, что Роза во все глаза смотрит на него. Когда молчание затянулось, и они проехали по мосту через Лоню, как через Рубикон, она спросила:

— Так и будем в молчанку играть?

— О чем говорить-то?

— Разве не о чем? Два месяца назад вы, Алексей Алексеевич, были уж такими разговорчивыми... К себе жить звали!

— Не было такого... — буркнул Темнов и обиженно насупился.

— Понимаю: мужчине, конечно, интересно завоевать гордую женщину, а не такую, какая сама напрашивается... А я ведь особенно и не набиваюсь. Остановите машину — мне надо выйти!

— Не кипятись, — вздохнул Темнов. — До дому подвезу.

— Одолжения делать не надо.

— А я и не делаю... А если серьезно захотелось поговорить, то здесь не самое лучшее место. И не сегодня.

После этих слов Роза сразу поняла, что Темнов, увидев ее, начал оттаивать, и, может, поэтому ее так и подмывало спросить: “А когда же?” Но не спросила, промолчала, а когда у крыльца выходила из машины, настырно посмотрела блестящими глазами в глаза Темнову:

— Спасибо, Алексей Алексеевич! Когда ждать на чай с вареньем?

— Не знаю... — неопределенно отозвался тот и, резко развернувшись, поспешил уехать из Казачьей, в душе ругая себя за проявленную слабость, малодушие, когда в очередной раз пошел на поводу у почтальонки. Может, от этой неопределенности, даже растерянности, первым желанием, которое появилось, когда он вернулся к себе в контору, было желание выпить. Сейчас же, сию минуту. Он даже достал из сейфа бутылку коньяку, но тут, едва стукнув в дверь, зашла бухгалтер, и пришлось бутылку убрать под стол. Когда, сбив настроение, бухгалтер ушла, оставив приторный запах духов, Темнов повертел-повертел бутылку перед носом и, вздохнув, вернул на место, закрыл сейф.

Чтобы не мучиться вопросами, Темнов не придумал ничего лучшего, как съездить к Розе еще раз и поговорить откровенно. И когда принял такое решение, то и на душе посветлело, и вся обида на Розу пропала, словно и не было никогда. Не дождавшись окончания рабочего дня, Алексей прыгнул в “Ниву” и помчался в Казачью Засеку. Когда остановился у дома Устиновой и поднялся на крыльцо, то почувствовал дрожь во всем теле, когда же Роза открыла ему, — постарался не выдать себя и поспешно прошел за нею в дом. Впустив гостя, она остановилась, пристально посмотрела ему в глаза, спросила немного испуганно:

— Просто так приехал или поговорить? Если поговорить — тогда чайник поставлю!

— Чего зря слова переводить. Да и некогда. Собирайся — у меня чаю попьем!

— Алеша... — выдохнула Роза и, смутившись, подошла к гостю, прижалась к нему, не зная, что еще сказать, как вести себя и что делать.

Темнов по-хозяйски подсказал:

— Собери вещи, чтобы лишний раз не мотаться, и документы не забудь!

Бунтов с Коляней успели управиться с главными делами до снега, как говорится, будто украли, потому что на другой день он, как всегда неожиданно, укрыл слободу и окрестности. Бунтов проснулся в понедельник и, увидев за окном на кустах сирени белые хлопья, сразу вышел за огороды, чтобы полюбоваться простором, который почему-то особенно заметен ранней зимой. После вспашки целина за слободой рогатилась бадерником, а теперь сделалась ровной, пушистой — так и хотелось пробежаться по ней. И эта мысль была не у него одного: уже какой-то шалопутный охотник бродил по полю, и гончая собака впереди него челноком носилась. И воздух свежий-свежий, чистый-чистый. Дышишь им, и не надышишься. И радость на душе от такой красоты, а у Бунтова еще и гордость за то, что смог, сумел сделать то, что хотел, что не зря прожил последние полгода.

Он не спеша возвращался, когда около дома услышал голос Валентины:

— Андрей, Андрей, ты где? Сейчас Павел звонил, сказал, что Марина дочку родила. Вот радость-то!

— Ну, и дай Бог! Желая счастья и добра...

Они прошли в веранду и, прежде чем разуться у порога, Бунтов сказал:

— Может, сперва в магазин сбегать? Обмыть событие надо!

Валентина так жгуче глянула в ответ, что Андрей пожалел о сказанном.

— Тебе только бы причина была! Опять за старое? — не сказала, а будто ударила она.

— День-то какой? На всю жизнь надо запомнить двенадцатое ноября! Хотя понедельник считается тяжелым днем, а для нас он оказался радостным. А насчет выпивки не беспокойся. Я же не обманывал, когда говорил, что самостоятельно бросил! Законно говорю. А выпить за внучку шампанского — это нормально.

— Не более того, заруби себе на носу! — припугнула Валентина.

Бунтов сразу отправился в магазин и через двадцать минут вернулся с шампанским, конфетами. Мог бы и раньше, но зачем-то разговорился с невесть откуда взявшимися цыганками. Они сразу окружили, начали приставать, обещая предсказать судьбу, а он, вспомнив весеннее происшествие с ними, из-за которых и разгорелся тогда сыр-бор, неожиданно расщедрился.

— Без вашего гадания всю жизнь обходился, и теперь обойдусь! Но раз такая история случилась, то подарок с меня! — сказал он так радостно, словно давно ожидал этой встречи. — Зина, — обратился он к продавщице, — выдели им по шоколадке!

Оценив его щедрость, цыганки размахались руками, замелькали юбками и окончательно прижали в углу. Нет, они не испортили Бунтову настроения, да и не могли, только удивило, что они появились именно в тот момент, когда оно было хоть куда. Это настроение и за столом сохранилось. Правда, выпив шампанского, Валентина начала трезвонить по телефону, сообщая новость о рождении внучки родственникам в Скопине, а Бунтов же, оставшись не у дел, вышел на крыльцо покурить и увидел перед собой полненькую женщину в синей куртке и красном платке, жившую, кажется, в Нижней слободе. Она остановилась перед крыльцом, и только тогда Бунтов увидел на ней почтальонскую сумку Розы, к которой еще недавно пришивал оторвавшийся ремень.

— Письмецо вам, Андрей Николаевич! — не дав опомниться, глянув на конверт, сказала женщина.

Взял Бунтов письмо, хотел спросить, где Роза, почему не разносит письма, но будто язык отнялся. Сказав “до свидания”, новая почтальонка ушла, а он глянул на конверт, а на нем вместо обратного адреса казенный штамп, взглядевшись в который, Бунтов понял, что письмо от казаков. Все прояснилось, когда распечатали конверт и Валентина прочитала письмо.

— Велят тебе на собрание зачем-то приехать! — без особенной радости сообщила она.

— Не на собрание, а на Круг! — всколыхнулся и поправил Андрей. — Не зря Генка упреждал. Как сказал, так и получается! Шашку будут вручать и всю полагающуюся амуницию! Так что теперь со мной шутки плохи! Поняла, мать? А ну, где мундир, давай-ка его сюда — примерить надо!

За минуту Андрей переоделся, подошел к зеркалу в зале и, щелкнув каблуками, приложил руку к козырьку:

— Хорунжий Бунтов прибыл по вашему распоряжению!

Валентина увидела мужа в форме и прыснула со смеху:

— Да уж ладно, не выкрутасничай, хорунжий!

— А что, настоящий лихой казак! Таких в кино показывают. Только усов не хватает, и чуб отрастить надо, но это временная закавыка.

Бунтов вышагивал по комнате, вертелся перед зеркалом, рассматривая звездочки на погонах, и нравился сам себе, потому что после армейской службы ни разу не надевал форму. Он мог бесконечно любоваться, но в какой-то момент вспомнил о новой почтальонке, и невыносимо захотелось что-либо узнать о Розе: где она, что с ней случилось, почему кто-то работает вместо нее. За всем этим явно скрывалась какая-то тайна. Попереживав, не зная, как найти объяснение собственным мыслям, Бунтов сказал:

— До Коляни дойду, сапоги размять надо!

Валентина ничего не заподозрила и отозвалась почти равнодушно:

— Иди, теперь тебя все равно не удержать, раз уж на язык попало!

Она укурила выпивкой, а у него душа совсем по другому поводу маялась: хотелось быстрее увидеть Фролова и хоть что-нибудь узнать о Розе, хоть словечко услышать о ней. Ведь с того раза, когда расстались, он так ничего и не знал о ней. Тогда он постарался не думать о Розе, окончательно забыть ее, чтобы не страдать лишний раз. А сейчас прошел мимо ее дома, и сердце обмерло, потому что он стоял занесенный снегом, с замороженными окнами, и ничьих следов у крыльца! Вот так новость! С Розой явно что-то случилось, а он узнал об этом в последнюю очередь.

Бунтов надеялся на Коляню, но тот ничего особенного не сказал, только удивился, увидев приятеля в казачьей форме, выглядывавшей из-под телогрейки:

— Тебя и не узнать! Чего вырядился-то?

— Показаться пришел... Что с Розкой, где она?

— Хватился, милоч! Она еще неделю назад в Перловку усакала. К Темнову. Знаешь такого?

— Нет, не знаком...

— А я думал, ты в курсе, поэтому и не говорил ничего, не хотел душу травить. А теперь чего уж, теперь тебе надо смириться. Сам же отлепился от нее. И правильно сделал: на двух стульях долго не просидишь. Так что на нас с Полиной равняйся. Будь конкретным человеком, а не флюгером!

Бунтов слушал-слушал приятеля и шутанул его:

— Да пошел ты, учитель нашелся!

Остаток дня Бунтов слонялся по дому сам не свой. Он, конечно, и не мечтал о том, чтобы однажды возобновить отношения с Розой. Просто до сегодняшнего дня, до этой минуты хотелось знать, что она рядом, а она как косой подсекла. Даже не поговорила на прощание, не произнесла даже малюсенького словца. И от этой обиды сразу появилась мысль напиться в доску. И, наверное, напился бы, не будь Валентины, но было совестно перед ней нарушить обещание, сам себя после этого перестал бы уважать. К тому же она отвлекла, заведя разговор о поездке в Рязань, будто знала о его состоянии, правда, оговорила:

— Мечтай не мечтай, а раньше чем через неделю там делать нечего. Маринка в себя только-только придет. А через неделю вместе можно поехать: и новорожденную повидали бы, и ты к своим казакам заглянул. Полина бы за домом посмотрела.

Бунтов понимал, что Валентина не хочет оставлять его одного, и эта маленькая хитрость немного рассмешила и, как ни странно, успокоила, помогла забыть последние переживания, и он согласился, вдруг рассмотрев в жене то, что прежде, оказывается, не видел, не придавал этому значения, не ценил.

— Вот и договорились! — поспешно сказал Андрей и посмотрел на Валентину долгим и пронзительным взглядом, словно впервые увидел ее.

В этот момент ему захотелось наговорить ей много приятных и ласковых слов, но сдержался, не стал зря молоть языком, лишь подумал, навсегда сдаваясь: “Вот и началась моя новая жизнь!”

Поздравляем Владимира Дмитриевича Пронского с 60-летием! Желаем крепкого здоровья, бодрости духа и новых светлых книг.

Редакция “Нашего современника”